

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

**TOIMETISED**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

**573**

**ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ  
В РОССИИ**

Труды по русской и славянской филологии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED  
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ  
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS  
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 573 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

## ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Труды по русской и славянской филологии

ТАРТУ 1981

Редакционная коллегия:

Э.А.Вайтха, А.Д.Душченко, С.В.Смирнов (отв. редактор),  
Х.И.Хейтер,

Ученая комиссия Тартуского государственного университета.

Выпуск 573.

Из истории славяноведения в России.

Труды по русской и славянской филологии.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

СССР, 202 400, г.Тарту, ул.Патюся, 18.

Ответственный редактор С. Смирнов.

Подписано в печать 13.07.1981.

ЛБ 53697.

Формат 30х45/4.

Вместе листов.

Иллюстрации. Фотоилл.

Ученно-издательских листов 9,16.

Печатных знаков 9,25.

Тираж 500.

Заказ № 802.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография ПТУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Патюся, 14.

## В.И. ЛЕНИН, СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.А. Дмитриев

Гениальный мыслитель, вождь и учитель мирового пролетариата В.И. Ленин в своей многогранной научной, политической и революционной деятельности большое внимание уделял теоретическим и практическим языковедческим проблемам /1/. Он постоянно следил за всем новым, что появлялось в отечественном и зарубежном языкознании, внимательно изучал лингвистическую литературу, постоянно совершенствовал свои знания родного и иностранных языков, часто при разработке философских проблем, при решении теоретических и практических вопросов революционного движения и национального строительства использовал языковые факты, давал им классовую, марксистскую интерпретацию.

В числе языковедческих проблем, привлекавших внимание В.И. Ленина, значительное место занимали вопросы, связанные с изучением славянских языков. О славистических интересах В.И. Ленина свидетельствуют, в частности, его библиографические заметки, относящиеся к 1911 г. Ознакомившись с трудом Н.А. Рубакина "Среди книг" (т. I, М., 1911 г.), он выписал заинтересовавшие его книги и среди них "Историю русской этнографии" А.Пыпина (выпуск I и II: великороссы; выпуск III: малороссы; выпуск IV: белорусы и Сибирь), "Сравнительную морфологию славянских языков" Ф.Миклошича (выпуск III: малорусский и русский языки; выпуск IV: чешский и польский языки), "Лекции по славянскому языкознанию" Т.Флоринского, "Мысль и язык" А.Потебни, "Общеславянский язык" А.Будиловича, "Обзор фонетической особенности малорусской речи" Б.Науменко, "Украинскую грамматику" А.Крымского /2/.

Характерно, что в каталоге личной библиотеки В.И. Ленина в Кремле значится 21 книга по языкознанию и среди них такие, как "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И. Даля, "Язык, война и революция" С.И. Карцевского, "Памятники старославянского языка", "Русская речь" под редакцией Л.В. Щербы, "Краткое введение в науку о языке" Д.Н. Ушакова, "Учебник болгарского языка" В.Н. Щепкина и др. /3/.

Из всех славянских языков наибольшее внимание В.И.Лениным было уделено языку русского народа, причем им был сформулирован ряд важных положений о характере этого языка, его истории, функциях и дальнейшем развитии.

Прежде всего необходимо отметить, что В.И.Ленин разработал четкое учение о взаимоотношении языка и общества, языка и народа и дал методологические основы для периодизации истории языка в связи с историей его носителей.

В.И.Ленин раскрыл органическую связь развития русского языка с процессом формирования русской нации, зарождение которой было исторически обусловлено разложением на Руси феодального общества и развитием в его недрах капитализма. "Нации, - писал он, - неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи развития" /4/. Возникновение в России "национальных связей в собственном смысле слова" (I, 153) В.И.Ленин относит только к новому периоду русской истории (примерно к ХУП веку). В это время происходит слияние всех русских областей, земель и княжеств в одно целое. Это слияние, подчеркивает он, "вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок" (I, 154).

Основополагающие высказывания В.И.Ленина явились прочным фундаментом, опираясь на который советские языковеды (Л.П. Якубинский, В.М. Жирмунский и др.) разработали теорию формирования и развития национальных языков /5/, составляющую одно из достижений советского языкознания /6/. Обобщение высказываний В.И.Ленина, проведенное советскими лингвистами, показало, что он не только вскрыл условия возникновения русского и других национальных языков, но и указал основные признаки, отличающие национальный язык от языка донационального периода. "Во всем мире, - писал он, - эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой

группировки населения по всем отдельным классам, наконец - условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем" (25, 258-259).

Из приведенного высказывания В.И.Ленина видно, что основным признаком национального языка является его единство. Этот язык обязательно закреплён в литературе, причём русский национальный литературный язык, сложившийся на общенародной основе, не находится в противоречиях с живой разговорной речью: он понятен населению всей территории, на которой живут представители русской нации.

Устраняются все препятствия на пути развития национального литературного языка: он употребляется во всех сферах устного и письменного общения людей, используется в литературе и во всех других областях национальной и государственной жизни; объединяющая функция литературного языка и его норма в период национального существования приобретают характер универсальной исторической закономерности.

Таким образом, ленинское учение о нациях и национальных языках не только даёт методологические основы для подлинно научной периодизации истории русского литературного языка, но и содержит основные теоретические положения для разработки проблемы социальных функций языка в различные периоды развития человеческого общества.

Учение В.И.Ленина о развитии национальных языков, его теория и практика национального строительства сформировались вместе с разработкой ленинского учения о социалистической революции, социалистических преобразованиях в стране победившего пролетариата. В.И.Ленин глубоко изучил языковую ситуацию в таких многонациональных и многоязычных странах того времени, как Россия, Австро-Венгрия, Швейцария, Бельгия, Германия и др. В этой связи им был сформулирован ряд принципиальных, актуальных и в наши дни, положений о взаимоотношении языков в многонациональных государствах, о характере и функциях не только некоторых западноевропейских, но и славянских языков, и прежде всего русского.

В условиях, когда государственно-политический строй царской России, Австро-Венгрии и других многонациональных государств юридически закреплял язык господствующей нации в качестве государственного, В.И.Ленин категорически отрицал необходимость государственного языка и выступал за полное равноправие и свободу всех языков. "Отстаивая последовательно демократический государственный строй, - писал он в "Тезисах

по национальному вопросу", — социал-демократия требует безусловного равноправия национальностей и борется с какими бы то ни было привилегиями в пользу одной или нескольких национальностей. В частности, социал-демократия отвергает "государственный язык" (23, 316-317).

Правильное решение вопроса о взаимоотношении языков в России, как и в любом другом многонациональном государстве, В.И. Ленин считал исключительно важным как в политическом и научно-теоретическом, так и в практическом отношениях. Он прекрасно понимал мощь и значение русского языка, ту роль, которую он играет и будет играть в развитии и обогащении культуры и науки других народов. В 1914 г., полемизируя с либералами, В.И. Ленин писал: "Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч" (24, 294). Однако, неоднократно подчеркивая богатство, силу и красоту русского языка, В.И. Ленин разоблачал стремление черносотенцев и либералов использовать его как орудие русификации угнетаемых народов. Борясь за то, чтобы "каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку" (24, 295), В.И. Ленин решительно выступал против принудительного обучения: "Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о "культуре" вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием" (там же).

Огромная любовь В.И. Ленина к русскому языку сочеталась с глубоким уважением к другим языкам, признанием за каждым человеком любить свой язык и говорить на нем. Борьбу за подлинную свободу и равноправие всех языков он рассматривал как необходимое условие борьбы за социалистическую революцию, за национальное и социальное освобождение.

Вместе с тем, учитывая все усиливающиеся экономические, политические, культурные и научные связи между народами, объединение трудящихся разных национальностей в общей борьбе за переустройство жизни на социалистических основах, В.И. Ленин предвидел историческую необходимость появления прежде всего в многоязычных государствах языков межнационального общения, которые трудящиеся изберут без какого-либо принуждения, добровольно, в своих жизненных интересах.

Выдвижение именно русского языка в качестве языка межнационального общения в России было обусловлено рядом причин. Существенное значение прежде всего имел тот факт, что боль-

шую часть населения России составляли близкородственные славянские народы. В связи с этим, выступая против общего государственного языка, В.И. Ленин писал: "В России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности столкноваться без всяких "государственных" привилегий одному из языков" (23, 317). И далее: "Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться "ужасной" мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках" (23, 424).

Средством общенационального общения русский язык смог стать еще и благодаря тому, что он выступал могущественным проводником достижений передовой и богатой русской и мировой культуры и науки, общественно-политического сознания и опыта революционной борьбы пролетариата. Поэтому, борясь за интернациональное единство рабочего класса, за национальные права всех народов и равноправие всех национальных языков, В.И. Ленин решительно выступал за обеспечение благоприятных условий для добровольного обучения русскому языку всех жителей России, за ликвидацию всех барьеров, затрудняющих "великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы" (24, 295).

Глубокий интерес представителей различных национальностей, населявших Россию, к русскому языку обуславливался также и тем, что русский народ всегда играл авангардную роль в революционной борьбе против царизма, в борьбе за социалистическое преобразование жизни, за подлинное равноправие всех народов.

Однако решающую роль в этом процессе играли прежде всего экономические факторы. В связи с этим В.И. Ленин еще в 1913 г. указывал: "Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений" (23, 423), ибо "потребности экономического оборота сами собой определят тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последова-



тельное будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма" (23, 424-425).

Гармоничное сочетание национальных языков и русского языка как средства межнационального общения и единения закреплено в Программе КПСС: "В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения. Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР"/7/.

Дальнейшая демократизация русского литературного языка в послеоктябрьский период требовала кодификации его словарного состава на новых принципах. Имея в виду эту задачу, В.И. Ленин уже в первые годы Советской власти выступает с идеей создания словаря русского языка для широких читательских масс.

Необходимость подготовки такого словаря была обусловлена прежде всего задачей скорейшей ликвидации неграмотности и привлечения широких трудящихся масс к сознательному участию в строительстве новой жизни, ибо, как писал В.И. Ленин, "борьба с неграмотностью — задача важнее других" (51, 257). Кроме того, необходимо было нормировать употребление многих лексических новообразований, порожденных годами политических битв и социально-экономических преобразований.

В письме к А.В. Луначарскому 18 января 1920 г. В.И. Ленин характеризует известный словарь В.И. Даля как "великолепную вещь", но тут же отмечает его недостатки: "... это областной-ческий словарь и устарел". Одновременно он сообщает свой замысел: "Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького" (51, 122). Он не мыслит современный русский язык в отрыве от классического. 5 мая 1920 г. эта идея повторяется в записке к М.Н. Покровскому: "Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно)" (там же, 192). В мае 1921 г. В.И. Ленин четырежды в течение месяца обращается в Наркомпрос, настойчиво напоминая о необходимости быстрого создания словаря образцового современного русского языка, причем наряду с советами, как следует организовать работу, снова и снова

уточняет свой замысел: "Т.Литкенс! Забыл при свидании просить Вас проверить, как стоит дело с комиссией ученых, составляющих словарь (краткий) современного (от Пушкина до Горького) русского языка" (52, 178); "Задание - краткий (малый "Лярусс" образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию" (там же, 199).

Таким образом, В.И.Ленин ставил задачу создания массового словаря русского литературного языка, который был бы справочником нормативной русской речи и закреплял в употреблении, с одной стороны, образцовую лексику прошлого, а с другой - необходимые новообразования революционной эпохи. Знаменательным было также доведение границ литературного языка именно до Горького. В.И.Ленин уже в то время оценил огромный вклад писателя в развитие литературы и русского языка, что позднее было раскрыто в исследованиях советских и зарубежных ученых. "Трудно представить в ленинской формуле "от Пушкина до Горького" замену последнего кем-то другим, ибо именно в творчестве Горького наиболее полно выражен опыт предшествующей литературы, именно он завершает определенный этап развития нашей литературы и одновременно продолжает ее в новом качестве" /8/.

Работа над созданием словаря началась в 1921 г., но на некоторое время была прервана. Это объясняется прежде всего политическими и экономическими причинами - все силы и средства страна вынуждена была отдавать борьбе с последствиями войны и хозяйственной разрухи, так как от ликвидации их зависело само существование Советской власти. Кроме того, в условиях меняющейся языковой нормы необходимо было время для выяснения этой нормы, проведения экспериментов и научных исследований. В 1922 г. возобновилась работа над словарем, завершившаяся изданием четырех томов "Толкового словаря русского языка" (1934-1941, т. I-IV) под редакцией Д.Н.Ушакова. В этом выдающемся труде советских лексикографов осуществлены идеи В.И.Ленина о массовости словаря и образцовости его лексического состава.

Убеждение в том, что нормирование языка как важнейшего средства общения в социалистическом обществе становится актуально необходимым, сочеталось у В.И.Ленина с постоянной заботой о повышении языковой культуры. "Ленин был исключительно чуток к языку и не проходил мимо малейшего отклонения от норм словоупотребления, мимо нарушения грамматических

правил, выступал против искажения русского языка" /26/. В этом отношении особое значение, актуальное и в наши дни, имеет его общеизвестная заметка "Об очистке русского языка". В.И. Ленин с огорчением отмечал расширяющееся употребление иностранных слов в таких случаях, когда в самом русском языке есть полноценные лексические эквиваленты для обозначения соответствующих предметов, понятий и явлений: "Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно" (40, 49).

Борьба В.И. Ленина за правильность и чистоту русского языка обусловлена и конкретными задачами, связанными с революционными преобразованиями в стране в 20-х годах, заботами о культурной революции и о завтрашнем дне советского общества. Но в первую очередь она определялась важностью влияния партии на все слои трудящихся. В дальнейшем развитии и совершенствовании русского языка, в ликвидации неграмотности и в овладении широчайшими массами русским литературным языком и культурой В.И. Ленин видел одно из условий сознательного и активного участия всех трудящихся в социалистических преобразованиях, в практическом воплощении в жизнь программы партии. Еще в 1906 г., обращаясь к пропагандистам партии, он писал, что большевики "должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, неизвестных ей лозунгов, определений, заключений" (14, 92). К этому вопросу В.И. Ленин возвращался неоднократно, добиваясь того, чтобы партийная пропаганда велась на языке, понятном всем трудящимся.

На протяжении всей своей деятельности В.И. Ленин боролся против засорения русского языка, против его коверканья, высмеивал пустословие, фразерство, игру в научные термины, учил партийных работников и работников печати говорить языком простым, доступным рабочим и крестьянам. Всякую неточность и неряшливость языка В.И. Ленин считал проявлением нечеткости и неорганизованности мысли. Его повседневная борьба за привлечение всех трудящихся к сознательному участию в социалистических преобразованиях находила выражение, в частности, в постоянном внимании к вопросам культуры речи, в борьбе за чистоту языка, за четкость и ясность партийной пропаганды, требования к которой выражены в следующих, не утративших актуальности и сегодня ленинских словах: "максимум марксизма = максимум популярности и простоты" (32, 442).

Одним из условий общения с трудящимися и успешной пропаганды В.И. Ленин считал необходимость знания народной речи. "Все сознательные рабочие: питерские, иваново-вознесенские, московские, которые бывали в деревне, — писал он, — все рассказывали нам примеры того, как целый ряд недоразумений, самых, казалось бы, неустрашимых, целый ряд конфликтов, самых, казалось бы, крупных, устранялись или ослаблялись тем, что выступали толковые рабочие, которые говорили не по-книжному, а на понятном мужику языке..." (38, 203). Однако, призывая к овладению народной речью, ориентируясь на широкий круг слушателей и читателей, В.И. Ленин не допускал примитивизирования пропаганды в целях облегчения ее восприятия. Принципиально важными в этом отношении являются его указания о задачах партийной печати. Он допускал, что не все читатели и не сразу смогут разобраться в сложных теоретических и практических вопросах, и в связи с этим писал: "Из этого вовсе не следует, что газета должна бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего слоя рабочих рабочих-передовиков" (4, 269-270). В наши дни забота о чистоте и правильности русского языка, о доходчивости и понятности его постоянно находится в центре внимания не только советских языковедов, писателей и публицистов, но и всех работников печати. Как отмечают исследователи, "заложенные В.И. Лениным и его соратниками по революционной борьбе и по журналистской деятельности принципы языковой политики неуклонно соблюдаются партийной печатью, хотя в разные периоды они находят различные конкретные формы языковой реализации" /10/.

В.И. Ленин глубоко интересовался положением и развитием других славянских языков.

Постоянное внимание его привлекали язык и культура братского украинского народа. В то время как реакционеры всех мастей и великодержавные шовинисты отрицали само существование украинского языка, объявляя его "выдумкой горстки интриганов" /11/, В.И. Ленин беспощадно разоблачал антиукраинскую политику царизма, который "запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке" (32, 342), и боролся за право Украины на самоопределение, за право украинского народа самому решать свою судьбу, развивать свой национальный язык и культуру. Борьбу украинского народа за национальное и социальное освобождение В.И. Ленин определял и как движение "к свободе и к родному языку" (30, 190). Наиболее полно отноше-

ние к украинскому языку и культуре В.И. Ленин сформулировал в специальном пункте "Резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине". В этой резолюции, в частности, записано: "Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т.д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всей партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс" (39, 334-335). Характерно, что, заботясь о признании равноправного положения украинского языка, В.И. Ленин внимательно следил за тем, чтобы этот статус украинского языка неукоснительно соблюдался. "Немедленно же, - писал он, - должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке" (39, 335). Сохранились свидетельства современников В.И. Ленина о его заинтересованном и бережном отношении к украинскому языку и украинской культуре. В апреле 1921 г. он принял делегацию украинских крестьян. Руководитель делегации Ф.П. Дидук вспоминает об этой встрече: "Разговор мы вели на украинском языке. Один из наших товарищей извинился, что мы говорим по-украински, спросил, понятно ли ему. Владимир Ильич ответил, что он понимает и любит украинский язык, читал произведения Шевченко, Франко и других украинских писателей. В свою очередь он поинтересовался, имеются ли в селах украинские издания Шевченко, Франко, Коцюбинского и другая литература" /12/.

Ленинские указания по вопросу о роли украинского языка в коммунистическом воспитании украинского народа, в развитии украинской культуры определяли политику Коммунистической партии СССР на весь период строительства социализма и коммуниз-

ма в области развития не только украинского языка, но и других национальных языков Советского Союза /13/.

Характерно, что, борясь за равноправие всех языков, В.И. Ленин одновременно ставил вопрос о том, что партия должна "помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-правительственные учреждения на родном языке; е) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке..." /14/. Это требование в первую очередь имело в виду оказание помощи таким народам, как киргизы, башкиры, туркмены, узбеки, таджики, азербайджанцы, татары, дагестанцы, но не в меньшей мере касалось и славянских народов. Об этом свидетельствует, например, заботливое отношение В.И.Ленина к нуждам белорусского народа. В 1918 г., беседуя с делегацией съезда беженцев-белорусов (большая часть Белоруссии в то время была оккупирована немецкими захватчиками), В.И.Ленин внимательно расспрашивал о всех бедах белорусов, а в конце беседы "высказал свое искреннее сочувствие страданиям и горю белорусского народа и пообещал, что он не пожалеет ничего для организации просвещения и улучшения его положения" /15/. Реальным выполнением этого обещания, в частности, после освобождения Белоруссии было принятие решения об откомандировании в распоряжение Наркомата просвещения Белоруссии всех специалистов - белорусов по происхождению для работы по специальности. В числе этих специалистов были откомандированы и филологи. Эта и другие меры, предпринятые в то время, способствовали быстрому развитию белорусского литературного языка, который в сравнительно короткий срок стал языком художественной, общественно-политической, научно-популярной и учебной литературы, периодических изданий, школы, театра, радио, делопроизводства, публичных выступлений и т.д. /16/.

Необходимо подчеркнуть, что, борясь за самоопределение наций, за отмену обязательного государственного языка, за обеспечение "населению школ с преподаванием на всех местных язы-

ках" (24, 205), против использования русского языка в качестве орудия насильственной ассимиляции других народов, В.И. Ленин в то же время решительно боролся против тенденций отдельных национальностей замкнуться в своем развитии, отгородиться от других народов. Он беспощадно разоблачал попытки некоторых теоретиков под видом борьбы против насильственной ассимиляции выступать против сотрудничества и сближения наций. Объективно идущий процесс всестороннего сближения наций должен проходить при обязательном условии сохранения самобытности каждого народа, его языка и культуры. "Тот не марксист, - писал В.И. Ленин, - тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но также несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной национальности за "ассимиляторство", на деле представляет из себя просто национального мещанина" (24, 125). Вот почему, борясь против насильственной ассимиляции, за создание всех благоприятных условий для развития национальных языков и культур, В.И. Ленин одновременно боролся за то, чтобы "каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку" (24, 295).

Проблемы, связанные с решением национального вопроса у западных и южных славян, также постоянно волновали В.И. Ленина. Подлинное национальное освобождение зарубежных славян он последовательно связывал с необходимостью социалистической революции, что неизбежно предполагает необходимость классового союза трудящихся в славянских странах с пролетариатом других государств и их совместную борьбу за социальные преобразования.

Так, говоря о том, что национальное освобождение поляков немислимо без борьбы за социализм, без интернациональной взаимопомощи и классовой солидарности трудящихся разных стран, В.И. Ленин подчеркивал, что при решении вопроса о независимой Польше не следует "забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции" (30, 48). Борьба за решение национального вопроса для марксиста подчинена интересам классовой борьбы пролетариата. В этой связи В.И. Ленин неоднократно указывал на особую важность союза революционных движений зарубежных славян с передовым отрядом международного коммунистического движения - пролетариатом России. "Свобода Польши, - писал он, - невозможна без свободы России" (17, 269).

Правильное решение национального вопроса В.И. Ленин считал важнейшей задачей, стоящей и перед чешским революционным движением. "Больше всего вопросов, — пишет один из основателей Коммунистической партии Чехословакии Б. Пмераль, — задавал мне Ленин о том, какое отражение имеет в Чехословакии национальный вопрос" /17/. Он ставил задачу "добиться того, чтобы чешский и немецкий пролетариат как можно скорее очутился... в одном фронте" /18/. В эпоху империализма недостаточна для нации только политическая независимость, ибо при этом сохраняются особенные формы колониального и финансового порабощения огромного большинства населения земного шара небольшим меньшинством самых богатых капиталистических стран. Путь к преодолению этого гнета В.И. Ленин видел в совместной борьбе пролетариата всех стран не только за национальное, но и социальное и экономическое освобождение. "Настоящий пролетарский интернационализм, — учил он, — требует, чтобы интересы пролетарской борьбы в одной стране были подчинены интересам этой борьбы в международном масштабе и чтобы народ, победивший буржуазию, был способен, решился принести самые большие, национальные жертвы для поражения мирового капитализма" /19/.

Обосновывая теорию и политику партии в области национальных отношений, В.И. Ленин неоднократно в своих работах обращался к примерам из истории Болгарии и других балканских государств. Он с предельной ясностью вскрыл сущность национального вопроса на Балканах в XX веке, показал его органическую связь с буржуазно-демократическими и социалистическими преобразованиями в балканских странах, дал научную характеристику национальных движений на Балканах и определил тактику пролетариата в этих странах по отношению к национальным движениям и национальной борьбе.

Проанализировав последствия Балканских войн, знаменовавших "великий шаг вперед в разрушении остатков средневековья во всей Восточной Европе" (22, 156), В.И. Ленин констатировал, что они дали мощный толчок к дальнейшему развитию национально-освободительного движения у южных славян. Одной из подлинных целей немецкой буржуазии, развязавшей первую мировую войну, было стремление разгромить национально-освободительное движение на Балканах. "На деле, — писал В.И. Ленин, — немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию славянства..." (26, 16). Отмечая, что на Балканах происходит



процесс нового пробуждения "целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единных государств" (25, 269). В.И. Ленин указывал, что для этих движений актуальным и важным является правильное решение национального вопроса. Маленькие государства на Балканах — Румынию, Болгарию, Грецию, Сербию, Черногорию и Албанию — можно назвать, по мнению В.И. Ленина, национальными государствами. Однако при этом не следует забывать, что "в них чуженациональное население составляет от 5 до 10 %, что громадное (по сравнению со всем числом представителей данной нации) количество румын и сербов живут вне пределов "своего" государства, что вообще "государственное строительство" на Балканах в направлении буржуазно-национальном не закончилось даже "вчерашними", можно сказать, войнами 1911-1912 годов" (30, 355). Он подчеркивал, что подлинное национальное освобождение болгар, сербов, как и других народов, может быть достигнуто лишь тогда, когда будет завоевана и социальная, и экономическая свобода. "Действительная свобода славянского крестьянина на Балканах, — писал В.И. Ленин, — как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена только полной свободой внутри каждой страны и федерации вполне и до конца демократических государств" (22, 151).

В.И. Ленин указывал на огромное значение родного языка в жизни и в борьбе славянских народов за национальный прогресс и национальное освобождение. Ущемление прав национального языка он квалифицировал как одну из форм национального подавления и эксплуатации. Так, например, говоря о том, что раздел Польши между немецким, австрийским и русским капиталом "осудил польский народ на долгие годы угнетения", он особенно обращал внимание на то, что в условиях этого тройного гнета "пользоваться родным языком считалось преступлением" (40, 181). Борьбу за подлинную свободу и равноправие всех языков В.И. Ленин рассматривал как необходимое условие борьбы за социалистическую революцию, за национальное и социальное освобождение всех народов.

В.И. Ленин постоянно совершенствовал свои знания в области иностранных языков. Свободное владение иностранными языками давало возможность получать из первоисточников необходимую научную информацию, глубоко знать политическое и социально-экономическое положение в различных странах. Большое внимание уделял он практическому изучению не только западноевропейских языков, но и языков братских славянских народов.

Первое знакомство В.И.Ленина с польским языком относится ко времени пребывания его в сибирской ссылке. Здесь он слушал польские революционные песни, которые пели ссылкинцы рабочие-поляки, и выучил их частично по-польски, частично - в переводах, сделанных Г.М.Кржижановским. Д.И.Ульянов вспоминал, что после возвращения из ссылки В.И.Ленин часто напевал полюбившиеся ему "польские революционные песни: "Красное знамя" ("Червоны штандар"), "Варшавянку" и менее известную "Время настало в темной России, дружно, рабочий, выступи в бой! ...". Он говорил в то время, что у нас нет еще своих рабочих, революционных песен, так как рабочее движение еще слишком молодо, нет еще массовых политических выступлений, как в Польше и на Западе. Но такие песни должны быть, и, пока они не сложатся в ходе борьбы, нужно распространять переводные польские и др." /20/. Таким образом, к началу 90-х годов В.И.Ленин уже имел некоторое представление о польском языке: не случайно в письме к М.А.Ульяновой в 1901 г., говоря о чешском языке, он сравнивает его с польским и русским языками (55, 205-206).

В самый канун первой мировой войны В.И.Ленину в течение двух лет (1912-1914 гг.) пришлось прожить в Польше. Годы жизни на польской земле еще больше сблизили В.И.Ленина с польским народом, дали возможность более глубоко познакомиться с жизнью польских трудящихся, с развитием польского рабочего движения. Приехав в Краков 19 июня (2 июля) 1912 г., он быстро освоился с новой обстановкой. В свободное от напряженной работы время он живо интересовался жизнью поляков, много разъезжал на велосипеде по окрестностям города, беседовал с крестьянами, а позднее, переехав в Поронино, - с гуралами. Польским языком он не владел. Сам В.И.Ленин, шутливо оценивая свои познания в области польского языка в то время, так писал сестре о беседах с поляками: "... объясняюсь на невероятно ломаном языке, из которого знаю пять слов, а остальные коверкаю русские" (55, 339).

Представляет интерес метод, которым пользовался в данном случае В.И.Ленин для овладения польским языком. Польский революционер Я.Ганецкий, узнав, что В.И.Ленин встречался с польскими крестьянами, спросил его, как он беседует с поляками? Ведь он не говорит по-польски? В.И.Ленин ответил: "-А это кто вам сказал? У меня словарь - я уже много польских слов знаю. При помощи словаря я читаю польские газеты. В загородные прогулки беру с собой в помощь словарь. Зайду к

крестьянину в избу, поздоровавсь, попрошу уступить немного молока — и заведу беседу. Говорю по-польски. Если польских слов не хватает, восполняю немецкими: ведь многие из них служили в армии, — значит немного изучили немецкий язык. Приходится в разговоре часто прибегать к жестам... Одним словом, — мы превосходно беседуем и друг друга понимаем..." /21/.

Разумеется, изучение польского языка не ограничивалось только беседами с крестьянами и гуральями. Известно, что в эти годы В.И. Ленин много читал на польском языке, часто встречался с польскими социал-демократами. Высоко оценивая огромные заслуги польских социал-демократов, которые "провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе" (25, 298), В.И. Ленин принимал активное участие в польском рабочем движении: посещал рабочие собрания и митинги, выступал с лекциями и докладами, печатал свои статьи в польской прессе. К концу своего пребывания в Польше В.И. Ленин уже свободно читал и мог вести беседу на польском языке /22/.

В Праге В.И. Ленин был трижды. Впервые он приезжал туда в сентябре 1900 г., чтобы договориться с чешскими социал-демократами об организации нелегальной пересылки газеты "Искра" из Германии в царскую Россию.

Весной 1901 г. В.И. Ленин снова посещает Прагу, чтобы в русском консульстве оформить документы для выезда за рубеж Н.К. Крупской, у которой к тому времени кончился срок ссылки, и на месте проверить, как осуществляется пересылка корреспонденции в Россию. К этому времени относится первое, известное нам свидетельство об интересе В.И. Ленина к языку чехов, о его наблюдениях над словарным составом и словообразованием чешского языка. В марте 1901 г. в письме М.А. Ульяновой В.И. Ленин писал: "Жалею, не занимался я чешским языком. Интересно, очень близко к польскому, масса старинных русских слов. Я недавно уезжал, и по возвращении в Прагу особенно бросается в глаза ее "славянский" характер, фамилии на "чик", "чек" и пр., словечки вроде "лзья", "лекарня" и пр. и пр." (35, 205-206).

И в последующие годы В.И. Ленин не теряет связей с Прагой. Он поддерживает их путем личных контактов с чешскими социал-демократами, встречаясь с ними на заседаниях конгрессов II Интернационала и Международного социалистического бюро и т.д. О тесных связях и сотрудничестве русских марксистов и чешского рабочего движения свидетельствует тот факт, что В.И.

Ленин в 1911 г. обратился к главному редактору партийной газеты чешских социал-демократов А.Немецу с просьбой оказать помощь в организации нелегальной конференции РСДРП. В 1912г. с помощью чешских социал-демократов в Праге была проведена такая конференция, которая вошла в историю КПСС под названием Пражской конференции. Так Злата Прага стала в один ряд с другими городами Европы, которые связаны с именем В.И.Ленина и славной историей Коммунистической партии Советского Союза /23/.

Во время Пражской конференции РСДРП В.И.Ленин живо интересовался жизнью чешских трудящихся. Он неоднократно встречался с А.Немецом, подолгу с ним беседовал, расспрашивал о революционной борьбе чешских рабочих. Интересовал его и чешский язык. "На столе у Ленина, — пишет один из участников Пражской конференции Е.Онуфриев, — среди газет и журналов я видел чешско-русский словарь. Ленин часто пользовался им. Я видел, как он что-то выписывал из словаря на небольшие клочки бумаги" /24/.

Об успехах В.И.Ленина в изучении чешского языка можно судить по его встрече с А.Запотоцким, приехавшим в Москву летом 1920 г. на конгресс Коммунистического Интернационала. С волнением он вместе с другим чешским делегатом ждал приема у В.И.Ленина: как и о чем говорить с ним, что может интересовать Ленина в Чехословакии? "Однако, — пишет А.Запотоцкий, — все мои опасения оказались напрасными. Ленин знал о нас многое. Прежде всего оказалось, что он понимает по-чешски. И мы тоже понимали русский язык, хотя говорить не умели. Выяснилось, что переводчик не нужен" /25/.

Но В.И.Ленин не мог удовлетвориться этими знаниями. Известно, что в начале 20-х годов молодая Коммунистическая партия Чехословакии переживала серьезные трудности: единой партии фактически не было, а существовали самостоятельно чехословацкая и немецкая секции. Как подчеркнул старейший деятель чехословацкой компартии К.Крейбих, В.И.Ленин, добившийся на III конгрессе Коммунистического Интернационала решения вопроса о скорейшем объединении КПЧ с немецкими коммунистами в Чехословакии, фактически "является одним из основателей объединенной Коммунистической партии Чехословакии" /26/. Для этого В.И.Ленину пришлось провести огромную работу по изучению положения в КПЧ. Он внимательно проанализировал материалы Учредительского съезда чешской компартии (52, 269; 53, 37), подверг резкой и принципиальной критике ошибки "левых" и

"правых" в чешском рабочем движении (44, 45-46; 60-61), неоднократно встречался и беседовал с чешскими революционерами, помогая им занять правильные, марксистские позиции. Во время одной из таких бесед с К.Крейбигом, участвовавшим в работе III конгресса Коминтерна в 1921 г., "Ленин сказал о своем намерении изучить чешский язык, чтобы иметь возможность самому непосредственно следить за делами чехословацких коммунистов" /27/. Это замечание оказалось не просто словами. "Позже рассказывали, - вспоминает К.Крейбих, - как на одном заседании присутствующие вдруг заметили, что Ильич что-то читает под столом. Волей-неволей пришлось показать книгу: оказалось, что это учебник чешского языка!" /28/.

С представителями болгарского революционного движения В.И.Ленин сотрудничал почти с первых дней своей политической деятельности. Он неоднократно подчеркивал важную роль первой марксистской группы в России, созданной в 80-х годах прошлого века в Петербурге болгарским студентом Д.Благоевым, в деле развития русского рабочего социал-демократического движения. В свою очередь основоположник научного социализма в Болгарии Д.Благоев проявлял живой интерес к статьям и трудам В.И.Ленина еще в конце прошлого века.

Ленинские идеи проникали в Болгарию не только через печать, но и через многочисленных болгарских студентов - социал-демократов, которые учились в 90-е и 900-е годы в Женеве и других городах Западной Европы, встречались с В.И.Лениным, слушали его доклады и выступления, беседовали с ним, помогали ему и его соратникам в издании и распространении революционной литературы и т.д.

Выполняя свой интернациональный долг, болгарские революционеры оказали русским марксистам неоценимую помощь в организации нелегальной деятельности, обеспечив их болгарскими паспортами. Известно, что некоторое время и сам В.И.Ленин и Н.К.Крупская жили в Мюнхене по болгарскому паспорту.

Болгарский паспорт В.И.Ленину и Н.К.Крупской был передан от известного болгарского публициста, пропагандиста марксизма и революционера Т.Бакалова через Р.Аврамова, болгарского студента в Женеве, который активно сотрудничал с русскими социал-демократами, а после II съезда РСДРП примкнул к большевикам /29/.

В.И.Ленин глубоко интересовался положением в Болгарии, развитием болгарского революционного движения и часто беседовал на эти темы с болгарскими студентами в Женеве. Воспо-

минания болгарских товарищей дают возможность представить себе круг вопросов, которые интересовали В.И.Ленина. Так, в воспоминаниях П.Нончева, беседовавшего первый раз с В.И.Лениным в 1903 г., читаем: "Узнав, что я болгарин, Ленин по-вернулся ко мне:

- Ну, товарищ Нончев, как у вас в Болгарии?

Он долго расспрашивал о нашей стране, о том, сколько в Болгарии фабрик и рабочих, о деятельности социалистических групп. Слушал он внимательно и сосредоточенно, иногда задавал вопросы для уточнения и уяснения" /30/. Старейший деятель болгарского рабочего движения, также бывший студент в Женеве Й.Рашенов, познакомившийся с В.И.Лениным в 1904 г., в своих воспоминаниях пишет: "... Ленин отыскал у стены два свободных стула, сел на один из них, усадил меня на втором и совсем просто, естественно, сидя вблизи меня долго расспрашивал меня о Болгарии: о промышленности, о "первобытном" земледелии, о росте рабочих и их просвещении, о расколе партии на Русенском конгрессе, об Илинденском восстании и пр." /31/.

Выясняется, таким образом, что В.И.Ленин сам хорошо знает историю Болгарии, ее культуру. "После этой встречи, - пишет П.Нончев, - я часто видел Ленина. Он всегда спрашивал меня о новостях из Болгарии, о состоянии партии, проявляя большой интерес к нашей стране, и много знал о ней" /32/. Примечателен, в частности, следующий факт. В сочинениях В.И.Ленина нигде не встречается имя болгарского поэта, публициста и революционного деятеля Х.Ботева. Однако во время встречи с Й.Рашеновым становится ясно, что В.И.Ленин знаком с творчеством Х.Ботева, знает его стихи. "Ленин, - вспоминает Й.Рашенов, - заговорил о Ботеве, подвел меня к сцене, весело и живо попросил меня декламировать стихотворение "Жив еще, жив он..." /33/.

Контакты В.И.Ленина с болгарскими революционерами становятся особенно прочными, когда вспыхнула первая мировая война и БРСДП (тесные социалисты) встала на позиции, очень близкие большевистским, выступив против империалистической войны и предательства лидеров II Интернационала. Он вел переписку с Д.Благоевым и другими руководителями болгарских коммунистов, часто встречался и беседовал с ними /34/. В.И.Ленин с большим уважением относился к Болгарской коммунистической партии, считал болгарских тесняков "интернационалистами на деле" (30, 149), включил их в число партий - учредителей Коммунистического Интернационала (50, 228). Забота о дальнейшем

развитии коммунистического движения в Болгарии, желание помочь болгарским коммунистам окончательно порвать с социал-демократическими традициями, унаследованными от II Интернационала, стимулировали интерес В.И.Ленина и к болгарскому языку. В 1920 г., предельно загруженный государственными делами, уже в пятидесятилетнем возрасте В.И.Ленин приступает к изучению болгарского языка, чтобы по подлинникам следить за болгарской коммунистической литературой. Поводом для этого послужил следующий случай. В августе 1920 г. он принял у себя в кабинете видного деятеля болгарского и международного рабочего движения, приехавшего на II конгресс Коммунистического Интернационала, Х.Кабакчиева. В.И.Ленин заинтересовался рассказом Х.Кабакчиева о том, что болгарские коммунисты ведут среди трудящихся не только устную политическую агитацию, но и печатают переводную и оригинальную коммунистическую литературу, и попросил прислать ему новые большевистские брошюры, изданные в Болгарии. Х.Кабакчиев передал для В.И.Ленина около 15 книг и брошюр, изданных БКП. Через несколько дней он снова был приглашен в Кремль. В.И.Ленин высоко оценил деятельность болгарских коммунистов по пропаганде идей и опыта Октябрьской революции и подробно расспрашивал о том, какие вопросы затрагиваются и разрешаются в оригинальных брошюрах. "А трудно ли выучиться болгарскому языку?" - внезапно спросил В.И.Ленин и попросил Х.Кабакчиева, "если возможно, прислать ему поскорее болгарско-русский словарь" /35/. Поскольку Х.Кабакчиев не мог сразу выполнить эту просьбу (в Москве такого словаря не оказалось), В.И.Ленин 14 сентября 1920 г. пишет записку библиотекарю Ш.Манучарьянц: "Прошу мне поискать словарь болгарско-русский" /36/. "Очевидно, - пишет в своих воспоминаниях Х.Кабакчиев, - Ленин с нетерпением ждал возможности при помощи болгарско-русского словаря самому просмотреть переданные ему мною брошюры и книги, а может быть, и следить за некоторыми другими нашими изданиями. Большой интерес, проявленный Лениным к усиливавшемуся коммунистическому движению во всех странах, в том числе и Болгарии, напомнил мне такой же интерес, с которым Маркс и Энгельс в их эпоху следили за социалистическим движением и за распространением марксизма во всех странах и для этой цели изучали языки многих из этих стран" /37/.

Ш.Манучарьянц также не смогла найти болгарско-русский словарь. Ей удалось, однако, найти учебник болгарского языка В.Н.Щепкина. Узнав об этом, В.И.Ленин сказал: "Пока пусть ос-

танется учебник, а словарь можно не искать. Если понадобится, я попрошу" /38/.

В 1921 г. в Москву приехал Г.Димитров. Зная о просьбе, с которой В.И.Ленин обращался к Х.Кабакчиеву, но не найдя болгарско-русского словаря, Г.Димитров во время встречи с В.И. Лениным подарил ему первую часть болгарско-французского и франко-болгарского словаря с дарственной надписью: "Нашему любимому учителю и незаменимому вождю мировой пролетарской революции - тов. Ленину от Центрального комитета Болгарской коммунистической партии. За ПК: Георгий Димитров. Москва, 5 марта 1921 г." Этот словарь и учебник болгарского языка В.Н. Щепкина и сейчас находятся в кремлевском кабинете В.И.Ленина, напоминая о глубоком интересе вождя мирового пролетариата к болгарскому народу и к болгарскому языку, о его постоянной заботе о развитии коммунистического движения в Болгарии.

Рассмотренный нами материал далеко не исчерпывает всех фактов, свидетельствующих об интересе В.И.Ленина к славянским народам, их языкам и культурам, о глубоком проникновении его в сущность теоретических проблем как общего, так и славянского языкознания. Однако и эти факты свидетельствуют о важном значении ленинского наследия, касающегося славянской языковедческой проблематики. Изложенные в разных произведениях мысли В.И.Ленина о языке, сформулированные в связи с решением определенных философских или политических проблем, конкретных или общих теоретических вопросов, отдельные замечания, высказанные в выступлениях, в статьях, беседах, при чтении или конспектировании книг, документов и т.д., в совокупности представляют цельную марксистскую концепцию по языковедческим вопросам и являются методологической основой дальнейшего развития лингвистической науки вообще и славянского языкознания, в частности.

Особую ценность имеют факты применения марксистской методологии самим В.И.Лениным к решению конкретных проблем теории и истории, грамматики, стилистики и культуры русского и других славянских языков, а также практических вопросов, связанных с взаимоотношениями славянских языков друг с другом и другими языками, их функционирования, изучения и т.п. Представляя собой образцы конкретно-исторического, комплексного решения языковедческих задач, сочетающих лингвистическое рассмотрение фактов с их идеологической, классовой интерпретацией, они являются надежным ориентиром для современных уче-



ных в их научных исследованиях, в их борьбе с различными немарксистскими направлениями и течениями в языкознании.

Ленинское теоретическое наследие, относящееся к славяноведению и славянским языкам, имеет исключительно важное значение еще и потому, что содержащиеся в нем идеи уже блестяще прошли испытания временем, получили и получают реальное воплощение в СССР и братских славянских странах, в деятельности государственных и партийных органов, общественных организаций, научных, учебных и культурно-просветительных учреждений, в жизни миллионов строителей коммунизма. Применение идей и теоретических положений В.И.Ленина в целенаправленном преобразовании действительности подтвердило их истинность, способность предвидеть развитие событий, обеспечивать эффективное воздействие на них. Ленинское наследие в области славистики являет собой непревзойденный образец единства марксистской теории и революционной практики.

В.И.Ленин до конца своей жизни глубоко интересовался языками братских славянских народов и изучал их. Всю жизнь он руководствовался правилом: от изучения чужих языков к изучению народов, так как каждый народ проявляет себя с огромной выразительностью прежде всего в языке, язык дает ключ к пониманию людей, их запросов и чаяний. Отношение В.И.Ленина к овладению славянскими и другими иностранными языками является образцом выполнения интернационального долга, постижения науки руководства революционными массами, понимания их и мобилизации их на социальные преобразования и достойным примером как для молодежи, начинающей свой путь в науке и общественной деятельности, так и для их наставников.

## Л и т е р а т у р а

1. Памеляшвили Р.М. В.И.Ленин и вопросы языкознания. АДД. Тбилиси, 1969; Филин Ф.П. О некоторых философских вопросах языкознания. - В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 7-24; Кондрашов Н.А., Филиппова В.М. В.И.Ленин и вопросы языкознания. - Вопросы языкознания, 1955, № I, с. 3-6; Верезин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979, с.384-399.
2. Ленинский сборник. XXV. М., 1954, с. 309.
3. Библиотека В.И.Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с.477-478.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы).
5. Иванов А., Якубинский Л. Очерки по языку. Л.-М., 1982;  
Жидмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
6. Десницкая А.В. Как создавалась теория национального языка (из истории советского языкознания). - В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию со дня рождения акад. М.Б.Храпченко. М., 1974, с. 398-415.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1975, с. II5-II6.
8. Левашов Е.А., Петушков В.П. Ленин и словари. Л., 1975, с.6.
9. Сороколетов Ф.П. Борьба Ленина за чистоту русского языка. - Русский язык в школе, 1962, № 2, с. 1.
10. Рогова К.А. Стиль ленинской "Искры" и газеты "Новая жизнь" Л., 1979, с. 144.
11. Тимошенко П. Володимир Ілліч Ленин про українську мову. - Дніпро, Київ, 1960, № 4, с. 130.
12. Лидук Ф.П. У В.И.Ленина. - В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 2-х т., т. 2. М., 1957, с. 612.
13. Мельничук О.С. В.І.Ленін і розвиток української мови. - Українська мова і література в школі, Київ, 1963, № 2, с. 4.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 252.
15. Гутарка З.Ї. Леніном. - Дзятиница, 26 липня 1918 г., с. 1-2.
16. Булаху М., Бірыла М. Роўная сярод роўных. - Польша, 1968, № 12, с. 167.
17. Шмераль Б. Из дневника. - В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти т., т. 5. М., 1970, с. 266.
18. Там же, с. 267.
19. Там же, с. 267.
20. Ульянов Л.И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1968, с. 54.
21. Ганецкий Я.С. Ленин накануне империалистической войны. - В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти т., т. 2. М., 1969, с. 329.
22. Найдус В. Ленин в Польше. М., 1957, с. 64.

23. Божик А., Котик О. По следам утерянного письма В.И.Ленина. - Коммунист, 1980, № 2, с. 66.
24. Онуфриев Е. Встречи с Лениным. М., 1966, с. 19.
25. Запотоцкий А. Воспоминания о Ленине. - В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1962, с. 322.
26. Крейбиш К. Воспоминания о Ленине. - В кн.: О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1962, с. 376.
27. Крейбиш К. Неизгладимое. - В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти т., т. 5. М., 1970, с. 401.
28. Цит. по кн.: Иванов М. Ленин в Праге. Прага, 1963, с. 12.
29. Веков А. Роман Петров Аврамов - съратник на В.И.Ленин. - В кн.: В.И.Ленин и историческият път на България. Летопис на дружбата, т. 2. София, 1970, с. 455.
30. Нончев Д. Рассказ о встречах с Лениным. - В кн.: Воспоминания болгарских товарищей о Ленине. М., 1959, с. 5.
31. Цит. по кн.: Штман Л.М. Из истории интернациональных связей В.И.Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии (1896-1923). Мурманск, 1967, с. 116.
32. Нончев Д. Рассказ о встречах с Лениным, с. 5.
33. Цит. по кн.: Веков А. Ленин в България. Хроника. В.И.Ленин и българското революционно движение. София, 1970, с. 387.
34. Бурман М.А. Ленинизм и преобразование болгарской социал-демократической партии (тесных социалистов) в БКП. - В кн.: В.И.Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, с. 316.
35. Кабакчиев Х. Беседы с Лениным. - В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5-ти т., т. 5, М., 1970, с. 293.
36. Манучарьянц Ш. В библиотеке Владимира Ильича. М., 1965, с. 34.
37. Кабакчиев Х. Беседы с Лениным, с. 294.
38. Манучарьянц Ш. В библиотеке Владимира Ильича, с. 34.

Н.И. Толстой

"В языке народ выражает себя полнее и многостороннее, чем в чем-либо другом - не только в последнем своем положении, но и исторически. Все, что есть у народа в его быте и понятиях, и все, что народ хочет сохранить в своей памяти, выражается и сохраняется языком. В высшем своем жизненном и исторически важном применении язык становится орудием и проводником всех потребностей образованности народа: жизненных правил, научных знаний, религиозных верований и художественного вкуса". (И.И.Срезневский. Энциклопедическое введение в славянскую филологию. Лекции, читанные в 1876/77 учебн. году).

Об Измаиле Ивановиче Срезневском как диалектологе можно и нужно написать книгу. Такая книга была бы полезна во многих отношениях. Во-первых, она дала бы более ясное и полное представление о И.И. как слависте, во-вторых, она показала бы на примере трудов и записей выдающегося русского филолога состояние славянской диалектологии в середине XIX в., в-третьих, она представила бы современной лингвистической науке очень ценный, в основном неопубликованный материал в записках более чем столетней давности, наконец, она бы дала новые факты о научных и личных связях русских филологов с филологами зарубежными на раннем этапе развития мирового славяноведения. Надо надеяться, что такая книга будет написана и все архивные записи напечатаны, ибо до тех пор, пока это не будет сделано, все работы о И.И. диалектологе будут носить предварительный характер. Именно такой характер и имеет настоящая статья, так же как и ряд предыдущих статей других авторов, о которых речь пойдет ниже.

Почти все диалектологические исследования и записи И.И. относятся к раннему периоду его научной деятельности, к 1840-1842 гг., когда он совершал свое знаменитое путешествие по зарубежным славянским землям. Русскому университетскому славяноведению на заре его расцвета удалось направить своих молодых воспитанников за границу для подготовки к чтению нового, введенного университетским уставом 1835 года, предмета - история и литература славянских наречий. В инструкции коман-

дированным, выработанной в Московском университете и принятой в основном другими университетами — Петербургским, Казанским и Харьковским, значилось, что "летнее время он (командированный — Н.Т.) должен проводить в путешествии по замечательнейшим и наименее исследованным странам, входить под мирную кровлю поселянина, сдружиться с ним душой и беседой и испытать у него все, что только напоминает славянина, не оставляя без замечания и чуждого влияния, которое стерло в нем черты его народного первообраза", зимнее же время следовало проводить в городах, "пребывание в которых могло бы быть для него поучительно: там с помощью библиотек, богатых собраний, в беседе с учеными мужами он поверит свои наблюдения, на досуге приведет в порядок и систему собранные им материалы" /1/. На таких условиях, как известно, выехали в славянские страны П.И.Прейс, О.М.Бодянский, В.И.Тригорович и И.И. Срезневский. Они добросовестно выполняли поставленные им условия и заложили прочный фундамент русского славяноведения, отличавшегося всегда той широтой и многосторонностью охвата предмета, которую мы теперь нередко называем несколько казенным словом "комплексность", но которая не давала русской науке замыкаться в кабинетные рамки, требуя от ученого последовательного и самостоятельного прохождения всех стадий научного процесса — от сбора "сырого" (чаще всего "полевого") материала и первоначальной обработки до его конечного преобразования в исследования — статьи, монографии или публикации.

Путешествие И.И. длилось три года: 17 сентября (по старому стилю) 1839 г. он выехал из Харькова, а 23 сентября 1842 г. вернулся в Харьков. Первоначально он жил в Берлине, Праге и Вене, где изучал славянские языки, санскрит и работал в музеях. Лишь в мае 1840 г. из Праги и из Вены он выезжал в путешествия по Чехии и Моравии. Затем его путь лежал во Вроцлав (Вратиславль), откуда 6 августа 1840 г. он отправился в Ополе "к слезакам" (полякам-силезцам) и занимался там этнографическими и диалектологическими наблюдениями. Августовские дни были посвящены изучению "слезакской" речи и фольклора, а сентябрьские и октябрьские — наблюдениям за обычаями, песнями, бытом и языком верхних и нижних сербов-лужичан. После зимнего перерыва, отведенного в Праге и Вене на занятия в библиотеках и архивах и на подготовку к посещению южнославянских земель (этнографические занятия с Шафариком, уроки сербского языка у Караджича и т.д. и т.п.), ранней весной 1841 г., в конце февраля по старому стилю, И.И.

направился в Словению и Штирию (Градец = Град, Марибор = Марбург, Птуй), в Хорватию (Загреб = Аграм, Бистрица, Крапина) и снова в Словению (Ново Место, Любляна, Крань, Целовец = Клагенфурт, Горицу, Резью). Это путешествие началось в первых числах мая и закончилось в Триесте в середине июня. Из Триеста совместно с П.И.Прейсом И.И. направился в Далмацию, доехав до ее южного побережья, посетив Черногорию (Сень, Крк, Оточац, Госпич, Паг, Нин, Задар, Шибеник, Сплит, Котар, Цетинье, Дубровник) и вернувшись пароходом на север Адриатики в Риеку в самом конце июля. В начале августа 1841 г. И.И. проездом через Карловац (Хорватия) снова посетил Загреб, где встречался с Гаем и с другими хорватскими национальными лидерами. Там он провел весь август и половину сентября, выезжая время от времени в хорватские местечки и поместья. С середины сентября продолжалось путешествие по Хорватии, Славонии и по Срему (Градишка, Брод, Винковцы, Вуковар, Митровица, Крушедол, Петроварадин), а 1-го октября И.И. приехал в Белград, откуда и совершил поездку по Сербии вплоть до Алексинца (через Крагуевац и Крушевац), с возвращением в Белград и отъездом в Пешт (Будапешт). Научная экскурсия в Сербию длилась двадцать дней. Еще в Загребе, на обратном пути из Далмации, И.И. встречался со словаком Кошларом - "превосходным человеком, фанатиком в любви к Славянству" (из письма И.И. к матери от 15.IX.1841 г.), с ним же он снова встретился в Пеште. Пробыв около недели в Пеште, И.И. вновь отправился на зимние штудии в Вену, где пробыл декабрь, январь, февраль и половину марта. Последний год своих полевых наблюдений и диалектологических разысканий И.И. начал в Словакии. 19 марта 1842 г. И.И. выехал из Вены в Братиславу, где прожил около месяца, встречаясь со словаками, изучая их язык и временами выезжая в окрестности, а затем направился в путешествие по Словакии и Венгрии, побывав в Тернаве, Глоговце, Нитре, Эстергоме (Остригоме), Паркане, Вышеграде. С начала мая и до второй половины июня (по старому стилю) И.И. посещал Штявницу, Лиготку, Кремниц, Тренчин, Сучаны, Банскую Бистрицу, Св. Микулаш, Левоч и другие пункты. Таким образом, основная полевая работа велась в северной части среднесловацкой диалектной территории, в пределах Липтовских гор и Татр. В начале июня И.И. направился через Прешов в Ужгород (Унгвер) и, почти не задерживаясь в этом городе и Мукачеве, проехал во Львов, где пробыл десять дней. Затем с непродолжительными остановками в пути, через Краков, Вроцлав (Вратиславль), Поз-

нань, Варшаву, Ковно и Вильну вернулся в конце августа в Россию, а через двадцать дней и в родной Харьков [2].

И.И., как явствует из его писем, воспоминаний современников и других свидетельств, был человеком открытым, общительным, доверчивым и добрым, готовым всегда понять собеседника и найти с ним общий язык [3]. Эти последние слова нужно понимать не только в переносном, но и в прямом смысле, так как со всеми славянами он старался говорить на их языке, и это ему в большинстве случаев удавалось. Часть путешествия И.И. провел вместе с П.И.Прейсом, но диалектологические разыскания И.И. всегда были самостоятельными и единоличными. Лишь иногда И.И. прибегал к посредству местных ученых и писателей при знакомстве и работе с информаторами. Склонность И.И. к полевой работе хорошо подметил П.Й.Шафарик, сказавший однажды П.И.Прейсу относительно его возможных совместных со Срезневским поездок следующее: "Как бы хорошо вам вместе путешествовать по Сербии и Болгарии: Вы бы покопались в библиотеках, он бы побродил между народом!" [4]. Впоследствии в своих многочисленных исследованиях и заметках о древних славянских рукописях И.И. доказывал, что он не менее успешно может "копаться в библиотеках" и древлехранилищах и делать в области истории древнерусского и древнеславянского языка значительные открытия.

При жизни И.И. опубликовал лишь часть своих диалектологических записей и разысканий. Эта часть относилась в основном к довольно обширным словенским материалам. Материал же словацкий, силезский, сербскохорватский и серболужицкий оставался и во многом остается до сих пор неопубликованным. Словацким и силезским записям И.И. посвящены отдельные статьи Н.А.Кондрашова, С.Роспонда, Е.Кухарской. Последней принадлежат и ценные публикации полевых наблюдений И.И. Словацкие же блокноты Срезневского опубликованы выборочно в виде отдельных слов и дневниковых листов.

Как отмечалось выше, внимание И.И. более всего привлекали северные и отчасти центральные пределы среднесловацких говоров, главным образом зона Липтовских гор и Липтовской котловины, однако он имел и записи западнословацкой диалектной речи (в Трнаве, Тренчине, Жилине), так же как речи восточнословацкой (Шаритская Верховина, Земплин), и речи гемерской (юго-восточной части среднесловацкой зоны). Большинство словацких записей принадлежит И.И., но он собирал и чужие автографы с фиксацией диалектной речи (Ю.Томбы, Б. Носака,

Д.Гала, Я.Гловыка, Я.Клинчака и др.). Так, в архиве И.И. оказались заметки по фонетике и морфологии тренчинского говора, по фонетике шаринского наречия, по фонетике, морфологии и лексике муранского говора в Гемере, образцы жилинского, земплинского, шаринского, липтовского, гемерского, гонтянского и других диалектов. Образцы эти содержат богатый фольклорный материал, так как помимо диалогов, монологов и других типов диалектной речи записывались сказки, пословицы, песни и т.п. /5/. Самым большим начинанием И.И. по словацкой диалектологии были рукописные "Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные мною во время путешествия" /6/. Словарь имеет пять тетрадей общим объемом в 135 больших листов (материал дан в три столбца), в которых помимо собственных полевых записей имеются слова, сообщенные А.Г.Шкультети и Самкой (гемерские и липтовские), Цохиусом (оравские) и др., а также выписки из сборников песен Я.Коллара. Словарь отражает лексику среднесловацких диалектов и содержит более 7000 слов и 700 выражений. И.И. не обобщил своих наблюдений над словацкими диалектами. По справедливому замечанию Н.А. Кондрамова, "только в своей рецензии на "Slovanský národopis" П.Й. Шафарика он блестяще применил свои наблюдения над словацкими говорами. Здесь он точно указал границы распространения словацкого языка и со знанием дела полемизировал с П.Й. Шафариком по поводу групп *tl*, *dl* в словацком языке" /7/. Нужно учесть, что материалы И.И. были собраны в марте-июле 1842 г., т.е. до появления работ и описаний по словацкому языку (и диалектам) Л.Штура, М.Годки, М.Гатталы, а тем более Ф.Пастрика, С.Цамбея, А.Г.Шкультети и др. Из словацкого полевого собрания И.И. опубликовал лишь купальские песни (из Шарива) и ряд пословиц (из Малого Гонта) /8/, в дополнение к другой фольклорной публикации - "Словацкие песни", осуществленной им двадцатью годами ранее, в 1832 г. /9/. И.И. не дал и не предложил в общих чертах классификации словацких диалектов, однако он сумел собрать материал из разных зон, обратив основное внимание на ту, которая вскоре была выделена и избрана писателями и филологами в качестве диалектной базы нового словацкого литературного языка.

Для наблюдения над польской диалектной речью И.И. избрал Силезию-Шленск и силезские говоры Опольской округи. Как и в Словакии, он не пропускал ни одного случая, удобного и неудобного, для записи народной речи. В связи с этим возникло немало трудных и комических случаев, часть которых он сам с



юмором описал в письмах к матери (разговор с подвыпившим слезаком, вынимавшим из кармана бутылку за бутылкой, с горничной гостиницы и т.п.). В итоге И.И. сделал немало ценных этнографических наблюдений, записал ряд песен и познакомился с живой силезской речью. Лингвистические наблюдения были обобщены в статье "Записки о наречиях слезских", а фольклористические - в статье "Народные *arjawki* горных слезаков" [10]. Обе эти статьи до недавнего времени оставались в рукописном виде. В "Записках о наречиях слезских" И.И. отмечает, что "всех славян слезских 880 000 (из них говорящих на "мораво-слезском наречии" не более 80 000) и что "одни из слезаков принадлежат к отрасли славян лехитской, а другие к чехославянской", поэтому "два главные слезские наречия отличаются одно от другого столько же, как, например, наречие кашебское от древнеполабского, если не более" [11]. И.И. описывает эти наречия порознь, сравнивая факты мораво-силезские с явлениями чешского языка. Довольно подробно излагается фонетическая система и фрагментарно - морфологическая; совсем не затрагивается синтаксическая сторона, в то время как лексическая представлена небольшим списком слов. Тем не менее работа И.И. о силезских диалектах после сочинения Я.С.Бандтке, М.Р.Фидлера и одного анонимного автора начала XIX в. была серьезным шагом вперед в деле систематического описания силезских говоров. Лишь крупные работы 70-х годов того же века Л. Малиновского, выполненные в духе младограмматической школы, серьезно превзошли силезские этюды И.И.Срезневского. В сороковые и пятидесятые годы, однако, ничего подобного в силезской диалектологии не существовало. По авторитетному свидетельству С.Роспоцда, "Записки" И.И. были фактически кратким очерком силезской диалектологии, а не отрывочной фиксацией отдельных диалектных черт, как это было характерно для работ его предшественников. Тем не менее И.И., видимо, считал свой очерк предварительным, а свое знакомство с силезскими говорами из-за кратковременности своего пребывания в Силезии недостаточным, и потому не побеспокоился о публикации своего очерка. Более 130 лет он был неизвестен славистам, а в наше время он уже только свидетельствует о хорошей подготовке, большой наблюдательности и научной прозорливости автора. Классификация, предложенная И.И., близка к той, которую в наше время выдвигают К.М.Пшивара и Р.Олеш, разделяющие силезские говоры на мазуракающие (северные и центральные говоры) и немазуракающие (южные - тешинские и соседние говоры) [12]. В то же время

различия между "польско-силезским" и "моравско-силезским" наречиями не столь значительны, как это казалось И.И. Срезневскому [13].

Записями явлений и текстов словацких говоров И.И. завершил свое трехгодичное диалектологическое турне по зарубежным славянским землям. Турне это, как известно, было не только диалектологическим, однако наблюдениям за живой славянской речью отводилась важная роль. Собираание словацких материалов свидетельствует уже о немалом опыте Срезневского-диалектолога, уделявшего все большее внимание лексике, трудоемкой и благодарной сфере языковедческих штудий. Однако и первые шаги на диалектологическом поприще в Словении, как видно из истории словенской диалектологии, были и самостоятельными, и плодотворными. Они принесли большую пользу науке еще и потому, что были своевременно опубликованы. Путь от Штирии до Триеста, собственные диалектные записи и знакомство с чужим, хотя и довольно отрывочным и по современным представлениям весьма скудным материалом позволили И.И. первому среди славянских филологов дать достаточно подробную и убедительную классификацию словенских говоров, представить общую картину диалектного дробления словенского языка. Под свежим впечатлением своего путешествия по Словении И.И. написал и опубликовал в "Журнале министерства народного просвещения" статью "О наречиях славянских" [14]. Помимо удивительной скорости написания статьи (И.И. при этом продолжал свое путешествие) и еще большей быстроты публикации, нельзя не отметить большую фактическую осведомленность автора, его научную точность и прозорливость, подтверждающуюся историей словенской диалектологии как науки. И.И. довольно четко определяет границу распространения словенского языка в Каринтии и Штирии, в Фурландии (Фриуле), в Хорватии и Венгрии, отмечает теперь уже хорошо известную чрезвычайную диалектную дробность словенского языка ("что касается разнообразия местных наречий, то здесь, как у кашебов, почти каждый приход отличается от другого или выговором некоторых букв или употреблением тех или других слов: без сомнения сие разнообразие наречий нельзя объяснять влиянием чужеземщины") [15], выделяет главные диалектные признаки и на их основании определяет основные диалектные зоны. Принципы выделения этих признаков и зон представляются нам актуальными и неустаревшими. Они применяются и сегодня и оплодотворяют нашу диалектологическую и лингвистическую науку. Вот как пишет об этом сам И.И.: "Во время пу-

тешества моего по землям Словенским, я старался, сколько было возможно, и сам наблюдать и других расспрашивать касательно отличий местных наречий Словенских, и успел, как мне кажется, внести в свои записи все главное по сему предмету. Соединения красок могут быть до бесконечности разнообразны, но количество самих красок все же остается небольшим: так и здесь. Я не мог и желать заметить все сближения признаков отличий языка, какие можно найти в разных местах у Словенцев; тем более внимание обратил на самые признаки отличий, и старался понять характеристику главных наречий" /167. В этом пасусе особенно интересно образное сравнение с красками и комбинациями красок, вернее их оттенками ("соединениями"). Важно и стремление И.И. членить диалекты не по одному признаку (одной "краске"), а по целому ряду признаков ("по количеству самих красок"), обращая при этом особое внимание на признаки отличий, а не на "сближения признаков отличия языка". В общем, говоря языком современной структурной диалектологии, И.И. склонялся к созданию матрицы идентификации диалектов, построенной по иерархическому принципу. Этому же иерархическому принципу И.И. придерживался и в лингвогеографическом аспекте, разделяя крупные территориальные зоны (наречия) на более мелкие и, наконец, на дробные местные наречия. Но даже такое, казалось бы, очевидное постепенное территориальное деление диалектов в первой половине XIX в. было для славянской диалектологии новым и принципиально важным (ср. ниже о членении В.И. Далеком великорусских диалектов).

В 1841 г. в упомянутой статье И.И. выделил 18 словенских диалектов (нижне-краинское, верхне-краинское, средне-краинское, полянское, циркницко-рыбницкое, липавское, идрианское, толминское, богинское, плесское, словинское, резьянское, зильское, рожневское, забельское, штирийско-каринтийское, дравомурское или собственно штирийское, угро-штирийское). Несколькими годами позже, в 1845 г., в статье "Обозрение черт сродства звуков в наречиях славянских" /177, И.И. сократил число основных диалектных групп до восьми, выделив группы: верхне-краинскую, нижне-краинскую, словинскую, резьянскую, зильскую, штирийскую и угро-славянскую. Эта классификация приближается к современному членению, предложенному в 1931 г. Ф. Рамовшем /187, на основе которого выделяются семь диалектных групп: гореньская, доленьская, каринтийская, штирийская, паннонская,

ровтарская и приморская.\* Однако нынешняя общеизвестная классификация, во многом схожая с классификацией И.И., была принята не сразу, а лишь после длительных и настойчивых поисков оптимального проекта. Еще знаменитый Ф.Миклошич, следуя принципу А.Шлейхера, который стремился диалектный континуум изучаемого языка расчленить сначала на два массива, а потом на меньшее число частей, разделял словенские наречия на северо-западные и юго-восточные по характеру произношения старого ятя:  $\bar{e} > ie$  и  $\bar{e} > ei$ . В.Облак предлагал проводить другую основную диагональную изоглоссу - не с юго-запада на северо-восток, а с северо-востока на юго-восток, т.е. членить все говоры на северо-восточные и юго-западные по рефлексам древних редуцированных:  $\bar{z}, \bar{y} > e$  и  $\bar{z}, \bar{y} > a$ . Классификации Ф.Миклошича, В.Облака, так же как и предложения подобного рода И.А.Бодуэна де Куртенэ, М.Мурко и др., обладали целым рядом недостатков и непоследовательностей. По мнению Ф.Рамовша, можно было бы считать, что до начала 30-х годов XX в. проблема классификации словенских диалектов и не ставилась серьезно, если бы не было "капитальной" работы И.И., появившейся раньше других работ, решающих так или иначе вопрос о диалектном членении словенского языка. Крупнейший словенский диалектолог полагает, что И.И. "правильно учел факторы, приведшие к такому разнообразию диалектов", и далее цитирует мнение И.И. о том, что "сие разнообразие наречий нельзя объяснить влиянием чужеземщины. Может быть, действовала и она, но еще сильнее, как мне кажется, было влияние недостатка народонаселения и промышленности, недостатка сближения между разными частями народа: под этим отрицательным влиянием язык легко мог развиваться в своей мелодии и гармонии в одном месте так, а в другом иначе: время укрепляло, узаконяло местные отличия, - и еще не успело, вследствие распространения промышленности и торговли стереть их, а только кое-где смешало" [19]. Ф.Рамовш справедливо отмечал, что работа И.И. была напрасно забыта и что деление И.И. словенского диалектного континуума на 18 диалектов, а затем на восемь, куда входят и выявленные восемнадцать, наиболее удачно. Сам

---

\* Гореньской группе, по терминологии И.И., соответствует верхне-краинская, доленьской - нижне-краинская, карантийской, в общем, - зильская, паннонской - угро-словенская, ровтарско-приморской, в некотором отношении, - словинская. Миниатюрная группа резьянская, как особая, в принципе выделяется и Ф.Рамовшем, и И.И.Срезневским.

Ф.Рамовш, как отмечалось выше, разделил территорию распространения словенского языка на семь диалектных групп, включающих в себя 49 диалектов.

Выдвинув принцип постепенной классификации диалектов, притом не по одному, а по ряду показателей, И.И. предвосхитил некоторые дискуссии нашего времени о методах вычленения отдельных диалектов из общего диалектного континуума. В славянском языковом мире известны факты, когда изоглосса одного яркого признака совпадает с пучком изоглосс (а также изопрагм и изодокс) других признаков (изоглосса ятя в болгарских говорах или аканья в великорусских), но немало случаев, в том числе с диалектами словенскими, польскими и белорусскими, когда такая совместимость не наблюдается [207]. Однако возможность учета сразу целого ряда (списка) признаков в равной мере существует для всех славянских языков и диалектных континуумов [217].

Помимо уже упомянутых работ И.И. по словенским диалектам, можно указать еще на ряд его статей по резьянским и "словинским" (приморским) говорам [227], насыщенных интересными этнографическими и географическими фактами, а также на оставшиеся в рукописи "Песни, пословицы и сказки хорутанских словенцев, собранные во время путешествия" и на публикацию нескольких каринтийских (хорутанских) песен с комментариями. Занятия И.И. положили начало непосредственному изучению словенских, в том числе и резьянских, диалектов русскими славистами, среди которых почетное место занимает И.А.Бодуэн де Куртэнэ. Но об этом я уже имел возможность писать в другом месте [237].

Пытливый ум и внимание И.И. были направлены и на сербскохорватскую диалектную зону, где он также вел свои наблюдения и записи. И.И. работал преимущественно в Хорватии и то, в основном, в той ее части, которая примыкает к Загребу, к его ближним и дальним окрестностям (Вараждин, Крапина, Карловац и др.: см. маршрут путешествия). Свои наблюдения И.И. обобщил в статье-отчете "О наречиях хорватских", которая осталась в рукописи и до сих пор не известна широкому кругу славистов [247]. Судя по фактам, И.И. описывает некоторые черты кайкавских говоров (ъ, ъ > е, ѣ > е и др.), которые он называет "посавскими", но поясняет, что их зовут и "кайкавскими" и распространены они "в северной части Вармежи - Загребской, Крижевской и Вараждинской". Некоторое внимание уделяет он и наречию чакавскому, которое "с небольшими различиями

употребляется хая на юг от хорватской Висны в приморской военной границе хорватской, так и вообще в Адриатическом приморье хорватском, в архипелаге Кварнерском и Истрия". Во многих случаях описание основных фонетических и морфологических особенностей кайкавских и чакавских говоров сопровождается сравнениями с явлениями словенских диалектов и диалектов сербских (штокавских). Такое сравнение И.И. считал необходимым и отмечал во многих случаях некоторые переходные черты и переходные говоры, справедливо рассматривая южнославянские диалекты на фоне всего лингвистического ландшафта Славянского юга или какой-то его части, преимущественно западной. К сожалению, еще не установлено, является ли черновая рукопись И.И., выставленная в 1912 г. в Петербурге на выставке, посвященной столетию со дня рождения И.И. Срезневского, под названием "Отличия наречия хорватского безъяцкого от словенских" [25], частью рукописи "О наречиях хорватских", копия которой сохраняется в архиве А.А. Потебни, или нет. Не исследована и бывшая на той же выставке тетрадь "Разные разности хорватские", с песнями, переводами из Евангелия, отдельными словами, равно как и некоторые другие материалы, относящиеся к отчетам и записям из путешествия по Хорватии и Сербии. Все же часть этого материала опубликована И.И. при жизни в академических изданиях. Это - сербские песни, собранные в Дренине в Далмации, сербская песня "Секула джете" и песня перойских (истрийских) черногорцев "Нввовџица Стипе кавальира" [26].

Отдельного рассмотрения требуют занятия И.И. лужицко-сербскими и кашубскими диалектами. Как и во многих случаях с другими славянскими языками, и здесь было бы важно исчерпывающее обследование архивных источников. О научных, культурных и фольклористических связях И.И. с серболужицанами, а также с чехами, словаками и поляками в последнее время писалось много (см. работы М.Д. Досталь, С.В. Бернштейна, П. Недо, А.В. Крюкова, К.И. Ровды, С.И. Левинской и др.) [27], однако ждут своего лингвистического рассмотрения "Записка о наречиях и народной словесности лужицких сербов" и некоторые лужицко-сербские рукописные материалы И.И.

Определенный интерес представляют и мелкие заметки И.И. по отдельным славянским диалектным зонам и их особенностям, такие, как "Записка о трудах г. Цейновы касательно кашебов, их земли и наречия", "Записка о словаре малорусского наречия,

составленном А.Афанасьевым" или "Записка о трудах г. Носовича касательно наречия белорусского" [28]. Все эти записки, наряду с более крупными уже упомянутыми работами, имели, помимо диалектологического, еще один важный аспект. Они писались в ту пору, когда для всех славянских языков, кроме русского (великорусского), польского и чешского, решалась проблема формирования национальных (или регионального нормированного — для кашубского) литературных языков, решалась проблема диалектной базы литературного языка, нормы литературного языка и ее соотношения с диалектами (и не только с базовым диалектом). И.И. знакомился с литературно-языковой ситуацией в зарубежных славянских странах, в том числе и в Болгарии, которую он сам не посещал, но был знаком с болгарами и с болгарской книжностью того времени. С многими деятелями славянского национального возрождения, активными борцами за новый литературный язык и его нормы И.И. был знаком лично и притом близко — с Караджичем, Гаем, Штуром, Смолером и др. Эта сторона деятельности И.И. также известна: в последнее время ей тоже уделено серьезное внимание (см. работы П.А. Дмитриева, Н.А. Кондрашова, С.И. Левинской и др.) [29]. Путешествие и встречи И.И. со славянскими литературно-языковыми деятелями происходили до или накануне важных историко-литературных событий, до революции 1848 года и Славянского съезда в Праге в том же году, до "литературного договора" в Вене сербов В. Караджича и Дж. Даничица, словенца Ф. Миклошича и хорватов Л. Галя, Д. Деметера, И. Кукулевица-Сакцинского и В. Пацеля 16.III.1850 года о единстве сербскохорватского литературного языка, до активного выступления Л. Штура и штуровцев, до окончания конкуренции преднорм словенского литературного языка (метелчицы, опытов С. Вразы, краньской, штирийской, каринтийской, прекурской основ), до утверждения в литературе языка Ф. Прешерна, реформ Ф. Левстика, выступления Ф. Миклошича и др. И.И. хорошо понимал литературно-языковую ситуацию в тех славянских землях, в которых он побывал, и трезво оценивал значение диалектологических разысканий для нужд историко-литературных. Он писал, настаивая на необходимости обращать "тем больше внимание... на самые признаки отличий и... характеристику главных наречий". "Предмет этот важен не только в чисто филологическом отношении, но и для тех, кои посвящают себя изучению краинской литературы. Общего литературного словенского языка нет и не было. Каждый писатель писал и пишет своим местным наречием, думая только о том, чтобы не быть

странным или непонятным для тех, кои говорят иным наречием! Так действовали не только писатели, но и самые лексикографы и грамматики: Гутсман и Ярник – корушцы, Копитар и Метелко – краинцы, Мурко и Даинко – штирийцы; это заметно, сколько ни желали они стереть со своего языка, со своих понятий о языке словенском, местный колорит. Они сходятся между собой более всего в некоторых условиях правописания; но никто из них и не думал выговаривать так, как писал. Дайнко и Метелко хотели, каждый по-своему, изменить старое правописание, заменить некоторые из букв другими, но и тут действовали каждый по своему местному чувству о языке. Словом, кто хочет отчетливо понять словенский язык, как язык, отличный от других языков славянских, тому остается изучать наречия местные, и из их сличения уже выводить заключения о характеристике словенского языка вообще" [30].

"Понять словенский язык" старались и сами словенцы, их общественные деятели и писатели. Известно, как "паннонская теория" Ф.Миклошича, т. е. теория о древнесловенском происхождении старославянского языка, повлияла на становление норм словенского национального литературного языка, пришедшего на смену областным вариантам и опытам, о которых писал И.И., в середине и в начале второй половины XIX в. Влияли на становление единого словенского литературного языка и диалектологические познания и представления современников, но этот вопрос еще мало изучен и не поставлен в славистике сегодняшнего дня во всей полноте.

И, наконец, последнее. Заслуги И.И. нельзя оценить, не зная или не учитывая уровня славянской диалектологии в конце первой половины XIX в. В Чехии, Словении и Польше диалектология лишь зарождалась, некоторые более или менее систематизированные представления о сербских диалектах возникали у Вука Караджича [31], но о существовании в ту пору словацкой или лужицкой диалектологии говорить не приходится. Невысок был тогда и уровень русской диалектологии, хотя русские ученые были в более благоприятных условиях, чем ученые многих зарубежных славянских стран.

В 1841 г. появилась статья Н.И.Надеждина "Диалекты русского языка" (на немецком языке) [32], основанная на некоторых его ранее высказанных взглядах о разделении русского языка (т.е. восточнославянского диалектного континуума по современной, более принятой терминологии) на два главных на-



речия - южное ("понтійско-русское") и северное ("балтийско-русское"), т.е. на белорусское и малорусское. Третьим главным, образовавшимся позднее, является восточнорусское. Восточнорусское (т.е. великорусское) наречие, по мнению Н.И.Надеждина, впитало в себя черты первых двух наречий, что отразилось в его двух главных диалектах - акающем и окаящем. Другой труд, вышедший в 1839 году и принадлежащий М.А. Максимо-вичу, касался древней русской словесности и лишь отчасти - истории возникновения восточнославянских диалектов. По М.А. Максимо-вичу, украинские диалекты могут считаться отдельным языком, в то время как русские диалекты (и белорусские в их числе) делятся по признаку оканья и аканья на окаящие - верхнерусские и нижнерусские (суздальские) и акающие - среднерусские и московские [33]. Известная статья "О наречиях русского языка" В.И.Даля появилась в 1852 году [34]. В ней знаменитый русский лексикограф предлагает многостепенную классификацию, что отчасти присутствовало уже в труде М.А.Максимо-вича, однако многостепенность В.И.Даля более подробная и точная. Все русские говоры делятся на окаящие (к северу от Москвы) и акающие (к югу от Москвы). Окаящие в свою очередь распадаются на северные ("новгородские") и восточные ("владимирские и суздальские"), а акающие - на южные ("рязанские") и западные ("смоленские", белорусские). Кроме того, В.И.Даль выделяет еще московское наречие (общенародное), сибирское (смешанное новгородско-суздальское), новорусское (на юге России) и донское.

Членение русских диалектов В.И.Даля, как и кратко изложенные выше классификации славянских наречий И.И.Срезневского, отличаются от классификаций их современников и отчасти предшественников [35] прежде всего синхронно-типологическим подходом, при котором вопрос о происхождении (генезисе) диалектов не смешивается с вопросом о их различении по ряду языковых признаков. И.И.Срезневский независимо от В.И.Даля преодолел чувство излишнего пиетета к показаниям памятников и приоритета показаний письменных источников и обратился непосредственно к живой народной речи. И.И., будучи, вероятно, удовлетворенным точной и подробной для своего времени классификацией В.И.Даля, не занимался специально проблемой членения великорусских говоров. В "Мыслях об истории русского языка" он делил русский язык (иначе восточнославянский континуум) на четыре основных части: северное (великорусское) и южное (малорусское) распадаются, по И.И., еще на две части

каждое, первое – на восточное (собственно великорусское) и западное (белорусское), а второе тоже на восточное (собственно малорусское) и западное (русинское, карпатское). Такое деление И.И. считал относительно новым, а еще новее, по его мнению, были черты отличия говоров местных, на которые распалось каждое из русских наречий [36]. В одном, однако, И.И. пошел дальше В.И. Даля, предвосхитив развитие славянской диалектологии почти на полстолетия – в понимании необходимости для дальнейшего развития диалектологии – лингвогеографических исследований. Эти мысли И.И. выразил в своей работе "Замечания о материалах для географии русского языка", в которой он отметил, что "первой принадлежностью... лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров" [37].

Весьма значительна заслуга И.И. и в разработке принципов собирания материала и издания первого славянского академического диалектного словаря – "Опыта областного великорусского словаря" (1852 г.) и "Дополнения" к нему (1858 г.), И.И. не только составил "Программу" к этому словарю, но и внес в его издание свою значительную лепту – более 3000 диалектных слов. Его работа в этом направлении известна и хорошо описана Л.И. Балахоновой. Ей же принадлежит и первая статья о Срезневском-диалектологе, написанная на довольно обширном русском, преимущественно историческом материале, что позволяет нам об И.И., как исследователе великорусских и украинских ("малороссийских") говоров, говорить кратко, в общих чертах [38].

Хотелось бы в заключение подчеркнуть еще одну немаловажную сторону всей диалектологической деятельности И.И., в том числе и его работы над "Опытом". И.И. не мыслил себе успешного развития диалектологии без связи с этнографией. Еще в 1848 г. в рецензии на "Словарь церковнославянского и русского языка" он писал: "Словарь с объяснениями историко-этнографическими всегда будет предпочтен словарю, в котором их нет" [39]. Восемь лет спустя, в 1856 г., он выступил с заявлением о необходимости издания "Материалов для этнографического словаря русского языка". Он готов был взять на себя подготовку и редактирование такого словаря [40]. Работа над историческим "Словарем народного и церковного языка", который посмертно был назван издателями "Материалами для словаря древнерусского языка", отняла у И.И. почти все время и силы, и он, увы, не дождался выхода в свет своего фундаментального труда. Задачу создания Этнографического словаря, надо надеяться, выполнит грядущее молодое поколение славистов, кото-

рому окажутся близкими интересы и проблемы, ставившиеся и решавшиеся одним из самых крупных филологов ранней истории славяноведения – Измаилом Ивановичем Срезневским.

### Л и т е р а т у р а и п р и м е ч а н и я

1. 1812–1912. Измаил Иванович Срезневский. Краткий биографический очерк. СПб., 1913, с. 11–12.
2. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895, с. 357–363.
3. "Русское и славянское языкознание в России середины XVIII – XIX вв.". Л., 1980, с. 73–106; Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Петроград, 1916.
4. Путевые письма..., с. 182.
5. Кондрашов Н.А. Словацкие материалы в архиве И.И.Срезневского. – НДВШ. Филологические науки, 1959, № 4, с. 160–168; Архив ЦГАЛИ СССР. М., фонд 436.
6. Кондрашов Н.А. Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные И.И.Срезневским. – Jazykovedný časopis, roč. IX, Bratislava, 1958, č. 1 – 2; Архив АН СССР. Ленинград, фонд 216, опись I, № 511.
7. Кондрашов Н.А. Словацкие материалы..., с. 166.
8. Срезневский И.И. Купальская песня шарнишских словаков. – "Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности" (далее "Изв."). "Памятники и образцы народного языка и словесности" (далее "ПОНЯС"), том II, СПб., с. 285–288, он же. По-словицы малогонских словаков. – Изв., т. II, ПОНЯС, СПб., 1853, с. 159–160.
9. Словацкие песни (издал И.И.Срезневский). Харьков, 1832.
10. Срезневский И. Народные *ŕpjewki* горных слезаков. (Хранится в ЦГАЛИ, фонд 436, оп. I, ед. хр. 447); он же. Записка о наречиях слезских. (Хран. ф. 436, оп. I, ед. хр. 441). Публикация в "Wież śląska w 1840 r. Relacje z podróży naukowej I.I. Srezniewskiego po Śląsku", Wrocław, 1973, с. 55–70 и 75–85.
11. Срезневский И. Записка о наречиях слезских..., с. 76.
12. См. статьи С.Роспонда, Е.Кухарской и А.Наша в кн.: *Wież śląska w 1840 r.*, а также: *Bak S. Mowa poleka na Śląsku.* Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974; *Zargba A. Atlas językowy Śląska*, т. I–VI. Warszawa-Kraków, 1969–1980.
13. *Dejna K. Polsko-lańskie pogranicze językowe na terenie Polaki, cz. I–II. Łódź*, 1951–1953.

14. Срезневский И. О наречиях славянских. - ИМНП, СПб., 1841 г., сентябрь, ч. XXXI, отд. II, с. 134-164.
15. Там же, с. 136.
16. Там же, с. 137.
17. Срезневский И. Обзорение черт сродства звуков к наречиям славянских - ИМНП, СПб., 1845 г., ч. XLVIII, с. 149-186.
18. Ramovč F. Dialaktološka karta slovenakega jezika. Ljubljana, 1931.
19. Ramovč F. Цит. соч. и Срезневский И. О наречиях славянских..., с. 136-137.
20. См. полемику И.Хамма и П.Ивича о принципах классификации диалектов: Хамм И. Некоторые замечания к диахроническим исследованиям. - ВЯ, 1965, № 1, с. 22-36; Ивич П. Письмо в редакцию. - ВЯ, 1966, № 2, с. 166-168. См. также ценную работу: Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973.
21. Терновская О.А. Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов. - Советское славяноведение, 1975, № 5, с. 47-58.
22. Srezniewski I. Zprawa o Rezienech. - Časopis Českého Muzeu, roč. XV, Praha, 1841, s. 341-346; Срезневский И. Словини в Фриуле. - Денница. Славянское обозрение, 1843, ч. II, с. 191-205; он же. Фриульские славяне (Резияне и словини). - Москвитянин, ч. У, 1844, с. 207; он же. Фриульские славяне. - Сб. ОРЯС, т. XXI, СПб., 1881, № 5, и др. В рукописи остались "Песни, пословицы и сказки хорутанских словенцев, собранные во время путешествия" и др.
23. Толстой Н.И. О работах И.А.Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку. - И.А.Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., 1960, с. 67-81.
24. Статья эта обнаружена В.Д.Франчук в архивных материалах А.А.Потебни, хранящихся в Отделе Института литературы им. Т.Г.Шевченко АН УССР (фонд 73, ед.хр. 3, 11 нумерованных листов). Она переписана рукой А.А.Потебни и снабжена пометой после заголовка "Ненапечатанная статья пр. И.Срезневского" (тоже рукой А.А.Потебни). Приношу искреннюю благодарность В.Д.Франчук за предоставленную мне возможность ознакомиться с машинописной копией этой статьи.
25. 1812-1912. Описание выставки в память столетия со дня рождения И.И.Срезневского. СПб., 1913, с. 18. Следова-

ло бы переиздать библиографию трудов И.И., составленную А.Ф.Бычковым (Сб. ОРЯС, 1880, т. XXII, прил. № 6), с дополнениями (издания XX в. и т.п.) и приложить к ней подробную опись архивных материалов И.И. (ЦГАЛИ, Архива АН и др.).

26. Изв. ПОНЯС, т. II, СПб., 1853, с. 195-206 и 243-248.  
Изв. ПОНЯС, т. III, СПб., 1854, с. 281-286.
27. Библиографию см. в статье "Срезневский" в кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 320-321.
28. Изв., т. I, СПб., 1852, с. 75-77; Изв., т. III, СПб., 1854, с. 199-204; Изв., т. I, СПб., 1852, с. 74-75.
29. Библиографию см. в статье "Срезневский" в кн.: Славяноведение..., с. 320.
30. Срезневский И.И. О наречиях славянских..., с. 137-138.
31. Белий А. О Вуковим погледима на српске дијалекте и књижевни језик. - Глас краљевске академије, књ. XXXII, Београд, 1910, с. 101-242.
32. Nadezhdin N. Mundarten der russischen Sprache. - Jahrbücher der Literatur, Bd. XCV, Wien, 1841. Ср. статью "Великая Россия" в Энциклопедическом лексиконе, изданном Плюшаром (СПб., 1837, т. IX, с. 261-276). Важной работой Н.И.Надеждина является также исследование "Об этнографическом изучении народности русской" ("Записки имп. Русского географического общества", кн. 2. СПб., 1847, с. 61-115).
33. Максимович М.А. История древней русской словесности. Киев, 1839.
34. Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу "Опыта областного великорусского словаря", изданного Вторым отделением имп. Академии наук. - Вестник имп. Русского географического общества, СПб., 1852, ч. VI, кн. I, отд. IV. Перепечатано в т. I "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И.Даля, изд. 2-ое. СПб., 1880.
35. См. глубокий анализ и объективную оценку научных результатов по классификации русских говоров В.И.Даля и его современников в статье И.А.Оссовецкого "Начальные этапы развития русской диалектологии" в кн.: История русской диалектологии (М., 1961). Современное лингвистическое членение русских (великорусских) диалектов см. в кн.: Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г.Орловой (М., 1964) и К.Ф.Захарова,

В.Г.Орлова Диалектное членение русского языка (М., 1970).

36. В своих "Мыслях..." И.И. не ставил цели выработать классификацию великорусских или восточнославянских (русских) диалектов. Он говорил о том, как исторически складывался русский язык и некоторые его наречия. Здесь он предложил традиционный генетический подход, которым пользовался еще митрополит Евгений (Болховитинов). Митрополит Евгений в письме к П.И.Кеппену выделял "российские наречия" - церковнославянское, новгородское, киевское, владими́ро-суздальское, белорусское (с XIV в.) и киевско-малороссийское. Классификация произведена по памятникам и потому смешивает особенности книжные и историческо-диалектные. Все же, если отстранить церковнославянский как общеславянский и книжный, выделяются два севернорусских диалекта, два "малороссийских" и один белорусский, что приближает представления митрополита Евгения к взглядам И.И.См.: Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959, с. 38-39. Письмо митрополита Евгения опубликовано в раб.: Симони П.К. Русский язык в его наречиях и говорах. - ИОРЯС, СПб., 1896, т. I, кн. I, с. 396-399.
37. Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка. - Вестник имп. Русского географического общества. СПб., 1851, ч. I, кн. I, с. 6.
38. Балахонова Л.И. История составления "Опыта областного великорусского словаря" и "Дополнения" к нему. - История русской диалектологии. М., 1961, с. 98-125; она же. И.И.Срезневский как диалектолог. - Лексика русских народных говоров. М.-Л., 1966, с. 192-214.
39. ЖМП, СПб., 1848, март, ч. LУП, отд. УI, с. 170.
40. 1812-1912. Измаил Иванович Срезневский..., с. 31.

## И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ И НАЧАЛО БОЛГАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Г.К. Венедиктов

I. В последние годы у нас, в Советском Союзе, и в других странах заметно возрос интерес к научному наследию И.И. Срезневского — крупнейшего представителя славяноведения прошлого столетия [1]. Среди немалого числа работ этих лет, в которых характеризуется его ученая деятельность, выделяется серия исследований на тему "Срезневский и зарубежное славянство" [2]. Следует при этом отметить, что во многих из них широко используются и неизвестные ранее материалы богатейшего архива ученого, существенно расширяющие представления о его научных и университетских славистических занятиях. Особенное внимание в исследованиях последнего времени уделяется связям Срезневского с учеными, писателями и другими деятелями формировавшейся в XIX в. национальной культуры западных славян, сербов, хорватов, а также изучению языка, письменности, фольклора, этнографии прежде всего этих народов [3].

Сравнительно меньше изучалась болгарская тематика в ученых трудах, университетских курсах и переписке Срезневского, если не считать, конечно, проблемы старославянской письменности, в разработку которой он внес большой вклад [4]. Между тем и эта сторона научного наследия Срезневского заслуживает специального изучения как потому, что состояние новоболгарского языка, развитие новой болгарской литературы, фольклор и другие области духовной и материальной культуры болгар интересовали его с самого начала его славистической деятельности, так и потому, что в его трудах и архиве содержится много ценных сведений и материалов по болгаристике, принадлежавших его собственному перу и перу других лиц, с ним связанных [5]. В настоящей статье мы остановимся на одной малоизвестной стороне деятельности Срезневского в области болгаристики, а именно на его собственных занятиях болгарской лексикографией и той роли, которую он сыграл в ее начальном развитии.

Внешней причиной, побудившей Срезневского в начале 40-х годов обратиться к занятиям над болгарским словарем, было от-

сутствие в то время какого-либо словаря болгарского языка, затруднявшее практическое овладение и научное изучение этого языка. "Наречие болгарское, - писал он в 1852 г., - не только почти совершенно не исследовано, но нет в материалов для исследований" [6]. Болгарский же язык, по его мнению, заслуживал особого внимания ученых потому, что, во-первых, он, наряду с некоторыми другими, представлял собой "очень замечательный по своему естественному виду в совершенно ничтожный в отношении литературном" [7] и что, во-вторых, данные современного болгарского языка (в частности, его лексика) важны для решения спорного тогда вопроса об этноязыковой принадлежности старославянского языка.

Другая причина обращения Срезневского к занятиям над словарем - понимание им большой важности создания в изданиях словаря народного языка как одной из необходимых предпосылок устройства литературного языка на народно-разговорной основе, без которого невозможно усменное развитие литературы и иных областей культуры. Он подчеркивал, что при составлении словаря, как в грамматике болгарского языка надо обращать внимание на "местные оттенки языка" и "без всяких злоумышлений на изменения чего бы то ни было, во избежание своих личных понятий и убеждений" [8]. Срезневский понимал, что составление словаря и грамматики именно народного языка, а не "подправленного" их авторами, - задача сложная и трудная. Это, писал он в 1847 г., - "начальные труды, правда, не легкие, требующие и приготовления, и терпения, и ловкости приемов, может быть, отчасти и скучные, но необходимые. Без них болгарин будет напрасно бороться с трудностями выразиться понятно, правильно, легко и красиво на своем наречии и вечно будет видеть его бедность, в то время как виноват не язык, а он сам, "писатель", со своим невежеством. Не запинаясь говорим: ... нет поныне писателя, не знающего своего языка в народа. Слава богу, болгары начинают, наконец, это чувствовать и понежному выбиранте на ярямуз дорогу" [9].

Подробнее взгляды Срезневского на формировавшийся в прошлом веке новоболгарский литературный язык и его оценка в связи с этим языка ряда болгарских книг того времени будут рассмотрены нами в другой статье. Здесь же подчеркнем только, что общее мнение Срезневского о том, что литературным языком должен быть язык народный, полностью совпадало с точкой зрения Вука Караджича, которого он считал "умнейшим из наблюдателей народностей славянских и живого народного языка" [10]



и реформаторскую деятельность которого в области литературного языка он высоко ценил и всячески поддерживал [11]. Совпадали их точки зрения на значение словарей народных языков в устройстве литературных языков и на то, какими должны быть сами словари и как их следует составлять. Новым подтверждением этому служит освещаемая ниже деятельность Срезневского по составлению и изданию словаря болгарского языка [12]. Мы рассмотрим здесь три вопроса: собственная работа Срезневского по составлению словаря болгарского языка, его роль в составлении К.Петковичем "Болгарско-русского словаря", в подготовке и издании начала "Болгарского словаря" Н.Герова.

2. Составление словаря болгарского языка, сбор материалов для него длительное время были важной частью собственных специальных занятий Срезневского болгарским языком. Особый интерес ученого к болгарскому словарю, кроме чисто практических соображений, объяснялся тем, что, как уже отмечено выше, он собирался использовать его материалы как веское доказательство отстаиваемого им положения об отсутствии исторической преемственности между старославянским и новоболгарским языком. О своем намерении использовать словарные данные болгарского языка с такой именно целью Срезневский писал в письме В.Ганке от 1 февраля 1848 г. Сообщив о намерении заново переписать рукопись словаря и о надежде на его издание, он далее писал: "... и тогда, надеюсь, сама собой распадется мечта некоторых ученых, что болгарское наречие есть то же, что старославянское. Ясно будет - что два эти наречия - сами по себе" [13].

Собирать материалы для болгарского словаря Срезневский начал, по его же словам, еще во время ученого путешествия по славянским землям. Возможно, что его подтолкнул к этому П.И. Прейс, с которым они вместе проделали часть путешествия и который усиленно собирал материалы для словаря (и грамматики) болгарского языка. Возвратившись в Россию, сначала в Харьков, а затем особенно в Петербурге, Срезневский продолжал работу над словарем. По-видимому, первоначально он предполагал издать его уже в середине 1847 г. Об этом можно судить по письму болгарина З.Княжеского к Срезневскому от 29 июля 1847 г., в котором Княжеский писал (сохраняем особенности его пунктуации и написания отдельных слов): "Я все таки ожидаю обещанного Вами словаря, но не знаю, удостоюсь ли его получить ибо я 15-го августа выезжаю в Киев. Вы говорили, что напечатаете его к окончанию августа и пошлете хотя сто экземпляра для

раздачи или продажи болгарским учителям, но доселе ничего не ведаю. Это очень скучно, что Вы от занятий не имели времени меня уведомить" /14/. В другом письме к Срезневскому, написанном спустя более полугода (10 февраля 1848 г.), Княжеский, правда, говорит об ожидании им уже не печатного, а рукописного словаря: "Доселе я все таки был в ожидании, что получу от Вас черновое Вашего Болгарского словаря, но не знав по какой причины не имел счастья его получить" /15/. Цитируемые письма показывают, что З.Княжеский был в курсе дел с работой Срезневского над болгарским словарем, а сохранившиеся "Материалы для болгарского корнеслова, собранные с помощью З.П. Княжеского" /16/ показывают, что он помог Срезневскому пополнить этот словарь.

В 1847 г. словарь, однако, издан не был, работа над ним продолжалась и позже. В уже цитированном выше письме к Ганке от 1 февраля 1848 г. Срезневский писал: "Говоря о своих трудах, еще позволю себе вспомнить о моем словаре болгарском: рукопись его уже так испачкалась от прибавлений, что я собирался переписывать ее вновь. Авось либо и издам его..." /17/. Как видим, в начале 1848 г. болгарский словарь Срезневского был еще далек от выхода в свет. Осенью того же года (21 октября) Срезневский писал В.И. Григоровичу: "Кое-когда занимаюсь и болгарским наречием. У меня довольно часто бывает архимандрит Рыльского монастыря, сюда приехавший. Он и студент Дмитриев дали мне возможность увеличить мой словарный запас, так что он теперь почти вдвое вырос. Если бы больше было времени, то он бы и еще более увеличился..." /18/. Более чем через год, 24 декабря 1849 г., Срезневский представил Второму Отделению Академии наук (Отделению русского языка и словесности; далее краткости ради - просто Отделение или ОРЯС) "Записку о болгарском языке и о болгарском переводе Краледворской рукописи, исполненном студентом Дмитриевым", в которой вновь коснулся подготавливаемого им болгарского словаря, причины, побудившей его заняться словарем, и того, как он пополнял его материалами. "Желая со своей стороны содействовать, по мере сил и возможности, узнанию болгарского наречия народного, - писал Срезневский в этой "Записке", - я не опускал ни одного случая умножить свой запас болгарских слов, пословиц, песен и т.п., начатый еще во время путешествия по западным славянским землям, - и в непродолжительном времени надеюсь представить Второму Отделению свой опыт Болгарского словаря с Грамматическим введением" /19/.

Как конкретно продвигалась работа над словарем впоследствии, мы не знаем. Обещанных им своих опытов словаря и грамматики болгарского языка Срезневский Отделению, судя по всему, так и не представил. Можно лишь думать, что работу над словарем он не бросал, а продолжал собирать материал и расширять словарь. В середине 60-х годов он напомнил о своем рукописном словаре как об "одной из долей", которая могла бы стать одним из источников для составления "довольно удовлетворительного" словаря болгарского языка [20].

3. Из цитированного выше письма Срезневского к Григоровичу от 21 октября 1848 г. видно, что собранные словарные материалы Срезневский пополнял с помощью "студента Дмитриева" (т.е. К.Петковича) и "архимандрита Рымского монастыря" (Стефана Ковачевича). К.Петкович в 1847 г. стал студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, где под руководством Срезневского занимался изучением славянской филологии. Нет сомнений в том, что именно Срезневский побудил его составить небольшой словарь, сохранившийся до наших дней в рукописи в архивном фонде Срезневского [21]. Словарь представляет собой тетрадку примерно in 8°, на первом листе которой написано: Словарь болгарско-русский. Составленный болгаринном Константином М.Петковичем. С.Петербург. 1848 12 октября. По подсчетам И.Спасова, давнего описание этого словаря, в нем содержится 2124 заглавных слова, сгруппированных по начальным буквам, но без строгого алфавитного порядка внутри групп [22]. Образцом при составлении этого словаря Петковичу служил, как предполагает Спасов, "Српски рјечник истолкован њемачком и латинским рјечима" (Вена, 1818), на что указывает, в частности, характер толкований слов (примеры из народной поэзии, пословицы, описания народных обычаев и др.) [23]. Это более чем вероятно: Срезневский, как известно, высоко ценил словарь Вука Караджича и, естественно, мог посоветовать или предложить Петковичу взять его за образец. Рукописный словарь Петковича не представляет собой законченного труда и в том виде, в каком он был составлен, не предназначался для печати [24]. В связи с этим напрашивается мысль о том, что Петкович составил его по просьбе Срезневского именно с целью пополнить его материалы для болгарского словаря. В подтверждение этого приведем последовательность двух уже упоминавшихся дат: 12 октября 1848 г. - дата, указанная на титульном листе словаря Петковича, и 21 октября 1848 г. - день, когда было написано письмо к Григо-

ровичу, в котором Срезневский сообщал, что, благодаря "архимандриту Рильского монастыря" (Стефану Ковачевичу) и "студенту Дмитриеву", т.е. К.Петковичу, он почти вдвое увеличил свой "словарный запас". Вряд ли мы ошибаемся, если, сопоставив указанные даты, скажем, что вкладом Петковича в увеличение словарных материалов Срезневского и был названный выше его словарь.

Говоря о занятиях Петковича словарной работой, надо еще отметить, что несколько позднее он составил и два словаря к переведенной им Кракедворской рукописи и "Любуниному суду". Об этом известно из письма Срезневского от 21-26 сентября 1849 г. к Ганке. В нем Срезневский писал: "Один из моих слушателей, Дмитриев (=Петкович. - Г.В.), болгарин родом, по моему настоянию перевел на болгарский язык Кракедворскую рукопись и Суд Любуни, приложил введение и словарь. Теперь он составляет к этому изданию словарь болгарских слов, невразумительных для русского. Я издам эту книжку и приведу Вам" [25]. Из письма, впрочем, неясно, какой именно словарь был составлен Петковичем уже в сентябре 1849 г. наряду с введением к сделанному им переводу Кракедворской рукописи и "Любуниного суда" и словарем непонятных для русских читателей болгарских слов, над которым он в то время работал. Что это был чешско-болгарский словарь, видно из упомянутой выше "Записки", которую Срезневский представил Отделению 24 декабря 1849 г. В этой "Записке" он сообщал, что Петкович (Дмитриев) к своему переводу Кракедворской рукописи приложил "словарь всех слов чешских с болгарским переводом", а также уже упомянутый и в письме к Ганке словарь болгарских слов, не понятных для русского читателя [26]. Важно подчеркнуть, что чешско-болгарский словарь Петковича был первым (или, по крайней мере, одним из первых) опытом составления болгаринем такого двуязычного словаря.

Из этой же "Записки" видно также, что перевод Кракедворской рукописи и словаря к нему были сделаны Петковичем не только по настоянию Срезневского, но и под его руководством. Обращаясь к Отделению с просьбой об издании этого труда Петковича, Срезневский сообщал и о своей готовности исполнить редакционную работу, тем более, что, как он отмечал, "этот труд г.Дмитриева (=Петковича. - Г.В.), как одного из моих слушателей университетских, и начал и кончен под моим руководством" [27].

Как видим, Срезневский был твердо намерен издать отдель-

ной книжкой Краледворскую рукопись в болгарском переводе Петковича вместе с чешско-болгарским и болгарско-русским словарями. Об этом он сообщал Ганке уже 21-26 сентября 1849 г., а через два месяца, как сказано выше, обратился с официальной просьбой к Отделению. Как отнеслось Отделение к этой просьбе Срезневского, мы не знаем. Известно, однако, что труд Петковича в том объеме, какой имел в виду Срезневский, издан не был. Только в 1852 г. Срезневскому удалось из переводов Петковича опубликовать одну лишь песню "Добрушин суд" без подготовленных им словарей. Сам же Срезневский к этому переводу, как и к другому переводу этой же песни, сделанному И.Шоповым [28], добавил, кроме замечаний грамматического характера, также и свои пояснения к целому ряду слов.

Таким образом, Срезневский сыграл решающую роль в приобретении студента Петковича, молодого болгарского филолога, к составлению одних из первых в истории болгарской лексикографии двуязычных словарей - болгарско-русского и чешско-болгарского. Срезневский не только предложил Петковицу заняться составлением этих словарей, но и непосредственно руководил им, в особенности составлением словарей к переводу Краледворской рукописи. Он проявил также инициативу и большую заинтересованность в опубликовании и лексикографических трудов Петковича, что лишний раз свидетельствует о понимании русским ученым большой важности словарных материалов болгарского языка для развития славянской филологии.

4. Более подробного освещения заслуживает роль, которую сыграл Срезневский в подготовке и издании начальной части "Болгарского словаря" Герова и которая в общих чертах прослеживается по опубликованным протоколам Отделения и по некоторым материалам архива Срезневского.

Не позднее первой половины 1855 г. Срезневский получил от Герова "сборник болгарских слов", а также его "замечания грамматические о народном болгарском языке". От кого именно исходила инициатива ознакомления Срезневского с этими материалами - от него ли самого или же от Герова, нам не известно. О полученных "филологических материалах болгарского писателя Найдена Герова" Срезневский доложил на заседании ОРЯС 17 сентября 1855 г. Из протокола этого заседания видно, что, "объяснив содержание сборника", т.е. словарных материалов Герова, он "заметил, что полезно было бы воспользоваться им, если г.Геров примет на себя труд составить из него словарь болгарского народного языка", и что Отделение, со своей сто-

роны, одобрило предположение [так!] г.Срезневского и предоставило ему дать место словарному труду г.Герова в "Материалах для словаря и грамматики", приведши его в вид,согласный с требованиями Отделения" /29/. Из этого следует, что Срезневский, ознакомившись со словарными материалами Герова /30/, нашел их пригодными для составления словаря болгарского народного языка и что именно он предложил подготовленный Геровым словарь издать в Академии наук. Заручившись согласием Отделения, Срезневский "немедленно пригласил г.Герова привести словарные материалы его в порядок" и уже через несколько дней, на заседании 22 сентября, доложил, что "он надеется в непродолжительном времени представить Отделению план Болгарского народного словаря, составленный им по совещании с г.Геровым" /31/. Из сказанного видно, сколь оперативно (срав. и в протокольной записи - "немедленно") и заинтересованно занялся Срезневский подготовкой к изданию - совместно с Геровым - болгарского словаря. Обращает на себя особое внимание и тот факт, что проект ("план") словаря Срезневский обязывался составить с а м "по совещании" с Геровым /32/.

О характере словаря и правилах его составления Срезневский и Геров, видимо, договорились очень быстро. Существенные разногласия обнаружились только в отношении правописания, но в этом вопросе Срезневский, как увидим ниже, полностью уступил Герову, так что Геров в скором времени смог представить Срезневскому первые листы словаря. Уже в ноябре 1855 г. Срезневский "внес в Отделение полученное им от Найдена Герова начало Болгарского словаря" /33/. Тогда же Отделение приняло решение опубликовать и предисловие к словарю /34/. Очевидно, таким образом, что к тому времени (т.е. в ноябре) Геров представил Срезневскому (а тот Отделению), кроме начала словаря, также и предисловие к нему. В конце декабря 1855 г. первые два листа Словаря уже печатались, а третий лист набирался. Печатание словаря, как видим, началось быстро и без задержек.

О согласованных с Геровым правилах составления словаря Срезневский доложил Отделению 22 декабря 1855 г., представив ему специальную "Записку о Болгарском словаре Н.Герову", датированную этим числом. "Познакомься ближе с материалами, собранными г.Геровым для Болгарского словаря, - писал он, - я устроился с ним, по поручению Отделения, о правилах, которых он будет держаться при составлении Словаря" /35/. Соглашение это касалось - в общей форме - трех важных вопросов: 1) состава словника, 2) содержания словарных статей и 3) правописания.

Относительно состава словника Срезневский и Геров договорились, что в словаре "дано будет место только словам и выражениям народным, впрочем употребляемым не только селянами, но и горожанами, — и не исключительно словам славянского происхождения, но и иностранным, утвержденным в народе давним обычаем" [36].

В отношении толкования слов Срезневский и Геров условились, во-первых, что "болгарские слова будут объяснены по-болгарски, так же как в Сербском словаре В.С. Караджича; к болгарским объяснениям будет прилагается краткий перевод русский" и, во-вторых, что "болгарские объяснения слов должны быть не только синонимические, но везде, где нужно, — этнографические, так же как в Словаре Караджича" [37].

Поскольку в необработанных словарных материалах Герова ("сборнике народных болгарских слов"), с которыми ознакомился Срезневский, едва ли были уже дан и русский перевод болгарских слов, можно предположить, что предложение о включении в словарь русских переводов исходило именно от Срезневского. Это тем более вероятно, что "Болгарский словарь" готовился к изданию в Петербурге, и русский перевод в нем направлялся как бы сам собою. Примером этому мог служить и изданный в 1852 г. в Вене вторым изданием "Сербский словарь" ("Српски рјечник") Вука Караджича, в котором, кроме сербских толкований, дан перевод слов на латини и на немецком языке.

В приведенных фрагментах "Записки" Срезневского обращает на себя внимание тот факт, что в них дважды в качестве образца прямо указывается "Сербский словарь" Вука Караджича, причем в двух весьма существенных отношениях: а) толкование слов должно быть дано по-болгарски и б) кроме "синонимических", в словарных статьях должны быть даны и "этнографические" объяснения слов. Нет сомнения в том, что словарь Караджича принимался за образец, и в том, что "Болгарский словарь" должен включать "только слова и выражения народные". Вряд ли мы ошибемся, сказав, что на следовании этим принципам составления словаря особенно настаивал Срезневский.

Как известно, Срезневский исключительно высоко оценивал словарь Караджича, считая его "одним из самых важных явлений новой славянской литературы" [38]. Огромной заслугой Караджича Срезневский считал то, что в его словаре впервые была представлена лексика живого народного сербского языка [39]. Среди других достоинств этого словаря, "оставшихся и до сих пор украшением только немногих словарей, лучших из числа тех,

которые считаются превосходными", Срезневский особо выделял именно "этнографическое объяснение слов", отражающих специфические реалии сербской духовной и материальной жизни [40]. Считая "Сербский словарь" Караджича образцовым лексикографическим трудом, Срезневский, естественно, не мог не полагать, что и словари других славянских языков, в частности, и "Болгарский словарь" Герова, должны быть подобны знаменитому словарю сербского филолога [41].

Сказанное выше – скорее обоснованное предположение, чем бесспорное утверждение. Нельзя исключать полностью того, что Геров и сам, независимо от Срезневского, еще до встречи с ним, изучив "Сербский словарь" Караджича, мог прийти к сходному заключению о характере своего болгарского словаря. Прекрасно понимая огромное значение народного языка в развитии просвещения и литературы, видя богатство и красоту живого языка, Геров мог и самостоятельно, без прямого или косвенного (через Срезневского) влияния Караджича прийти к мысли о том, что надо составить прежде всего словарь живого болгарского языка, снабдить его примерами из произведений народной словесности и что именно такой словарь отвечает насущным задачам нормализации единого литературного языка как одной из существеннейших предпосылок формирования национальной культуры и национального единения болгар. Однако факт остается фактом: в разработанном Срезневским совместно с Геровым по поручению Отделения "плане", в соответствии с которым Геров и составлял свой "Болгарский словарь", "Сербский словарь" Караджича предстает как образец практического решения важнейших лексикографических вопросов. Очевидно, что Срезневскому (и Отделению) было важно с самого начала условиться с Геровым о том, чтобы указанные выше вопросы в его словаре были решены так же, как это сделано в словаре Караджича.

В какой мере первоначальный замысел Герова по составлению словаря родного языка соответствовал приведенным выше положениям, согласованным им со Срезневским, трудно сказать. Действительно ли в "сборнике народных болгарских слов" или в "книге" (см. примеч. 30) содержались только слова народного происхождения и употребления, как это следует из слов самого Герова, мы не знаем. Анализ сохранившихся архивных материалов к словарю, содержащих "не только народные слова", привел Е. Мавалову-Начеву к заключению, что, возможно, "Геров первоначально не намеревался составлять только словарь народного болгарского языка" [42]. В опубликованных частях "Болгарско-



го словаря" также содержатся отдельные слова, которые едва ли могут быть отнесены к числу народных (срав., например, безмбрный, безмбрно, беспрбстанный, беспрбстанно, бесчиние, бесчинство, бесчинно, благоговбние, благоньравие, благоньравный, благочестие и др., которые в новейшем толковом словаре болгарского языка приведены с пометками "книжное" или "устаревшее книжное" [43]). Вместе с тем вряд ли могут быть серьезные сомнения в том, что Геров с его пуристическими склонностями [44] собирався составить словарь прежде всего живой болгарской речи. И в этом намерении он нашел авторитетную поддержку русского слависта.

Не вдаваясь здесь в подробности, нужно подчеркнуть, что Геров в общем и целом следовал согласованным положениям, хотя в ряде случаев очевидны и отступления от них. Кроме приведенных выше и других слов, включение которых в словарь народных слов весьма спорно, следует отметить и то, что так называемые "этнографические объяснения" даются не для всех слов, при которых они были бы уместны, а также различный характер и объем этих объяснений. Очевидно, этого рода отступления и сама оговорка диктовались самим материалом, привезенным Геровым в Петербург. Впрочем, "этнографические объяснения", согласно договоренности, не считались абсолютно необходимыми в определенных случаях, а признавались, в сущности, лишь весьма желательными — "везде, где н у ж н о и в о з м о ж н о" (разрядка наша. — Г.В.). Ограниченными возможностями материала, которым располагал Геров к середине 50-х годов, объяснить следует и тот факт, что в опубликованных листах "Болгарского словаря" сравнительно бедна иллюстративная часть словарных статей (в частности, мало в них примеров из народных песен).

Если в отношении характера словника и содержания словарных статей между Срезневским и Геровым, судя по всему, разногласий (во всяком случае, сколько-нибудь существенных) не было, то по вопросу о правописании, как уже сказано выше, они придерживались разных точек зрения. О принципиальном различии их подхода к орфографической проблеме Срезневский сообщил Отделению в упомянутой "Записке" от 22 декабря 1855 г. "Я предполагал, — писал он, — употребить в Болгарском словаре правописание аналогическое, основанное на древнем старославянском с полным соблюдением народного выговора; но так как применение этого правописания к труду г.Герова потребовало бы от него слишком больших жертв привычкам и его личным и



читает ввиду различий в живом произношении болгар звуков, обозначающихся соответствующими буквами. Относительно ударения Геров замечает, что в словах с подвижным ("непостоянным") ударением "оно не поставлено нигде (в Словаре. - Г.В.) для того, чтобы каждый ставил оное по-своему" [47]. Затем он очень кратко останавливается на содержании словарных статей и указывает, что заимствованные слова обозначены в Словаре звездочкой [48]. Ни об источниках словарных материалов, ни о принципах отбора слов, как и о других важных лексикографических вопросах, Геров в своем "Вместо предисловия" ничего не говорит.

Академия наук издала не весь "Болгарский словарь" Герова, а лишь его начало, объемом в 8 листов, от А по слово вѣкъ. Все эти листы вошли в т. III "Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского и других славянских наречий" (стлб. 177-240, 273-304, 369-400), изданный в Петербурге в 1856 г. в качестве прибавления к т. У ИАН по ОРЯС [49]. Все они печатались под редакцией Срезневского, редактировавшего, как известно, издания Отделения. Но о том, что Срезневский редактировал "Болгарский словарь" Герова, есть и прямые свидетельства. Так, в информации о заседании Отделения 13 сентября 1856 г. сказано о "печатаемом под редакцией И.И.Срезневского" словаре Герова [50]. Позднее, ровно через 10 лет, сам Срезневский писал: "Под моей редакцией началось было издание значительного труда г.Герова..." [51].

Известно, что, кроме вышедших из печати 8 листов, были набраны и последующие три листа (9-11) "Болгарского словаря" [52], но они по неизвестным нам причинам света не увидели [53]. Перед отъездом из Петербурга на дипломатическую службу в Болгарию Геров обещал Срезневскому продолжать работу над словарем и присылать в Отделение новые части словаря [54], однако продолжение словаря так и не последовало. Сам Геров прекращение печатания словаря позднее объяснял тем, что, возвратившись из России в Болгарию и путешествуя по стране, он убедился в отсутствии в его материалах многих народных слов и преждевременности по этой причине издания словаря [55].

Отметим также, что по просьбе Герова и ходатайству Срезневского "Болгарский словарь", с разрешения Отделения, печатался и в виде отдельных оттисков [56].

Из сказанного видно, сколь деятельное участие принял Срезневский в подготовке к изданию труда болгарского лексикографа: он предложил Отделению опубликовать "Болгарский сло-

варь" Герова, он разработал совместно с Геровым правила составления словаря, определившие его характер, и он же редактировал подготовленные Геровым листы словаря.

5. "Болгарский словарь" Герова, хотя и незаконченный, обратил на себя внимание русских славистов того времени. Известно, например, мнение о нем московского профессора О.М. Бодянского, которому первые листы словаря доставил из Петербурга А.Ф. Гильфердинг. Об отношении в Москве и, в частности, Бодянского к "Болгарскому словарю" известно из письма С.Филаретова к Герову от 12 апреля 1856 г. По словам Филаретова, "здесь (т.е. в Москве. - Г.В.) вообще те, кто хочет знать наш язык, хорошо и с радостью встретили начало твоего словаря, хотя число таких и не велико. Бодянский тебя расхваливает за способ, которым ты истолковываешь слова, но больше всего за примеры из песен, пословиц и т.п., которые ты кое-где приводишь... Видно, говорит он, что человек знает язык не через пень колоду (в оригинале: "не тѣй отгоре по габровски". - Г.В.), изучил его хорошо и знает его как следует. Не нравится ему только правописание и особенно примечания или замечания, которые вы напечатали вместо предисловия в начале словаря" [57]. По мнению Бодянского, при иллюстративных примерах следовало бы указать место (территорию), где они записаны [58]. Отзыв Бодянского был "одним из первых компетентных отзывов" о словаре Герова [59] и он полностью совпал с мнением Срезневского об этом труде. Сторонники фонетического правописания, оба они считали этимологическое правописание, которого Геров придерживался, большим недостатком словаря [60].

"Болгарский словарь" Герова был восторженно встречен образованными болгарами. Чтобы в полной мере оценить огромное значение самого факта выхода этого словаря для болгар, нужно иметь в виду, что созданию словаря, как и созданию грамматики родного языка, деятели болгарского национального возрождения придавали исключительно большое значение. Мысль о необходимости создания словаря настолько владела умами представителей складывавшейся в ту эпоху национальной интеллигенции, что, как писал И.Шиманов, "можно с полным правом сказать, что в нем (словаре. - Г.В.) выражен высший идеал" образованных болгар эпохи Возрождения [61]. Лучшим подтверждением глубокой заинтересованности их в составлении и издании словаря родного языка служат отзывы о первом выпуске "Болгарского словаря" Герова. Так, издававшаяся в Константинополе газета "Цариградски вестник" в 1857 г. поместила один

за другим два отзыва на этот словарь. В одном из них некто Н.Н. характеризовал его как "важнейшее предприятие Н.Герова", как совершенный Геровым "героический подвиг", который принесет отечеству "пользу неисчерпаемую" и удовлетворит "насущные нужды отечества в просвещении" [62]. Положительно оценивая принятый Геровым принцип толкования слов на болгарском и русском языке, автор отзыва отмечал, что этим словарь особенно полезен для сравнения и изучения данных родственных языков. Филаретов, автор другого отзыва о словаре, спешил поделиться радостной вестью: "Мы так обрадовались, когда увидели это хорошее и утешительное начало, что не могли утерпеть и не сообщить теперь же другим нашим братьям известие, которое, как мы уверены, все встретят с открытым сердцем и благодарностью" [63]. О значении этого словаря Филаретов писал так: "Каждый из нас, кто понимает, что такое народная письменность, народное образование и кто болеет душой за общую пользу для отечества, почувствует, какое большое значение имеет для нас эта книга. Словарь и грамматика - это самая первая основа литературы на любом языке: пока их нет, никакая литература не может двинуться вперед. Что касается составления грамматики, то у нас уже есть несколько опытов, на основе которых со временем может быть составлено нечто более полное. Но словаря мы не имели. До сегодняшнего дня ни другие народы, ни мы сами не знали основательно, какой капитал, какую силу, какое богатство заключает в себе наш болгарский язык. Каждый из нас, с одной стороны, чувствовал большую потребность в такой книге, из которой он мог узнать об этом, чувствовал, какие трудности порождаются этим недостатком (те. отсутствием словаря. - Г.В.), а с другой стороны, видел, какие обширные знания, подготовку и терпение должен был иметь человек, чтобы взять и заполнить этот пробел" [64]. Журнал "Български книжици", издававшийся также в Константинополе, сообщал о выходе в свет словаря Герова как о "величайшей, самой радостной новости", называя словарь "бессмертным трудом" Герова, который удовлетворяет одну из "первейших потребностей наших" [65].

Имея в виду непосредственную причастность Срезневского к изданию "Болгарского словаря" Герова, мы не можем не отметить, что восторженная оценка этого словаря соотечественниками Герова отчасти должна быть поставлена в заслугу Срезневскому. Любопытно, однако, что сам Геров в предисловии к своему "Словарю болгарского языка", упоминая изданный в пе-

Тербурге "Болгарский словарь", имени Срезневского в нем не называется [66], чему, наверное, у него были свои причины.

6. С прекращением выпуска "Болгарского словаря" Герова Срезневский, хотя уже специально и не занимался словарем болгарского языка, продолжал интересоваться развитием болгарской лексикографии. Об этом свидетельствуют, в частности, его замечания, высказанные в середине 60-х годов в связи с выдвинутым А.Шлейхером проектом создания "Всеславянского словаря". Срезневский констатировал, что в области лексикографии "по новому болгарскому наречию окончательно не сделано ничего сколько-нибудь удовлетворительного" [67]. Словарики, опубликованные в сборниках народных песен Ст.Верховича (1860) и братьев Д. и К.Миладиновых (1861), в "Памятниках народного быта болгар" Л.Каравелова (1861), носят дифференцированный характер: в них "помещены слова менее понятные, а не все" [68]. "Самый важный материал", по мнению Срезневского, содержался в книге П.А.Бессонова "Болгарские песни из сборников Д.И.Венелина, Н.Д.Катранова и других болгар" (1855), но и здесь "указатель слов болгарских, в самой книге изъясняемых", включает менее двух тысяч слов. Как "очень бадный содержанием" расценил он и словарь, приложенный к "Грамматике болгарского языка" А. и Д.Цанковых (1852), хотя и отмечал, что в нем содержится "с небольшим пять тысяч слов, в числе которых большая часть производных и сложных" [69]. Срезневскому было известно, что "одним из болгар, получившим образование в Болгарии", "был "приготовлен вполне ручной словарь болгарский с немецким переводом", издание которого "от чего-то замедлилось" [70]. Срезневский знал, что разные лица давно уже собирают словарные материалы, которые могли бы послужить неплохой основой для составления словаря. "Рукописные материалы для словаря нового болгарского наречия, - писал он, - сколько знаю, очень велики и накопляться стали издавна. Если бы можно было собрать их, то наверно вышел бы словарь довольно удовлетворительный. Сузу по моему собранию, как по одной из долей" [71]. Отсутствие полного словаря современного болгарского языка делало, по его глубокому убеждению, преждевременным составление общеславянского словаря, о котором писал А.Шлейхер. "Во всяком случае, - подчеркивал Срезневский, - пока удовлетворительный словарь нового болгарского наречия не будет издан, о составлении славянского словаря по всем наречиям думать нельзя" [72].

В связи с обсуждавшимся вопросом об общеславянском словаре нужно отметить, что Срезневский ставил очень важный и сложный вопрос о правописании слов в этом труде. Если для одних славянских языков (русский, польский, чешский, сербский) в принципе можно было использовать уже установившееся их "собственное правописание", то в отношении других языков вопрос о правописании в то время представлял как трудноразрешимый. "Какое же правописание, - писал Срезневский, - принять для болгарского, малорусского, кашубского, силезского, полабского и некоторых других местных наречий, для которых еще не было устроено доселе одно, всеми принятое правописание? Ужели вносить в словарь напр. полабские слова в тех разных видах, как их записали люди, не знавшие по-славянски и тугоухие, или слова болгарские в тех разных видах, как писали или пишут их болгарские книжники, каждый по-своему?" [73]. Отметив, что филологу важно знать различия в произношении слов, вносимых в словарь, Срезневский далее писал, что "нельзя не желать, чтобы написание слова давало хоть несколько ясное понятие о его произношении: можно, следовательно, каждое правописание считать тем менее удовлетворительным, чем более оно скрывает особенности выговора" [74].

Срезневский, таким образом, оставался верен своей идее о том, что лучшим является то правописание, в основу которого положен фонетический принцип. Такое именно правописание, по его мнению, должны были ввести и болгары, в книгопечатании которых в середине XIX в. царил орфографический разнобой. Он, однако, оставлял открытым исключительно важный вопрос о том, как совместить фонетический принцип устройства единого для общebolгарского литературного языка правописания с наличием существенных местных (диалектных) различий в звуковом строе народного болгарского языка.

\*                      \*

\*

Сказанное выше свидетельствует о продолжительном интересе Срезневского к болгарскому словарю. Срезневский сам собирал материалы для болгарского словаря и надеялся его издать. Он побуждал и знакомых ему болгар к занятиям над словарем. Наконец, он сыграл немаловажную роль в разработке принципов составления "Болгарского словаря" Герова и в издании начала этого словаря Академией наук в 1856 г. Все это приводит к заключению о том, что Срезневский по праву занимает свое место у истоков болгарской лексикографии.

## Л и т е р а т у р а и п р и м е ч а н и я

Одно из последних свидетельств этому – состоявшееся 21 февраля 1980 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР заседание, посвященное 100-летию со дня смерти И.И.Срезневского. Информацию об этом заседании см. в статье: Валева Е.Д., Достаљ М.Д. Историкографические чтения в Институте славяноведения и балканистики АН ССР. – Советское славяноведение, 1980, № 6, с. 122-123.

Общую характеристику славистической деятельности Срезневского см. в статье: Достаљ М.Д. И.И.Срезневский как славист (1812-1880). – Советское славяноведение, 1980, № 3, с. 90-105.

Список основной литературы по этой тематике см.: Бернштейн С.Б., Достаљ М.Д. Срезневский И.И. – В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979, с. 320-321. Достаљ М.Д. Указ. соч., в подстрочных примечаниях. – Кроме указанных здесь работ, см. также главу "И.И.Срезневский и Вук Караджич" в кн.: Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975, с. 140-165; Вулетич В. Срезневски и Вук. – Анали Филозошког факултета (Београдски универзитет, 1964, св. 4, с. 83-96; раздел "И.И.Срезневский (1812-1880)" в обширном исследовании: Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия. – Учен. зап. Тартуск. ун-та, вып. 310. Тарту, 1973, с. 122-151; Смирнов С. Из истории русско-чешских научных связей (Й.Дингман и И.И.Срезневский). – Linguistica, XI. Тарту, 1979, с. 8-18.

См., например, Романски С. Български въпроси в преписката на И.И.Срезневски с В.И.Григорович. – Списание на Българската академия на науките, 1937, кн. 54, с. 124-176. – Отдельные замечания об интересах Срезневского к новоболгарскому языку см. также в трудах: Шимманов И. Студии из областта на Българското Възраждане. – Сборник на Българската академия на науките, 1916, кн. 6, София, с. 162; Францев В.А. Болгарско-чешские литературные связи в половине XIX ст. (Страница из истории болгарского возрождения). – Списание на Българ-



- ската академия на науките, 1929, кн. 38, с. 37-38; Христова-Филкова П. Из историята на руско-българските езикови връзки. София, 1963, с. 35-38; Русинов Р. Учебник по история на новобългарския книжовен език. София, 1980, с. 91.
5. Подтверждением последнего могут служить, в частности, недавние публикации материалов болгар из архива Срезневского зарубежными учеными: Спасов Л. Речник на Константин М.Петкович од 1848 година. - Годишен сборник на Филологичният факултет на Универзитет "Кирил и Методи" во Скопје, 1977, кн. 3, с. 143-160; Минкова Д. Константин Петкович и неговата студия за сватбените обичаи на македонските българи. - Български фолклор, 1980, № 3, с. 52 - 68; Она же. Нови сведения за Миладиновия сборник. - Газ. АБВ, № 41/93, 1980, 7 октябрия, с.4.
  6. Срезневский И. Труды по сравнительной грамматике славянских наречий. - Известия Акад. наук по Отделению яз. и словесности [далее: ИАН по ОРЯС], 1852, т. I, стлб. 66.
  7. Там же, стлб. 63.
  8. См. рецензию Срезневского на кн. "Вхождане в историята на българските славяне от 5-я век до 1396-та година" в переводе З.Княжеского (М., 1847). - Финский вестник, 1847, № 8, с. 60.
  9. Там же.
  10. Срезневский И. Отчет о состоянии Императорского Харьковского университета в 1842/43 академический год. Харьков, 1843, с. 49.
  11. Подробно этот интереснейший вопрос освещается в статье: Дмитриев П.А. И.И.Срезневский и Вук Караджич. - В кн.: Взаимосвязи славянских литератур. - [Д.]: Изд-во Ленинг. ун-та, 1966, с. 63-77; см. также: Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Указ. соч., с. 152-165.
  12. В недавно опубликованной статье Г.А.Богатовой о лексикографических трудах И.И.Срезневского его занятия словарем болгарского языка не упоминаются (см.: Богатова Г.А. Академик И.И.Срезневский (1812-1880) и его лексикографические труды. - Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка, 1980, т. 39, № 6, с. 552-558).
  13. Францев В.А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, с. 1059. - О споре по вопросу отношения старославянского и новоболгарского языков

между Срезневским и В.И.Григоровичем, считавшим гипотезу Срезневского недостоверной, см.: Романски С. Указ. соч., с. 135-139.

14. ЛО ААН, ф. 216, оп. 5, ед. хр. 298.
15. Там же.
16. Там же, оп. 1, ед.хр. 435.
17. Францев В.А. Указ. соч., с. 1059.
18. Цит. по изд.: Срезневский В.И. Переписка И.И.Срезневского с В.И.Григоровичем. - Списание на Българската академия на науките, 1937, кн. 54, с. 43. - Упомянутые здесь "архимандрит Рыльского монастыря" - прибывший в Петербург "для испрошения пособий насчет учреждения типографии церковной в Рыльском монастыре" - это Стефан Ковачевич (Францев В.А. Болгарско-чешские литературные связи..., с. 41), а "студент Дмитриев" - это студент Петербургского университета К.Петкович, о котором речь пойдет ниже.
19. Цит. по копии с протокола заседания Второго Отделения Академии наук, хранящейся в: ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 773.
20. Срезневский И.И. Замечания о Словаре славянских наречий. - Записки Акад. наук, 1866, т.9, кн. 2, с. 230.
21. ЛО ААН, ф. 216, оп. 3, ед.хр. 378.
22. Спасов Л. Указ. соч., с. 145. - Л.Спасов рассматривает словарь К.Петковича, как "словарь македонского языка" (там же), хотя сам автор называет его, как это видно и из приведенного титульного заглавия (его воспроизводит и Л.Спасов), "Словарем болгарско-русским".
23. Там же, с. 144-145. - Срав., например, толкование первого слова в словаре: "аба (тур.) - толстое сукно, похожее на русские солдатские простые сукна" (ЛО ААН, ф. 216, оп. 3, ед.хр. 378, л. 2).
24. Спасов Л. Указ. соч., с. 145.
25. Францев В.А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, с. 1064.
26. ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед.хр. 773.
27. Там же.
28. О том, что этот перевод принадлежит именно И.Шопову, бывшему студенту Московского университета, см.: Францев В.А. Болгарско-чешские литературные связи в половине XIX ст., с. 60. - Здесь же (с. 59-62) приведены и сведения, касающиеся краткой предыстории переводов "Любу-

шиного суда" Петковича и Шопова. Сравнение языка этих переводов, а также "Любушиного суда" в переводе Р. Жинзифова (1863 г.) см. в статье: Толстой Н.И. Страничка из истории македонского литературного языка ("Переводы "Любушиного суда" из "Краледворской рукописи" на македонский язык в XIX в.). - Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, 1965, вып. 43, с. 17-34.

29. Извлечение из протоколов Второго Отделения Академии наук за сентябрь месяц 1855 года. - ИАН по ОРЯС, 1855, т. IV, стлб. 359.
30. О характере (объеме и содержании) сборника народных болгарских слов, с которыми ознакомился Срезневский и которые явились основой для "Болгарского словаря" Герова, в какой-то мере можно судить по тому, что писал о нем сорок лет спустя сам Геров. Отметив, что сбор материалов для словаря он начал еще в 1842-1845 гг., в годы учебы в Ришельевском лицее в Одессе, а затем продолжал в Болгарии, Геров далее писал: "Там, за десять лет пребывания в Болгарии, я записал из уст народа и из употребляемых им различных изречений, пословиц и народных песен довольно большое количество слов, из которых должен был выйти словарь, содержащий примерно сорок тысяч слов" (Герова Н. Речник на български език с тълкувание реч-ти на български и на руски. Ч. I. А - Д. Пловдив, 1895, с. I). В сохранившемся (очевидно, в рукописи) предисловии, которое предназначалось для готовившегося к изданию в Петербурге словаря, Геров писал: "Таким образом в десятилетнем пребывании в Болгарии я записал в этой книге из уст, так сказать, народа более десяти тысяч слов..." (Цит. по: Машалова-Начева Е. Принос към изследване изворите на Речника на Найдено Герова. - Известия на Института за български език, 1967, кн. XIV, с. 105). Указанный здесь объем словарных материалов ("более десяти тысяч слов"), вероятно, более точен, чем сообщенный через 50 лет ("примерно сорок тысяч слов"). Кроме слов, записанных "из уст, так сказать, народа", названный "сборник" содержал также и немалое число слов, почерпнутых Геровым из печатных изданий того времени. Изучение сохранившихся архивных материалов привело Е. Машалову-Начеву к заключению, что Геров "несомненно... просматривал все книги, выходившие на болгарском языке, и отмечал все, что производило на него впечат-

ление, вероятно, для того, чтобы использовать эти заметки и для других своих занятий языком" (Машалова-Начева Е. Указ. соч., с. 107). Сборник словарных материалов Герова представлял собой, таким образом, не картотеку, а рукописную книгу, в которой, как это видно из приведенной выше цитаты, эти материалы были записаны. Эту книгу Геров перед своим отъездом из Петербурга на дипломатическую службу в Болгарию оставил на хранение в Отделении. В письме Срезневскому от 11 сентября 1856 г. он писал по этому поводу: "Для предупреждения всех случайностей, могущих причинить уничтожение известных уже Вам материалов, из которых я составляю Болгарский словарь, и сделать окончание его невозможным, я прилагаю при сем книгу, в которой записаны эти материалы, и покорнейше прошу Вас передать ее для хранения в отделение. Если по какому-нибудь непредвиденному случаю составление Словаря не будет окончено мною, то по этой книге может продолжать оное вышеупомянутый мой брат (Константин, поступивший в Московский университет. - Г.В.)" (см. "Из Архивата на Найдена Герова", кн. 2, София, 1914, с. 271). Какова дальнейшая судьба упоминаемой здесь рукописной книги со словарными материалами, нам неизвестно. Среди сохранившихся архивных материалов к словарю болгарского языка Герова ее, по-видимому, нет, так как изучавшая эти материалы Е.Машалова-Начева ее не называет (Машалова-Начева Е. Указ. соч., с. 107-116).

31. Извлечение из протоколов Второго Отделения Академии наук за сентябрь месяц 1855 года. - ИАН по ОРЯС, т. IV, 1855, стлб. 359.
32. В отчете о деятельности Отделения в 1855 г. было отмечено: "От болгарского ученого Найдена Герова получены филологические материалы. С его помощью мы будем иметь Словарь болгарского наречия: по совещании с академиком И.И.Срезневским, на основании программы, им (т.е.Срезневским. - Г.В.) составленной, г.Геров уже приступил к труду" (ИАН по ОРЯС, т. V, 1856, стлб. 5).
33. Извлечение из протоколов Второго Отделения Академии наук за ноябрь месяц 1855 год. - ИАН по ОРЯС, т. IV, 1855, стлб. 400.
34. Там же.
35. ЛО ААН, ф. 216, оп. I, ед.хр. 826.

36. Там же.
37. Там же. - Эти же положения были почти дословно включены в "Извлечение из протоколов Второго Отделения Академии наук за декабрь 1855 года" (ИАН по ОРЯС, т. У, 1856, стлб. 45-46). В кратком изложении они вошли и в отчет о деятельности Отделения в 1856 г., зачитанный 1 декабря 1856 г. (ИАН по ОРЯС, 1857, т. VI, стлб. 4).
38. [И.И.Срезневский]. Новое издание Сербского словаря В.С. Караджича. - ИАН ОРЯС, 1852, т. I, стлб. 25.
39. Там же.
40. Там же.
41. На сходство "Болгарского словаря" Герова с "Сербским словарем" Вука Караджича впоследствии обратил внимание П.А.Лавров, который писал, что словарь Герова "богат примерами из живого болгарского языка и бытовыми объяснениями в том роде, как у Вука Караджича. По местам приводятся примеры из народных песен, турецкие слова отмечены звездочкой, на основных формах выставлено ударение" (Лавров П. Предисловие. - В кн.: Довернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. Вып. 3. М., 1887, с. I-II).
42. Машалова-Начева Е. Указ. соч., с. 107.
43. Речник на българския език. Т. I. А - Б. Гл. редактор Кр. Чалакова. София, 1977.
44. О том, как относился в то время Геров к иноязычным заимствованиям в родном языке, хорошо написал он сам в письме С.Филаретову от 9 апреля 1856 г. в связи с печатавшимся началом "Болгарского словаря". Отметив, что в этом словаре много иностранных слов, Геров далее разъяснял: "Я поместил все такие слова не потому, что они нам нужны, а для того, чтобы было видно, что почти все они имеют равнозначные чисто болгарские слова и что они употребляются без всякой нужды. Начало этого словаря не дает хорошего понятия о болгарском языке, потому что с буквы а начинаются почти исключительно иностранные слова, также и с буквы б начинается очень много таких слов, точно так же как и в русском языке. Но в букве в доля их очень уменьшается" (см. "Из Архивата на Найдена Герова". Кн. 2, София, 1914, с. 461).
45. ЛО ААН, ф. 216, оп. I, ед.хр. 826. - Эта часть "Записки" Срезневского в опубликованном протоколе заседания От-

деления от 22 декабря 1855 г. и в отчете о деятельности Отделения в 1855 г. (см. сноску 35) отсутствует. Высказав Отделению отрицательное мнение о правописании Герова, Срезневский эту часть "Записки", в отличие от рассмотренной выше ее части о составе словника и содержания словарных статей, не включил в протокол заседания, очевидно, потому, чтобы публикацией своего мнения не умалить значения "Болгарского словаря" Герова в глазах будущих читателей еще до выхода его в свет.

46. Геро́в Н. Болгарский словарь, стлб. I77. – Само заглавие ("Вместо предисловия") вступительной части этого словаря повторяет эти же слова из "Записки" Срезневского ("Объяснение же этого правописания помещается перед Словарем вместо предисловия"), что, как нам кажется, свидетельствует, с одной стороны, об обстоятельном обсуждении Срезневским и Геровым орфографических вопросов, а с другой, о принятом ими в результате этого решения поместить не предисловие, а вместо него сравнительно подробное объяснение только правописания в Словаре. Первоначально же Геров, по-видимому, намеревался предпослать Словарю собственно предисловие, в котором речь должна была идти и о других вопросах, а не только орфографических, но по настоянию Срезневского заменил его вступительными объяснениями принятого им правописания. О том, что Геров готовил (а может быть, и подготовил) такое предисловие, свидетельствует и сохранившаяся часть предисловия на русском языке, которое, как указывает Е.Машалова-Начева (Указ. соч., с. 105), Геров предназначал для "Болгарского словаря". Приведенная Е.Машаловой-Начевой фраза из этого предисловия (см. сноску 28) в опубликованном объяснении "Вместо предисловия" отсутствует. Об этом именно предисловии, по-видимому, речь и шла на одном из заседаний Отделения в ноябре 1855 г., о чем может свидетельствовать следующая запись: "Предисловие (! не "вместо предисловия". – Г.В.) к сему словарю напечатать в "Материалах для словаря", где будет помещен и самый словарь г.Герова" (ИАН по ОРЯС, т. IV, 1855, стлб. 400). Если бы такого предисловия (возможно, отвергнутого по каким-то причинам Срезневским) не было, то, очевидно, и Срезневский в "Записке", и сам Геров во вступительной части к Словарю говорили бы просто о предисловии, а не об объяснении "вместо предисловия".

47. Н.Геров. Болгарский словарь, стлб. 180.
48. Там же, стлб. 181.
49. Относительно года издания "Болгарского словаря" Н.Герова надо заметить, что в некоторых работах он указывается неточно. Так, Е.Машалова-Начева пишет, что начальная часть этого словаря была издана в 1855-1856 г. (Машалова-Начева Е. Указ. соч., с. 104-105). Очевидно, она опирается в этом на слова самого Герова, который спустя сорок лет, в предисловии к изданному в 1895 г. ч. I "Словаря болгарского языка", писал, что он "начал составлять правильный словарь ("рядовен речник") и подготовленное печатать как приложение к "Известиям Второго Отделения Императорской Академии наук в Санктпетербурге" за 1855-1856 г." (Геров Н. Речник на български език, ч. I, с. I). Одно из двух: или Геров просто забыл, что его "Болгарский словарь" (собственно, начало этого словаря) был издан в 1856 г., или же указанные годы им относятся не только к выходу словаря в свет (1856 г.), но и к его подготовке (1855 г.). В отчете Отделения о деятельности в 1856 году, прочитанном I декабря 1856 г., сказано, что в том году было "начато печатание Болгарского словаря" Герова (ИАН по ОРЯС, т. VI, 1857, стлб. 4). Отметим также, что иногда называется и 1857 г. как год издания "Болгарского словаря" Герова (см., например: Андрейчин Л. Речникът на Найденов Геров. - В кн.: Геров Н. Речник на български език. Фототипно издание. Ч. I. А - Д. София, 1975, с. XXVI<sub>1</sub>) и даже 1853 г. (Кювлиева В. Кратко описание на ръкописания българско-гръцки речник от Захари Христовулов. - Български език, 1969, т. XV, кн. 4-5, с. 408). Отметим и еще одну неточность в существующей литературе, связанную с рассматриваемым здесь словарем Герова. В одной из последних работ Л.Минковой сказано, что в начале 1856 г. в Петербурге... печатали первые листы русско-болгарского "Словаря", составленного Найденом Геровым (Минкова Л. Осип Максимович Бодянский и его вклад в развитие болгаристики в России. - В кн.: Литература и история. Освободительная война 1877-1878 годов и болгарская литература. Статьи болгарских литературоведов. М.: Худ. лит-ра, 1979, с. 268). Это, конечно, случайная описка. "Русско-болгарский словарь" Н.Герова готовился к изданию в Москве в Университетской типографии при содейст-

54. В письме от 11 сентября 1856 г. Геров уверял Срезневского, что его отъезд "нисколько не помешает" продолжению работы над "Болгарским словарем", тем более, что "начальство имело в виду" его "занятия по этой части" (см. "Из Архивата на Найдено Геров", 1914, с. 271). Продолжение Саваря Геров собирался присылать Отделению с начала 1857 г. через Азиатский департамент Министерства иностранных дел, на что им получено соответствующее разрешение этого ведомства. Геров сообщал также, что держать дальнейшую корректуру он поручает своему брату Константину, поступившему осенью 1856 г. в Московский университет (Там же). Цитируемое здесь письмо Герова



было зачитано Срезневским Отделению на заседании 13 сентября 1856 г. (см. "Извлечение из протоколов Второго Отделения Академии наук за сентябрь месяц 1856 года". - ИАН по ОРЯС, 1857, т. VI, стлб. 330).

55. Геров Н. Речник на българский язык, с. I-II.
56. Перед отъездом в Болгарию Геров через Срезневского просил Отделение выдать ему "сто экземпляров из отдельно печатаемых" на его счет "оттисков Словаря для отвезения в Болгарию" и "исходатайствовать у Отделения издания его (т.е. Словаря. - Г.В.) для Болгарского училища Св.Кирилла и Мефодия в Филиппополе" (Из Архивата на Найдено Геров, кн. 2, с. 271).
57. См. "Из Архивата на Найдено Геров", кн. 2, с. 462.
58. Там же.
59. Минкова Д. О.М.Бодянски и Българското Възраждане, с.154.
60. Отметим попутно, что в связи с намечавшимся изданием в типографии Московского университета "Русско-болгарского словаря" Герова между Геровым и Бодянским состоялся - через Филаретова - довольно острый обмен мнениями по вопросам правописания. Геров оставался верным принятому им правописанию и не согласился с конкретными предложениями Бодянского. В письме от 14 августа 1856 г. он писал Филаретову: "Все, это я пишу так или иначе, я пишу по какой-то причине, а не бездумно" ("Из Архивата на Найдено Геров", кн. 2, с. 474). Объяснив, почему он пишет мяккый, мякычкый, а не мякый, мячкый и др., Геров далее писал: "Так, у меня для всего есть по несколько таких доводов, потому я и пишу так. Может быть, у г.Бодянского есть более весомые доводы в пользу того правописания, которое он мне рекомендует, но я их не знаю, и принять это правописание не по убеждению, а, так сказать, по чужому повелению, особенно же, если оно не согласуется с тем, что я знаю, что я видел, слышал и заметил, было бы неуместно. Я уверен, что и его милость (т.е. Бодянский. - Г.В.) не хочет такого рабского послушания... Итак, добавить какие-то слова, объяснить получше, перевести другими словами, вы можете сколько хотите, но мое правописание - не троньте" (Там же). Бодянский же, по словам Филаретова (в письме Герову от 4 сентября 1856 г.), по-прежнему считавший, что "было бы хорошо кое-что изменить в правописании", когда узнал о категорическом отказе Герова

что-либо менять в своем правописании, сказал: "Как хотите, я умываю руки" (Там же, с. 475). Приведенный фрагмент письма Герова показывает, сколь твердо и последовательно он держался избранного им правописания уже в середине 50-х годов, когда ему было еще немногим более 30 лет. Этот фрагмент служит убедительным подтверждением тому, что и при обсуждении со Срезневским правил составления "Болгарского словаря" Геров решительно отстаивал свое правописание, так что Срезневский вынужден был отказаться от своей идеи о приложении в "Болгарском словаре" фонетического правописания и согласился в этом важном вопросе с Геровым, несмотря на то, что он, как и Бодянский, считал его правописание неудовлетворительным.

61. Шиманов И. Константин Г.Фотинюв. - Сборник за народни умотворения, 1894, кн. XI, с. 694.
62. Цариградски вестник, год. 7, № 311, 12 января 1857.
63. Там же, № 329, 18 мая 1857.
64. Там же.
65. Български книжици, год. I., ч. I, 1858, раздел "Книжечен дневник", с. 10.
66. Герова Н. Речник на български език, с. I-VII.
67. Срезневский И.И. Замечания о Словаре славянских наречий, с. 229.
68. Там же.
69. Там же. - В опубликованной еще в 1852 г. библиографической заметке о "Грамматике" Цанковых Срезневский об этом словаре отзывался так: "В конце книги приложен сборник болгарских слов, очень недостаточный, но как первый в своем роде очень замечательный" (ИАН по ОРЯС, 1852, т. I, столб. 166). В библиографической заметке о "Карманной книге для русских воинов, находившихся в походах против турок в болгарских землях" (СПб., 1854), отметив, что эта "книжка любопытна между прочим и как практическое руководство для изучения болгарского наречия", Срезневский далее писал: "Она была бы еще важнее, если бы словарь русско-болгарский, в ней помещенный..., был богаче теми словами, которыми болгарское наречие отличается от русского" (ИАН по ОРЯС, 1854, т. III, столб. 168).
70. Срезневский И.И. Замечания о Словаре славянских наречий, с. 229-230.

- 71. Там же, с. 230.
- 72. Там же.
- 73. Там же, с. 220-221.
- 74. Там же, с. 221.

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ  
И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ  
(ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.)

М.В. Никулина

Формирование славяноведения в России в первой трети XIX в. проходило в условиях, с одной стороны, все усиливавшегося интереса к родственным славянским народам, а с другой — отсутствия конкретных сведений о жизни и быте современного славянства, языке, состоянии науки и культуры славян. Основным источником знаний о западных и южных славянах были в это время журнальные статьи и корреспонденции, часто очень неполные и отрывочные, не всегда отвечающие научным требованиям. Для решения некоторых славистических проблем, изучавшихся в России традиционно, например, русского и славянского этногенеза, древнеславянской письменности и др., на новом этапе развития науки нужны были новые источники и методы их изучения, совместные усилия ученых разных стран. В то же время в соответствии с новым этапом формирования русской культуры в славянских изучениях возникает новая проблематика. В этот же период начинают разрабатываться отдельные вопросы славянской и русской диалектологии, этнографии, фольклористики, в работе над которыми исследователям необходимо было не только знание славянских языков и литературы, но и современного их состояния, уровня изучения в других странах. Одним из первых эффективных способов познакомиться с современным положением славянства стали путешествия в славянские земли. Однако путешествия неподготовленных, часто далеких от науки офицеров, дипломатов, чиновников давали мало научных результатов, хотя и способствовали удовлетворению интереса русского общества к славянам [1]. Молодые же дворяне, отправлявшиеся за границу с целью завершения образования в европейских университетах, не включали в свои маршруты земли славян.

В предлагаемой статье делается попытка (главным образом, на примере путешествия П.И.Кеппена) показать то новое, что дали для развития русского славяноведения первые научные путешествия по славянским землям.

Первый опыт сознательного и целенаправленного ознакомления с жизнью славянских народов был сделан А.И. Тургеневым

(1784-1845) и А.С.Кайсаровым (1782-1813), молодыми русскими дворянами, обучавшимися в 1802-1804 гг. в Геттингенском университете. Идея путешествия к славянам оформилась у них под влиянием занятий славянскими древностями и русской историей у А.Шлецера. Эти занятия привели молодых ученых к мысли о необходимости ближе знать язык, историю и культуру славянских народов, чтобы глубже понять русскую историю. Нужно отметить также, что интерес к славянской проблематике появился у А.С. Кайсарова ещё в России, в кругу "Дружеского литературного общества", и, как сообщает Д.М.Лотман, вырос на почве интереса к русскому народному творчеству [2]. Путешествие А.С. Кайсарова и А.И.Тургенева длилось недолго (несколько месяцев в 1804 г.), оно не было заранее подготовленным, не имело ясной программы. Путешественники посетили земли лужицан (Бауцен), чехов (Прага), сербов и хорватов (Белград, Фрушка-гора, Загреб), познакомились с сербскими деятелями культуры Ст.Стратимировичем и Л.Мушицким, с лужицким филологом Д.Антоном, они рассматривали рукописи в монастырских архивах и библиотеках, записывали народные песни, знакомились с литературой и живыми языками. Об этом свидетельствуют письма Тургенева и Кайсарова родным и записи, сделанные А.С.Кайсаровым в записной книжке [3]. Многое они открывали для себя в пути, во время непосредственного соприкосновения с жизнью славян (например, онемечивание славян в Германии и Австрии). А.И.Тургенев в письме к отцу говорит: "Пускаясь в путешествие, мы не надеялись, чтоб оно было для нас столь наставительно по нашей исторической части и чтоб мы дорогою могли сделать столь много нового, интересного знакомства... путешествуя, мы более, может быть, успеем в славянской истории, нежели бы сидя за одними книгами, потому что здесь мы видим сами те предметы, на кои прежде смотрели глазами других. Они становятся нам интереснее и, читая о них, мы можем верить самого автора" [4]. Особенно их поражают черты сходства в языке, быте, обрядах славян, как западных, так и восточных.

Мысли и идеи относительно дальнейшего развития славистики, возникшие у молодых ученых благодаря путешествию, наиболее определенно выражены А.С.Кайсаровым в рукописи "Сравнительный словарь славянских наречий" (предисловие) [5]. Кайсаров на собственном опыте изучения русской истории убедился, что "русскому историку нужно непременно короче узнать все отрасли плодovitого словенского древа", так как не зная истории других славянских народов, нельзя понять собственной ис-

торим, особенно в ее древнейшем периоде. Кайсарова вдохновляет идея создания сравнительного словаря всех славянских наречий, существующих на пространстве от Камчатки до Адриатического моря, который покажет бы "сходство словенских наречий между собой" и возбуди бы "охоту к дальнейшим исследованиям". Такой словарь представляется ему необходимым не только для изучения истории русского языка, но он может стать также базой для формирования, совершенствования русского литературного языка. Обращаясь к будущим создателям такого словаря, он предлагает свою программу, которая поможет осуществить это значительное и нелегкое дело. Наиболее важным Кайсаров считает непосредственное ознакомление со славянскими народами и странами, что поможет будущим славистам в изучении живых славянских языков, для овладения которыми нет еще ни грамматик, ни словарей; "непременно должно будет ему (путешественнику в славянские земли. — М.Н.) пробыть между всяким словенским народом по крайней мере по полугоду", — пишет А.С.Кайсаров. К тому же путешествие поможет в нахождении новых источников для разъяснения русской истории и языковых вопросов. Необходимым для ученого путешественника Кайсаров считает также хорошее знание церковнославянского языка (правда, он, как и большинство ученых его времени, принимает церковнославянский язык за "корень" всех славянских наречий). "В три года кончит наш сочинитель свое словенское путешествие, через пять лет готов общий словарь наречий словенских" [6], — заключает А.С.Кайсаров.

Все это позволяет отнести путешествие А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова к первым научным путешествиям с целью ознакомления с языком, историей и культурой славянских народов. Изучение славянства в таком широком аспекте было предпринято русскими учеными впервые. Хотя об этом путешествии в русских ученых кругах было известно мало и сведений в печати о нем не появлялось, сохранившиеся материалы путешествия свидетельствуют о поисках новых путей в решении некоторых проблем славистики — в частности, проблемы дохристианской общности славян, к решению которой начинают подходить с помощью сравнительных данных из славянской мифологии, этнографии, истории и языков. Подобный подход мы видим также и в книге А.С.Кайсарова "Славянская мифология" (1807 г.) [7].

Совершенно иные цели имело путешествие З.Доленги-Ходаковского (А.Чарноцкого, 1784—1825), фольклориста, этнографа и археолога, увлеченного изучением древнейшего прошлого славян-

ских народов. Путешествуя по западной Украине, южной Польше и Белоруссии, собирая песни, сказки и предания, наблюдая обычаи и обряды простого народа, изучая древние славянские городища и курганы, древние рукописи, он обратил внимание на некоторое единство как в мотивах и сюжетах произведений различных жанров народного творчества поляков, украинцев и белорусов, так и в расположении и названиях древних могил и городищ. Опираясь на эти наблюдения и на свою теорию культового значения городищ, он составил обширную программу изучения дохристианской истории славян. Эту программу он изложил в статье "О славянщине до христианства", опубликованной на польском языке в 1818 г. в Кременце [8]. В ней говорится о том, что историю древнейшего периода славян можно понять только после тщательного собирания всех остатков духовной и материальной культуры ранних славян на всем пространстве их расселения от Балкан и Адриатики до скандинавского Севера [9]. Для этого он предлагает обратиться к народу, создателю и хранителю древнейших понятий и представлений славян об окружающем мире, а также к тому лексическому материалу, рассеянному в народе, который поможет в воссоздании общей картины первобытной культуры славянства. Таким образом, Ходаковский предлагает для изучения древнейшей истории славян обратиться к обширному комплексу источников — археологическим, этнографическим, фольклорным, лексикальным, не ограничиваясь только летописями или сообщениями античных писателей. Подобный подход к изучению ранней истории славян был совершенно новым в историографии начала XIX в. [10].

На осуществление своего проекта Ходаковскому требовались большие средства. В 1819 г., не получив материальной поддержки ни в Варшаве, ни от Виленского университета, Ходаковский приехал в Петербург и обратился к министру народного просвещения А.Н.Голицыну, президенту Российской Академии А.С. Шишкову, историографу Н.М.Карамзину и др. русским ученым с просьбой поддержать его проект путешествия по России "для объяснения древней славянской истории". Этот проект был подробно изложен им в статье, опубликованной в журнале "Сын отечества" и в извлечении — в "Вестнике Европы" (1820 г.) [11]. О задачах и необходимости такого путешествия для выяснения темных мест русской истории он пишет и в статье "Разыскания касательно русской истории" (1819 г.) [12]. Проект Ходаковского был одобрен, и ему были выданы ассигнования на один год путешествия с тем, чтобы после представления отчета за пер-

вый год, был решен вопрос о дальнейшем его продолжении (план и маршрут путешествия были рассчитаны на 4 года). Однако путешествие Ходаковского продлилось только год (с августа 1820 г.). За это время он побывал в северо-западных губерниях России, исследовал курганы и городища по рекам Свири, Волхову, Ладуге и др. Им был собран большой топонимический и археологический материал, проведены наблюдения над русскими говорами. Но донесения и отчет, представленные Ходаковским в Департамент народного просвещения, получили отрицательный отзыв члена Ученого комитета Главного правления училищ Н.И.Фуса и Н.М.Карамзина, как не объясняющие ни одного важного "пункта отечественной истории" [13], а результаты поездки были признаны неудовлетворительными. Поэтому ассигнований на продолжение путешествия не поступило. Однако ни Н.И.Фус, ни Н.М.Карамзин не смогли правильно оценить результаты путешествия Ходаковского. Материал, собранный им в течение только одного года, был значительным, он требовал дальнейшей обработки, исследований, проверки на местах, уточнений [14].

Важным для развития славяноведения оказалось даже не само путешествие и его результаты (многие из которых долго не публиковались, а некоторые остаются в рукописях до сих пор), а его выступления в польской и русской печати. Польские, русские и советские исследователи [15] отмечали то большое влияние, которое оказала статья Ходаковского "О славянщине до христианства" (вышла в нескольких изданиях, ее основные положения были повторены и углублены в других его работах) и его подвижническая собирательская деятельность на различные научные и литературные круги России, Украины, Польши. Горячо была воспринята программа Ходаковского передовым русским обществом, особенно членами Вольного общества любителей российской словесности (Ходаковский был принят в члены общества 24 ноября 1819 г.). Еще в 1816 г., в первый год образования общества, на его заседаниях ставился вопрос о необходимости "разъездных корреспондентов", собирающих памятники народного творчества; указывалось также на значение для историка собирания и изучения древних русских грамот, летописей, преданий, песен: "Путешествующий историк должен описать прежнюю славу россиян... по былинам тех времен" [15]. В программе журнала Общества - "Соревнователь просвещения и благотворения" значились и "ученые путешествия", особенно посещение новгородских и псковских мест, живо напоминающих о "прежней славе древней республики" [17]. Ф.Н.Глинка, с которым особенно



сблизился Ходаковский во время своего пребывания в Петербурге [18], автор "Писем русского офицера" (М., 1815) и "Писем к другу" (СПб., 1816), написанных в жанре путевых очерков, неоднократно останавливается в них на сюжетах из древнерусской и польской истории, призывает собирать славянские древности и рукописи. Интерес декабристских кругов к национально-героическим историческим темам и их стремление по-новому осветить одну из первых эпох развития русского государства совпадали с желанием Ходаковского на месте проверить сообщения таких историков, как А.Шлецер или Н.М.Карамзин, а не слепо верить иностранным писателям, утверждавшим, что "славянское младенчество окружено туманом грубого невежества и дикости" [19]. Программа Ходаковского открывала новые пути в изучении славянства в целом и обращала исследователя лицом к народу.

Другим не менее важным вкладом Ходаковского в славяноведение было широкое привлечение данных исторической географии к решению историко-лингвистических проблем. О важности изучения географической номенклатуры для определения древнего населения славянских стран еще в 1812 г. писал А.Х.Востоков [20], топонимикой интересовался М.Т.Каченовский [21], топонимические материалы собирал в своих многочисленных поездках П.И.Кеппен [22] и др. ученые. Но Ходаковский впервые указал на все многообразие этого совершенно неизученного материала и возможность его использования для решения ряда сложных славистических проблем.

Первое длительное путешествие в славянские страны с заранее определенной научной целью изучения, собирания и описания памятников письменности, предметов искусства и быта, фольклора, языков и наречий различных славянских народов было предпринято П.И.Кеппеном (1793-1864), одним из первых русских славистов, человеком разносторонних и широких знаний. Активный деятель Румянцевского кружка, занимавшегося собиранием и изданием русских и славянских рукописей, близкий друг и соратник А.Х.Востокова и К.Ф.Калайдовича, известных русских исследователей памятников древнерусского и старославянского языков, ученик лингвиста и библиографа Ф.П.Аделунга - Кеппен был наиболее подходящим кандидатом для такого путешествия. Еще задолго до этого он часто совершал различные поездки по России (начиная с 1810 г.), осматривал в пути библиотеки, архивы, училища, лицеи, античные и древнерусские развалины, городища и храмы [23]. Не имея собственных средств, Кеппен вынужден был искать спутника, который мог бы оплатить

расходы по путешествию в Европу. Им стал молодой русский дворянин А.С.Березин, который для завершения своего образования хотел совершить длительное путешествие по Европе. Вдвоем они должны были посетить не только славянские земли, но и Италию, Швейцарию, Францию, Бельгию и Германию. Не все эти планы осуществились, так как из-за финансовых трудностей Кеппен и Березин в октябре 1823 г. должны были расстаться, а в 1824 г. А.С.Березин умер в Сицилии.

Путешествие Кеппена продолжалось с октября 1821 г. по апрель 1824 г. За это время он посетил Польшу, Чехию, Сербию, Румынию, Германию, познакомился с крупнейшими европейскими учеными и литераторами, жил в Праге, Варшаве, Дрездене, Вене, Мюнхене, Берлине, Веймаре и других европейских городах. Все свои впечатления, подробный маршрут путешествия, сведения о печатных и рукописных источниках по различным вопросам славяноведения, о живых (разговорных) славянских языках и диалектах Кеппен заносил в свой дневник, представляющий значительную ценность как для изучения формирования славяноведения в России, так и в других славянских странах в первой трети XIX в. [24]. О путешествии Кеппена по славянским странам и его роли в истории русского славяноведения нет еще обобщающей работы. Некоторые стороны его деятельности раскрыты в статьях С.Г.Потепалова и других исследователей [25].

Путешествие Кеппена положило начало систематическому изучению славянства в целом. В своих записях, которые он вел очень регулярно и подробно, Кеппен останавливается на географическом положении страны (области, города, селения), климатических условиях, почвах и полезных ископаемых, населении, его нравах и обычаях, языке, истории, просвещении и т.п. К этому нужно добавить специальные славистические интересы Кеппена - собирание и изучение древних славянских памятников - археологических, рукописных, старопечатных, различных сведений по истории славянского книгопечатания, славянским языкам и диалектам (границы распространения, особенности произношения, лексика, топонимика). К наиболее важным моментам своего путешествия Кеппен относил знакомство и установление контактов с видными представителями науки и культуры: в его дневнике мы видим целую галерею лиц, среди которых П.Шафарик, Й.Добровский, Е.Копитар, В.Ганка, Ст.Стратимирович, Я.Кодлар, Ф.Палацкий, Фр.Шлегель, Бетховен, Гете и другие славянские и западноевропейские деятели.

Другой особенностью дневников Кеппена является обилие библиографического материала: в каждом разделе своих записей он указывает все наиболее важные издания по языку, литературе, истории чехов, словаков, поляков, сербов, хорватов, венгров и др.

Остановимся более подробно на одном мало изученном материале его путевых записок – его поездке из Вены в Варнаву в июне-июле 1823 г. [26]. Стесненные финансовые обстоятельства, в которых находились в Вене А.С.Березин и Кеппен, не позволили им вместе совершить эту поездку по Польше [27]. Весь путь из Вены (через Краков [28]) в Варшаву и обратно (через Вроцлав) подробно описан им в дневнике. Кеппен перечисляет все станции, деревни, трактиры и постоялые дворы, где приходилось обедать и менять лошадей, состояние дорог, указывает расстояние между станциями, занятия населения, денежный курс, описывает крепости, реки и горы, встречавшиеся на пути [29]. Топонимическую и гидронимическую лексику он собирал на всем протяжении путешествия [30] и, записывая названия сел, гор, рек (на русском, славянских и немецком языках), часто обращал внимание на этимологию названия, его распространенность, изменения в результате инославянских влияний. Так, Кеппен различает происхождение названий Лыный Буг (1) и Польский (т.е. Западный) Буг (2), которые различаются и современными этимологами, пытается определить этимологию этих гидронимов, хотя и допускает неверные сопоставления: Буг (1) – бог – der Bock – Пан 'божество'. Любопытно и его толкование гидронимов Дон – Донец, Дунай – Дунаец 'вода', во многом совпадающее с выводами современных этимологов [31].

Большое внимание уделял Кеппен проблеме родства славянских языков. Нужно отметить, что эта проблема и связанные с ней вопросы классификации славянских языков [32] и территории их распространения в прошлом и настоящем начинают все больше привлекать внимание ученых в связи с формированием сравнительно-исторического метода и развитием самой науки о языке. Вопрос о происхождении восточнославянской группы языков, ее составе, сходстве, различиях, взаимоотношении этих языков особенно интересовали как русских, так и других славянских ученых. Этими вопросами занимался и Кеппен. Уроженец Харькова, он хорошо знал украинский язык и во время своих путешествий записывал фонетические особенности говоров в отдельных местностях Украины, различные лексические варианты и наличие инославянских и неславянских заимствований в украинском языке [33].

В некоторых случаях он составлял небольшие русско-украинские словарики или сравнительные таблицы (русско-украинско-белорусские), подчеркивая особенности произношения или лексики в сравнении с русским языком. Это были одни из первых опытов ведения диалектологических записей, очень несовершенные и не имеющие сейчас научного значения. Однако они свидетельствовали об усилившемся интересе русских научных кругов к диалектологическому изучению славянских языков и о том направлении, в котором оно шло. Нужно помнить также и о том, что вопрос о самостоятельности украинского языка, как и белорусского (при общей руссификаторской политике царского правительства) еще не был решен окончательно в русской науке. Сам Кеппен называл украинский язык "язык или наречие малороссийское" [34]. Трудность состояла не только в том, что не было еще понимания общности древнерусской языковой основы (периода Киевской Руси), но и в том, что на Украине, в силу особых исторических условий (власть Великого княжества Литовского, Польши) вплоть до ХУП века был широко распространен так называемый "русский", или старый литературный украинский язык (древнерусский с элементами живого языка украинской народности и польского языка). Он продолжал употребляться еще долго в западноукраинских землях, оставшихся под властью Польши, в то время как в землях Левобережной Украины (особенно после присоединения к России в ХУП в.) он значительно изменяется, освобождается от полонизмов и усваивает некоторые элементы русского литературного языка. Украинский национальный литературный язык начинает формироваться лишь в конце ХУШ столетия [35]. Все это, при отсутствии научной разработки грамматик древнерусского и старославянского языков, давало простор для утверждений, что украинский язык — это наречие (диалект) русского или польского языков (а потому он не имеет права на самостоятельное развитие), или, наоборот, украинским языком назывались язык и письменность Киевской Руси, "русский" язык противопоставлялся "российскому" и т.п. Кеппен был хорошо знаком с этими спорами и первыми работами по украинскому языку: "Грамматикой малороссийского наречия" Ал.Павловского (СПб., 1818 г.), "Энеидой" И.П.Котляревского (1-ое изд. 1798 г.), собранием малороссийских песен кн. Н.А.Цертелева (1819 г.), статьями М.Т.Каченовского [36], Г.(Иржи) Бандтке и С.Б.Линде в "Вестнике Европы" [37], затрагивающими вопросы происхождения украинского и белорусского языков. Путешествуя по западноукраинским землям (Галиции) и

польским областям, Кеппен продолжает вести свои записи. Особенно его интересуют русинские говоры (руснякское наречие по Кеппену), их фонетические особенности и границы распространения [38], а также границы распространения и контакты немецкого, польского, белорусского, литовского и украинского языков на территории Королевства Польского и польских землях, захваченных Австрией, Пруссией и царской Россией. Так, например, наблюдая польские говоры в Силезии, он отмечает отсутствие "дзеканья", которое, однако, сохранилось в местной топонимике. "Путем, которым я ехал, - пишет Кеппен, - последние поляки живут в Кротошине, а в первом местечке за ним в Здуне (Zduny) уже шленски люди, т.е. силезцы, так поляки называют здешних немцев... По словам моих ямщиков, вот здесь граница польского наречия" [39]. Эти вопросы привлекали внимание и русских, и польских ученых. Кеппен одним из первых сделал попытку определить основные фонетические черты белорусского языка, особенности его словарного состава и его место среди других славянских языков, так как распространенные в то время в научных кругах мнения о белорусском языке как о польско-русском наречии [40], литовско-русском языке, польско-малорусско-русском наречии его не удовлетворяли. Он отмечает в белорусском языке две разновидности: язык книжный и простонародный. Одной из первых работ в России по белорусскому языку была статья К.Ф.Калайдовича "О белорусском наречии" (1822 г.). В ней он определяет некоторые черты фонетики и грамматики белорусского языка и приводит небольшой список белорусских слов с параллелями из летописей и других древнерусских памятников. Здесь же Калайдович пытается наметить ареал распространения белорусских говоров. Кеппен, разделявший взгляды К.Ф.Калайдовича на белорусский язык, взял эту статью в свою поездку и познакомил с ней польских ученых. Он пишет: "Пришел ко мне проф. Линде. Он просмотрел все собрание славянских древностей. Тут я сообщил ему свое мнение о наречиях белорусском и русняко-малороссийском. Он и Буссе [41] почитают белорусским наречием и то, которым говорят на Волыни и Вост. Галиции - а следственно и в Сев.-Вост. Венгрии. Но это ошибочно. Белорусским наречием говорят только, как уже заметил К.Ф.Калайдович в своей статье о белорусском наречии, см. Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей Рос. слов[есности] при Московском университете, ч. I (Москва, 1822, с. 67-80, а именно на стр. 73) - "в двух белорусских губерниях Могилевской и Витебской, частью в сопредельной Смолен-

ской... отличительной приметой белорусского выговора есть какое-то дзеканье и мягкость в произношении, более заметная в частом употреблении полугласной в вместо твердого выговора". Материал дневника Кеппена показывает, насколько много еще неясного и ошибочного в представлениях и Кеппена, и Калайдовича о генезисе и связях белорусского с украинскими и русскими говорами и западнославянскими языками. Однако направление их работы было прогрессивным. Опираясь на диалектологический материал и язык письменных памятников, они одними из первых в русской науке попытались обосновать необходимость изучения белорусского языка. С.Б.Линде, занимавшийся историей польского языка и в связи с этим интересовавшийся белорусским языком, о котором не имел еще четкого представления, неоднократно обсуждал эти вопросы с Кеппеном, который познакомил его со статьями К.Ф.Калайдовича. "Г.Линде, — пишет Кеппен, — взял у меня статью К.Ф.Калайдовича Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографика. Из Вестн[ика] Евр[опы] 1819. сентября. Напеч[атано] особо на 13 стр. в 8. Москва, 1820. Он думал перевести оную на польский язык. Равномерно отнял он у меня и статью его же К.Ф.Калайдовича о белорусском наречии (см. выше стр. 144), для перевода оной на польский язык, а я должен был списать для себя с оной копию" /42/.

Другой важной задачей Кеппена было разыскание различных памятников славянской письменности (и по возможности приобретение их для Н.П.Румянцева /43/), поэтому подробное ознакомление со всеми архивами и библиотеками было его неременной обязанностью. В Варшаве он осмотрел Главный архив, где "бумаги и самые грамоты расположены в картонках с русскими надписями, что сделано Дивовым во время пребывания его в Варшаве. К сему архиву и теперь прибегают по многим делам, для справок. В числе старинных грамот тут хранится и та булла, которая папою дана нем[ецким] рыцарям, на обладание Пруссией. Число грамот (оригинальных) очень значительно, и жаль, что нет печатной описи оным" /44/.

С материалами Публичной (Народной) библиотеки познакомил его библиотекарь А.Хлендовский, с которым Кеппен в дальнейшем поддерживал тесные дружеские и научные связи /45/. Хлендовский помогал Кеппену разобрать и прокомментировать грамоты, найденные в библиотеке гр. Тарновского, обсуждал с ним вопросы славяно-русской палеографии и славянских древностей, историю заселения Галиции немцами в XIV в. и др. Кеппен под-

робно описывает виденные им рукописи и книги древней печати, делает из них выписки, отмечая самое интересное в них для языковеда, палеографа, историка славянской культуры (например, делает выписку из книги, где император Юстиниан назван "славянским именем Управда, с коего латинское есть только перевод", о чем еще раньше говорил ему Е.Копитар; в латинском евангелии находит список славянских имен XII в.; записывает польский декалог — по определению Хлендовского относящийся к XIV в.; сравнивает текст рукописной библии, как полагал С.Линде, написанной на белорусском языке (1569 г., в Тернополе), с текстом библии Ф.Скорины и находит многочисленные разночтения [46]; уточняет даты издания некоторых древних книг [47] и т.п.). Особое внимание обращает Кеппен на галицкую грамоту XV в. (из библиотеки гр. Тарновского), где встречаются написания типа "земеля", "Марегорета", "весеми" и др. Он связывает появление таких "вставных гласных" с полногласием севернорусских народных говоров типа "верѣх", "волога", что дает ему основание назвать язык грамоты "простонародным". Причины появления восточнославянского полногласия еще не были окончательно выяснены. Ими интересовались А.Х.Востоков, И.Добровский, который "полагал, что введение многих гласных заимствовано русскими на севере от соседей чухон" [48]. Востоков же относил появление различия в произношении групп типа "вла, гра, бре и пр." к периоду диалектного членения праславянского языка: "Разность диалектов, существовавшая без сомнения в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще до склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большей частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов. Напр[имер], русские славяне издревле говорили волость вместо власть, городь вместо градь, берегь вместо брегь и пр." [49]. На работы Добровского и Востокова, стоящих у истоков изучения сравнительной грамматики славянских языков, многократно ссылается в своих записках Кеппен, пытаясь разобраться в тех или иных языковых явлениях.

П.И.Кеппен стремился в Варшаву также для того, чтобы ближе познакомиться с известным польским филологом-лексикографом, ректором Варшавского лицея С.Линде, о работах которого сообщалось в журналах "Вестник Европы" и "Улей". Кроме языковых вопросов, С.В.Линде познакомил Кеппена со своим только что законченным переводом на польский язык "Опыта краткой истории российской литературы" Н.Греча [50], к которому он при-

соединил перевод двух статей П.И.Кеппена /51/. С.Б.Линде в это время был увлечен идеей создания всеобщей истории славянских литератур (серии очерков), и перевод книги Н.Греча должен был положить начало этой серии /52/. Кеппен замечает по этому поводу: "Статья быть может, что Линде мог бы лучше употребить время, которое нужно было на приготовление сих переводов /53/, но меня он этим поистине обрадовал - сделав мне честь вовсе мною не ожиданную. Он приглашал меня посещать его сколько можно чаще, желая еще о разных вещах со мною побеседовать". С.Б.Линде, оставшийся в это время с тремя маленькими детьми на руках, сам слабый и больной после недавней смерти жены /54/, продолжал знакомиться с материалами, привезенными Кеппеном (статьями К.Ф.Калайдовича, А.Х.Востокова, с собранием славянских древностей и др.). Он прочитал Кеппену свою биографию, составленную по просьбе издателя Брокгауза, которая очень заинтересовала Кеппена. Он пишет: "Быть может что я издам оную вместе с его правилами этимологии. Жизнеописание г. Линде любопытно по тому, что читающий оное, получает в то же время понятие о ходе просвещения, об истории школ и публичной библиотеки в Польше, и в особенности в самой Варшаве" /55/.

Свое пребывание в Варшаве Кеппен использовал также, чтобы приобрести наиболее значительные сочинения по славистике польских историков и филологов, недоступные в России. Список показывает хорошее знакомство Кеппена с современной ему польской научной литературой. Так, он пишет, что "купил некоторые сочинения Маевского, Лелевеля, Богужа и Линде, а Суrowецкого (о реках и городах) и Бентковского Ист[ории] польск[ой] словесности, а равно как и словаря Бан[д]тке 1<sup>о</sup> издания 1806 г. я не мог найти. Не было и истории польск[ой] сочин. Ваги и изд[анной] вторично Лелевелем" /56/. Описывает Кеппен окрестности и достопримечательности Варшавы /57/, празднование Ивана Купала, свое посещение национального театра /58/, картинных галерей.

Рассматривая даже такой небольшой материал дневника П.И. Кеппена, можно сделать вывод о широком аспекте его славянских интересов. Так, им был сделан обзор важнейших польских архивов, библиотек и частных коллекций рукописей (все это позднее было использовано им в журнале "Библиографические листы" для ознакомления русских ученых с новыми материалами по славистике, а также вошло в его известную "Записку о путешествии по славянским землям и архивам", составленную в помощь



будущему слависту-путешественнику). Им был установлен научный контакт с польскими учеными, которые присылали свои материалы в его журнал (С.Б.Линде, Г.Бандтке, Л. Хлендовский, Ф.Бентковский, А.Осинский); сделана попытка определения границ распространения польского, белорусского, украинского языков и их диалектов на территории Королевства Польского и земель, входящих в состав Польши до ее раздела; составлен ценный библиографический список различных изданий по польской литературе, языку и истории. Кроме того, им была опубликована биография С.Б.Линде. В то же время на основании дневниковых записей П.И.Кеппена можно судить о том немаловажном значении, которое имела поездка Кеппена в Польшу и для самих польских ученых, которые получили возможность ознакомиться с наиболее важными работами русских ученых по славистике, обсудить их с одним из передовых представителей русской науки [59]. Все это определяет большое значение путевых записок П.И.Кеппена, в которых впервые была дана широкая картина быта, нравов, языка, научной и культурной жизни современного ему славянства. Дневники не предназначались Кеппеном для публикации, но на их основе он собирался написать серию статей [60]; в дальнейшем они дорабатывались и дополнялись автором и служили справочным материалом при работе Кеппена над журналом "Библиографические листы".

Путешествие П.И.Кеппена, хотя и было позже засчитано ему за государственную службу [61], не являлось первой научной командировкой в славянские страны. Такой командировкой стало путешествие в 1830-1831 гг. историка и филолога, первого русского болгариста Д.И.Венелина (1802-1839). Его интересы сосредоточивались главным образом на изучении славянской истории и в особенности - болгарской. В 1829 г. вышла его книга "Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам", вызвавшая острую дискуссию по вопросам древней славянской истории [62]. Главным в его книге был вопрос о происхождении болгар. "Значительный интерес, проявленный к работам Венелина, - пишет словацкая исследовательница научного наследия Ю.И. Венелина Т.Байцура, - объясняется тем, что автор впервые коснулся неизвестной темы - истории болгарского народа и подошел к разрешению ряда вопросов по-новому" [63]. Он противопоставил господствовавшей до этого в науке теории турко-татарского происхождения болгар - славянскую. Еще в Кишиневе (1823-1825 гг.) в среде болгарских эмигрантов Венелин начал собирать

болгарские народные песни и другие сведения о болгарском народе и его истории. Во время его работы над первым томом книги "Древние и нынешние болгаре..." созрело решение посетить эту страну, к изучению которой призывал еще А.Шлецер [64]. Венелин обратился в Российскую Академию с просьбой направить его в ученое путешествие "по Болгарии, стране классической для филологов и историков славянских" [65]. В конце 1829 г. проект его поездки был утвержден, намечен маршрут и определены цели: описание архивов и библиотек, изучение болгарского языка и его наречий, составление болгарской грамматики и словаря. Путешествие должно было охватить Молдавию, Валахию, Болгарию и часть Фракии. Впервые в инструкции высказывалась рекомендация о желательности обследования монастырей Македонии и Афона. На все путешествие Венелину отводился один год. К сожалению, сложные обстоятельства завершающего этапа русско-турецкой войны (выполнение условий Адрианопольского мирного договора 1829 г.) помешали Венелину выполнить намеченное. Однако это было первое путешествие с научной целью в болгарские области, ранее неисследованные и недоступные ученым. Оно дало как практические результаты (была сделана попытка создания грамматики новоболгарского языка, начато составление словаря, сборника болгарских народных песен и др.), так и указало новые пути исследователям древнеславянских памятников.

Нужно отметить также, что подобные путешествия были характерны и для ученых других славянских стран, работавших в период начального этапа развития славяноведения, во многом тесно связанного своими целями и задачами с проблемами национального возрождения и формирования национальной культуры. Так, в поисках древних славянских рукописей, старопечатных книг, преданий и песен или других памятников славянской культуры путешествовали по своей стране и за рубежом такие видные славянские ученые, как П.Шафарик, В.Караджич, Й.Добровский, Д.Мушицкий и др. Большое значение путешествиям как источнику знаний о славянстве придавалось в Польше (Я.Альбертсранди, А.Сапега, С.Б.Линде). Польские университеты одними из первых стали направлять в заграничные путешествия по славянским землям кандидатов для университетских кафедр (М.К. Бобровский, А.Ф.Кухарский) [66]. Отличительной чертой этих путешествий был энциклопедизм, широкий спектр интересов исследователя - язык, литература, фольклор, история и др., что определялось в значительной степени самой недифференцированно-

стью славяноведения на первом этапе его развития.

В России был учтен опыт первых путешествий в славянские земли. И если раньше кандидаты на университетские кафедры посылались в Германию, Францию или Англию, то кандидатам, приглашенным на кафедры истории и литературы славянских наречий, открытые по уставу 1835 г. в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах, было предложено для усовершенствования в истории и литературе славянских народов поехать не только в Германию или Италию, а главным образом в славянские земли. Такими кандидатами стали О.М. Бодянский, П.И.Прейс, И.И.Срезневский и В.И.Григорович, впоследствии видные русские ученые, создатели фундаментальных трудов в отечественном славяноведении. Их путешествия, как и путешествия П.И.Кеппена подготовили почву для "тесного общения русских, западославянских и южнославянских ученых на протяжении всего XIX в." [67].

#### Л и т е р а т у р а и п р и м е ч а н и я

1. См., например, Калоева И.А. Изучение южных славян в России в конце XVIII - начале XIX века. - Труды БАН и ФВОН АН СССР. Т. 7. М.-Л., 1963, с. 170-210.
2. Лотман Д.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958, с. 81.
3. Истрин В.М. Путешествие А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова по славянским землям в 1804 г. Пг., 1915, с. 116.
4. Истрин В.М. Указ. соч., с. 14-15. Письмо из Праги, 11 июня/29 мая 1804 г.
5. Лотман Д.М. Рукопись А.Кайсарова "Сравнительный словарь славянских наречий". - Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 65. Тарту, 1958, с. 191-203.
6. Лотман Д.М. Рукопись А.Кайсарова..., с. 198, 201, 202, 199.
7. В 1804 г. книга вышла в Геттингене на нем. яз.
8. Первое издание: "O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem". - Świschenia naukowe, 1818, t. II, № 5, а.3-27.
9. Ходаковский мечтал и о более широком изучении славянства - мысль объехать все славянские земли появилась у него еще в 1817 г. См.: Францев В.А. Польское славяноведение конца 18 и первой четверти 19 ст. Прага, 1906, с. 334.

10. В этом же направлении работал польский историк Л. Суровецкий. См.: Францев В.А. Указ. соч., с. 196-202.
11. "Сын отечества", 1820 г., № 33-36, 38; "Вестник Европы", 1820 г., № 17-18, с. 30-56; 99-118.
12. "Вестник Европы", 1819, № 20, с. 277-302.
13. Францев В.А. Указ. соч., Приложение, с. СХХХIV-СХХХV; СХХVI-СХХVII; СБ-СЫ.
14. См., например, Донесение о первых успехах в России Зориана Додуга Ходаковского, из Москвы 13 лица 1822. - Русский исторический сборник, т. 7. М., 1844, с. 1-378; Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород (1821 г.). - Русский исторический сборник, т. 3, кн. 3. М., 1839, с. 131-200.
15. Например, Францев В.А. Указ. соч., с. 372-373; Пыпин А.Н. Зориан Доженга-Ходаковский. - Вестник Европы, т. 6, ноябрь, СПб., 1886, с. 326-327; Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 57-66; Малам Л.А. Пионер славянской фольклористики З.Я. Доденга-Ходаковский. АНД. Киев, 1967, с. 16-21; Maślanka J. Zoryan Dożęga Chodakowski, jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1965; Wołoszucki R.W. Polako-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801-1830. Warszawa, 1974, а. 302-318.
16. Базанов В.Г. Ученая республика. М.-Л., 1964, с. 90-92.
17. Базанов В.Г. Указ. соч., с. 263.
18. См.: Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 1979, с. 76.
19. Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории. - "Вестник Европы", 1819, № 20, с. 279.
20. Востоков А.Х. Заметка любителям этимологии. - Санкт-петербургский вестник, 1812, № 2.
21. "Изъяснение названий немецких городов, которые прежде были славянскими". Пер. М.Т. Каченовского. - Вестник Европы, 1817 г. № 21, с. 36-41.
22. См. его Путевые записки, кн 3, 4, 5. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 137-139.
23. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 129-164.
24. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 135-140.
25. Потепалов С.Г. О роли П.И.Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20-30-е годы XIX в. - Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962, с.

- 177-214; он же. Путешествие П.И.Кеппена по славянским землям. - В сб.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. Доклады советской делегации на У Международном съезде славистов. М., 1963, с.5-22; Зайцева А.А. П.И.Кеппен и Словакия (из истории русско-словацких культурных связей первой половины XIX в.). - *Slovenská a ruská literatúra*. Bratislava, 1973, в. 89-105.
26. Кеппен Ф.П. Биография П.И.Кеппена. - Сборник Отд-ния рус. языка и словесности имп. АН 1911 г., т. 89, №5, с. 75-79; Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 139 (кн. 5, с. 107-211).
  27. Имеется в виду Королевство Польское и польские земли, отошедшие к Австрии и Пруссии после 1815 г.
  28. Кракову Кеппен посвящает лишь несколько страниц, упоминая о встрече с Г.Бандтке и Я.Вороничем (4/16 июня 1823 г.), с которыми он уже был знаком (кн. 5, с.112-113). В начале своего путешествия Кеппен с А.С. Березинным останавливались в Кракове на несколько дней (февраль 1822 г.). В дневнике он подробно описывает посещение соляных шахт Велички и Бохни, достопримечательности Кракова, но эта часть дневника им не закончена и других подробностей не содержит. (Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 137, кн. 3, с. 157-170).
  29. Кн. 5, с. 176-196, 202, 153, 197, 201.
  30. Давнее увлечение Кеппена. В его архиве хранится большая подборка материалов по этим вопросам и среди них неопубликованная статья "О названиях рек" (1816 г.). Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 478-479.
  31. Ср. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, с. 227, 528-529. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 137, кн. 3, с. 123-127, 157. Заметим, что и до настоящего времени этимология гидронима Буг не установлена окончательно. См. "Этимологический словарь славянских языков". Вып. 3. М., 1976, с. 78. О Дунае - ЭССЯ, вып. 5, с. 156-157.
  32. Классификация Й.Добровского славянских языков на западную и восточную группы уже не удовлетворяла требованиям развивающегося языкознания. Об этом писал А.Х. Востоков в своей статье "Рассуждение о славянском языке". - Труды общества любителей российской словесности при имп. Моск. ун-те. Ч. ХУП. М., 1820, с.

- 55-57. Ср. Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 107-108.
33. В его архиве хранится много материалов по русским, украинским и белорусским говорам. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 77-80.
34. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 137, кн. 3, с. 12.
35. Горецкий П.И. Изучение украинского языка в досоветский период. - Изучение украинского и белорусского языков. М., 1958, с. 5-14.
36. Изложение споров о банном строении, о котором повествует летописец Нестор. - Вестник Европы, 1811, № 22, с. 134-139.
37. Вестник Европы, 1815, № 21, с. 23-35; № 22, с. 118-124; 1816, № 22, с. 110-136; № 23-24, с. 230-244.
38. Кн. 3, с. 120-121; кн. 5, с. 119, 133.
39. Кн. 5, с. 174-175.
40. "Некоторые полагают, что белорусское наречие есть язык польский, произносимый с ударением русским", - пишет Кеппен в своем дневнике. Кн. 5, с. 147.
41. Буссе Карл Иванович, чиновник в Варшаве, близко знаком Кеппену по Петербургу.
42. Кн. 5, с. 144, 147, 145, 148.
43. Архив АН СССР, ф. 30, оп. I, ед.хр. 72.
44. Кн. 5, с. 123.
45. Францев В.А. Указ. соч., Письма П.И.Кеппена к А.Т.Хлендовскому. 1824-1825 гг., с. XXXII-XXXVI.
46. Кн. 5, с. 150; 127-128; 152-153; 127; 126; 152; 155-156; 125-126.
47. Кн. 5, с. 127. Позднее сведения о старопечатных книгах, хранящихся в польских архивах, Кеппен опубликовал в своем журнале "Библиографические листы", 1825 г., № 1, 6, 11, 16, 21, 26.
48. Кн. 5, с. 141.
49. Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке..., с.8-9.
50. Mikołaja Grecza Rus historyczny Literatury Rosyyskiej, t. 1-2, Warszawa, 1823.
51. Материалы для истории просвещения в России. № I. СПб., 1819 г.; Über Alterthum und Kunst in Ruessland. Wien, 1822.
52. Францев В.А. Указ. соч., с. 380-386.
53. Книга Н.Греча вызвала в русской печати острую дискуссию и была оценена отрицательно. См., например, "Вестник

- Европы", 1821, № 7, с. 206; 1822, № 11, с. 239; № 13, с. 23 и др.
54. Кн. 5, с. 118; 117; 129.
55. Кн. 5, с. 148. Кеппен опубликовал биографию С.Б.Линде в Вене в 1823 г.: *Samuel Gottlieb Linde, eine biographische Skizze.* ( *Wiener Jahrbücher für Literatur*, XXIII) и выслал в Россию в Общество любителей российской словесности. ПД., ф. 58, ед.хр. 191, л.304.
56. Кн. 5, с. 153.
57. Кн. 5, с. 131, 149-150 и др.
58. Кн. 5, с. 120; 133.
59. Деятельность П.И.Кеппена была высоко оценена польскими учеными. В 1827 г. по рекомендации С.Линде и И.Делевеля Кеппен был избран чл.-корр. Общества друзей наук. См. *Wołoszyński R. Poleko-goeujskie związki...*, 361-362; см. также с. 77, 136, 170, 241.
60. ПД, ф. 58, ед.хр. 207, л. 338. Письмо Кеппена Ф.Н.Глинке от 29/10 августа 1822 г.
61. Кеппен Ф.П. Указ. соч., с. 97.
62. Например, в журнале Н.Полевого "Московский телеграф", 1829, № 19, с. 396-400. См. Кадоева И.А. Изучение южных славян в России..., 206-207; Байцпура Т. Дрий Иванович Венелин. Братислава, 1968, с. 67-73.
63. Байцпура Т. Указ. соч., с. 73. К библиографии работ о Д.И. Венелине, составленной Т.Байцпурой (указ. соч., с.298-304), следует добавить статьи: Бернштейн С.Б. Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР. - ВСН, вып. 2, 1957, с. 124-125; он же. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. М., 1948, с. 22-24. В этих статьях обращается внимание и на значение трудов Д.И.Венелина для истории славяноведения.
64. Бессонов П.А. Дрий Иванович Венелин.-ЖМНП, 1882, июнь, с. 168.
65. Бессонов П.А. Указ. соч., с. 167-168.
66. Францев В.А. Указ. соч., с. 7-9; 82-98; 257-332; 391-395 и др.; Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 227-232.
67. Выступление акад. В.В.Виноградова на пленарном заседании IV Международного съезда славистов. - IV Международный съезд славистов. Отчет. Изд-во АН СССР. М., 1960, с. 15.

ДИАЛЕКТ МОЛИЗСКИХ СЛАВЯН ИТАЛИИ  
И РУССКАЯ СЛАВИСТИКА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

А.Д. Дуличенко

Славяне появились в Неаполитанском королевстве (в той его части, где ныне располагается провинция Кампобассо области Молизе) в конце XV–XVI вв. Вначале достаточно многочисленные, поселения славян, изгнанных с Балкан турками, постепенно итальянизировались и к настоящему времени лишь три села сохраняют славянский этнический состав и язык: Аквивива Коллек-роче (мол.-слав. *Živa Voda Kruč*, итал. *Acquaviva Collecroce*), Монтемитро (мол.-слав. *Kundimitar*, итал. *Montemitro*) и Сан-Феличе-дель-Молизе (ранее – Сан-Феличе-Славо; мол.-слав. *Stifilić* или *Filić*, итал. *San Felice del Molise, San Felice Slave*). Приблизительное число молизских славян – около 5 тысяч человек; два-три века назад их было по крайней мере в 4 раза больше.

Этно- и глоттогенетическая основа этого небольшого славянского островка, затерявшегося в итальянском море, долгое время оставалась для науки загадкой. Не случайно в работах различных авторов XIX – начала XX вв. молизские славяне именуется весьма пестро: то это общие макрорасноязычные названия типа *colonie slave nel regno di Napoli* (G. di Rubertis, 1856), *Slavi del Napoletano* (G.I. Ascoli, 1863–1864), *Slavi in provincia di Molise* (1872), *die eüdelavischen Slaven* (J. Hanusz, 1887), *italotif Sloveni* (A. Černý, 1906), *die Slaven von Molise* (A. Baldacci, 1908), *colonie slave del Molise e slave-molisani* (A.H. Cirese, 1957); то названия, отражающие взгляд на этническое происхождение этого островка: *списке насеобине (колоније)/Срби/Gli Slavi Serbi dell'Italia* (P. Ковачић, 1884–1885), *Serbi del Molise* (B. Guyon, 1912), *die Serben in Italien*, но и : *die Chorvaten Unteritalien* (F. Miklošić, 1879), *hrvatske kolonije u Italiji* (J. Barac, 1904), *apenineki Hrvati* (J. Smolaka, 1906), *molisanski Hrvati, molitki Hrvati, croati molisani, croati del Molise* (в хорватских и молизско-хорватских изданиях новейшего времени); и даже синтезированные названия типа *le colonie serbo-dalmate/*



Serbi dalmati (G.Vegessi-Ruscalla, 1864), die Molleaner Serbekroaten (M.Rešetar, 1911).

Макроэтноним "славяне" оправдан здесь традицией называть себя этим общим именем - Slavi, Šklavŭn, Šklavŭnka (итал. Schiavoni, днал. Schiavnae) [18, 108] и даже, как свидетельствовал М.Решетар, Italo-Slavi [17, 177], в то время как этноним "хорваты" по отношению к молизско-славянскому острову употребляется в новейшее время, в связи с установлением прародины и происхождения молизско-славянского диалекта (из глубинной Далмации, между реками Неретва и Цетине, см.: [18, 88-89]).

Приятно сознавать, что в столь живом интересе к молизско-славянскому острову самое деятельное участие приняли русские слависты XIX - начала XX вв.

До середины XIX в. о молизских славянах практически ничего не знали или же знали очень мало. Этнографические и диалектологические экспедиции к ним стали предприниматься в основном со второй половины XIX в.; при этом из приблизительно 7 экспедиций, падающих на этот промежуток времени, две были организованы представителями русской славистики, ср. данные помещаемого ниже хронологического свода научных поездок к молизским славянам во второй половине XIX в.:

1864 : G.I. Ascoli

1864 : G. Vegesai-Ruscalla (была ли это поездка?)

1870 : B.B.Макушев (с М.С.Дриновым)

1875 : A. Rolando

1884 : P.Ковачић

1887 : J. Napuež

1895 : M.A.Болуэн де Куртенэ

Когда в 1856 г. дубровницкий писатель М.Пуич опубликовал в задарском журнале "Osservatore Dalmato" написанные к нему письма молизско-славянского будителя Джованни де Рубертиса, содержавшие исторические и проч. сведения о молизско-славянском островке, в России этот материал сразу же был замечен и уже в 1858 г. работа Дж. де Рубертиса была переведена с итальянского и издана О.М.Бодянским в первом номере "Чтений в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете" под названием "Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. Письма тамошнего учителя, Ивана де Рубертис" [9, IV + 29]. В предисловии к этой публикации О.М.Бодянский писал, что ему во время путешествия по славянским землям "случалось иногда слышать" о южноитальянских

славянах [9, III]. Возможно, он и посетил бы их (как сделал это в отношении, напр., лужицких сербов) - в его слишком большой и громоздкой программе первого путешествия по славянским землям (1837-1842) планировалось посетить и итальянские города, но, правда, не южнее Рима. Но поездка в Италию, как, впрочем, и в ряд других мест не состоялась [II, 314-319]. Однако О.М. Бодянский не забывал о маленьком славянском островке в итальянском этническом окружении и лелеял надежду, что, "быть может, кто-либо из русских, посещающих в таком множестве Италию, вздумает, от дела или безделья, завернуть как-нибудь и на Адриатический берег ее..., захочет завернуть и в Живу Воду, если не за живой водой наших сказок, то, по крайней мере, так, поосвежиться, да из любопытства посмотреть на соплеменников своих, которые под итальянским небом уже более трех столетий живут и все-таки остались верными себе, не перешли от языка в язык и от царствия в люди ины" [9, IV].

В.В. Макушев  
(1870)

Призыв О.М.Бодянского заинтересоваться небольшим славянским островком был, видимо, одним из первых, если иметь в виду, что он исходил от профессионального слависта. Если Г.И. Асколи был первым лингвистом, который в 1864 г. посетил молизских славян (обратив при этом больше внимания на их устное поэтическое творчество, чем на сам диалект), то В.В. Макушев, осуществляя мечту и пожелание О.М.Бодянского, оказался первым славистом, который совершил специальную экспедицию к ним в рамках своей командировки в Италию в 1868-1871 гг. За три недели до того, как отправиться в молизско-славянские поселения, В.В.Макушев закончил составление второго тома собранных им в итальянских архивах материалов для славянской истории [7], где на основе заметок Г.И.Асколи и особенно небольшой монографии Дж. Веджецци-Рускаллы [19] приводит некоторые сведения о молизских славянах, в том числе эскизно, буквально на одной странице, об их диалекте. Он, в частности, верно отмечает здесь явление неполногласия (град, глад), икавизм (цвита, млико) и некоторые другие особенности фонетики; что касается морфологии, то В.В.Макушев высказывает здесь предположение о том, что, напр., склонение имен практически утрачено ("Склонение уцелело только в личных местоимениях..."); простая форма прошедшего времени, как ему показалось, также исчезла - используется лишь прошедшее сложное

типа я са (вм. сам) био и некоторые др.; здесь же он приводит десяток итальянизмов (неаполитанского наречия), которые вытеснили собственно славянские слова [7, 75-76].

Эти ("книжные") представления о диалекте молизских славян были очень приблизительны. К тому же В.В.Макушев сам признавал, что "нельзя вполне доверять образцам языка молизских славян, сообщенным г. Веджеши..., так как в них встречаются очевидные ошибки..." [7, 75]. Отсутствие более или менее пространственных диалектологических записей не дает Макушеву возможности убедиться в том, что в молизско-славянском диалекте именное склонение еще сохраняется, хотя и развивается при этом тенденция к его утрате; что формы простого прошедшего (имперфекта) еще живы, и т.д. Здесь важно подчеркнуть, что и призыв О.М.Бодянского обратить внимание на молизско-славянский остров, и наличие недостаточно квалифицированных сведений о молизских славянах и записей их диалекта привели В.В.Макушева к мысли, что наступило время, когда "становится крайне необходимым на месте, в каких общинах говорят еще по-славянски, и пока не ушло еще время, записать песни, сказки, пословицы и описать нравы и обычаи", а также "познакомиться с говором молизских славян" [7, 75, 107].

Специально с этой целью 16/28 апреля 1870 г. В.В.Макушев вместе с кандидатом Московского университета М.С.Дриновым выехал из Неаполя и направился в славянские поселения Молизского графства. Подробно об этом он написал в работе "О славянах Молизского графства в Южной Италии" 8, 31-56, которую И.И.Срезневский считал "очень любопытной по новости сообщаемых в ней сведений" (см.: Записки имп. АН. Спб., 1870, т. I, кн. 2, с. 259).

Первая славистическая экспедиция к молизским славянам с самого начала обещала быть обнадеживающей: "... мы были первыми славянскими гостями в Воде Живой, и потому неудивительно, что мы стали предметом всеобщего любопытства и внимания: дети, старики, молодежь, женщины - все население толпилось около нас и ловило каждое наше слово, радуясь, что мы говорим на их языке. "Наша кровь", "наш язык", "наша челядь", "братья наши" слышалось со всех сторон. Они слышали, что мы говорим на их языке, что мы понимаем их; следовательно, мы не чужие им, мы однокровные и одноязычные с ними братья, мы их люди... Было для них новостью, что русские - такие же славяне, как и они" (выделено В.В.Макушевым) [8, 37]. Несмотря на то, что экспедиция была достаточно кратковременной, к то-

му же В.В.Макушев посетил лишь одно, хотя и наиболее крупное, средоточие молизских славян - Аквавива Коллекроче (из-за дождливой погоды съездить в Сан Феличе Славо и самое отдаленное село Монтемитро не удалось), собранный им материал богат и интересен.

В.В.Макушев прежде всего записал ряд произведений устного поэтического творчества молизских славян, пословицы и поговорки и одновременно перепроверил на месте и исправил фольклорные записи, сделанные в свое время Г.И.Асколи, а также записи, сообщенные Дж. де Рубертисом в его письмах (опубликованы в "Osservatore Dalmato" за 1856 г.); подробно представил В.В.Макушев ход посвященного маю народного праздника (праздника весны), который сопровождался песнопениями; этнографическое описание молизских славян сопровождается разбором лексики, обозначающей соответствующие реалии (напр., названия одежды и под.). Для нас весьма важным оказывается тот факт, что В.В.Макушев впервые последовательно (хотя и не достаточно полно) дал грамматический эскиз молизско-славянского диалекта [8, 49-53]\*, отметив в нем существенные особенности. В частности, он справедливо считает специфической чертой молизско-славянского диалекта фонетическое явление отсечения вокалического конца слова (в его терминологии "глухое произношение окончаний": ябукъ, цвить, слакъ, земль и т.д.); устанавливает, что не всегда задненебные перед гласными переднего ряда палатализируются (богень "божий"); грамматический род смешивается из-за отсечения вокалических флексий (градъ и рукъ, т.е. град и рука); снова утверждается, что "склонения в имени существительном пали", хотя тут же В.В.Макушев поясняет, что род. и вин. пад. жен. р. все же оформляется соответствующими флексиями; В.В.Макушев обратил внимание на специфическое употребление числительного ѐна "одна" жен. р. и по отношению к существительным муж. р. (ѐна кучакъ "кобель"), т.е. фактическое превращение числительного ѐна (jena) в неопределенный артикль, выступающий в одном и том же ("женском") виде по отношению к существительным всех родов; здесь исследователь уже устанавливает для прошедшего времени и наличие простой формы (гредакъ, гредашъ...), т.е. имперфекта, и др.

---

\* Дж. Веджецци-Рускалла в своей монографии 1864 г. также привел сведения о молизско-славянском диалекте, однако они страдали неточностью и непоследовательностью [19, 18-23], на что указывал и В.В.Макушев, и последующие исследователи.

Более всего поразила В.В.Макушева молизско-славянская лексика. Прежде всего он заметил, что "под влиянием итальянщины язык изменился и лексически, и грамматически"; слова из неаполитанского диалекта заменили многие славянские слова, обозначающие самые обычные предметы, действия, признаки: пизь ( peviello ) "горох", фажо ( faaulo ) "фасоль", фребь ( fre-va ) "лихорадка" и под. При этом Монтемитро, как удалось узнать В.В.Макушеву, оказывается менее всего подвергнутым итальянскому языковому воздействию. Причины же этого влияния вообще на весь диалект исследователь видел не только в близком соседстве двух народов, но также и в преследовании "всего славянского со стороны итальянского католического духовенства и отсутствие славянской школы".

Специально интересовавший В.В.Макушева вопрос об этнической и языковой принадлежности молизских славян заставил его обратиться к поискам древнего лексического пласта. В Круче он обнаружил довольно богатый слой архаической славянской лексики типа пинезь, гредемь, рабь, тегь "труд", куть "угол", домь (параллельно с хижа и кућа)..., йскати (вм. сербск. тражити), просити (вм. сербск. молити) и др. Многие из этих слов имели достаточно прозрачные параллели в русском и болгарском языках, что и дало повод В.В.Макушеву сделать несколько поспешный этно- и глоттогенетический вывод: "При чисто сербской основе мы находим в этом говоре слова, не существующие у сербов, но употребляемые болгарами и русскими. Одно из двух: или было время, когда слова эти существовали и в сербском языке, или же славянские поселенцы в Круче были смесь сербов и болгар. Склоняюсь к последнему предположению" [8, 50]. Но поскольку фонетический облик обнаруженных архаических лексем часто оказывался идентичным старославянскому и отличался от сербского и болгарского, то В.В.Макушев высказывает и следующее предположение о том, что предки молизских славян "пришли в Италию в весьма отдаленную эпоху, вероятно, раньше XIII века, - в XII и даже XI веке..., но никак не в XV, как доселе предполагали" [8, 51]. Ни первое, ни второе предположение В.В.Макушева позднейшей наукой приняты не были, поскольку делались они (предположения) на слишком узком материале. Здесь небесполезно указать и еще на один момент, который В.В.Макушев, не будучи профессиональным лингвистом, не учел. Он верно делал, когда исправлял фольклорные записи Г.И. Асколи и Дж. де Рубертиса в соответствии с реальным фонетическим и проч. обликом слова живого языка; однако "исправ-

лять" текст стихотворения Дж. де Рубертиса "Vlahinja zljubl-jena" (из "Osservatore Dalmato") не следовало, ибо это было не фольклорное, а художественное произведение будителя, пытавшегося, опираясь на литературный сербско-хорватский язык, поднять родной диалект до уровня литературного языка. Именно поэтому текст Дж. де Рубертиса, сознательно стилизованный автором "под сербско-хорватский литературный язык", следует считать неприкосновенным, т.е. не "Ди си пошла липь сунць?" (первая строчка, "исправленная" В.В.Макушевым в соответствии с нормами диалекта; современной графикой это выглядит так: "Di si pošla lip' aunc'?"), а "Di ai roša lipi auncse?" (где, напр., формы lipi и auncse "подправлены" самим Дж. де Рубертисом "под сербско-хорватский") (подробно об этом см. в раб. [5]). То же самое можно сказать и относительно перевода на молиско-славянский притчи о блудном сыне из евангелия, который Дж. де Рубертис сделал для монографии Дж.Веджецци-Рускаллы и о котором В.В.Макушев высказался скептически, считая перевод "книжным" [8, 54-56].

Показательно, что В.В.Макушев сам ощущал неполноту лингвистических данных по молиским славянам, оставленных как его предшественниками, так и им самим. Именно поэтому он заканчивает свою работу "О славянах Молискового графства в Южной Италии" словами: "Остается мне пожелать, чтобы кто-либо из славистов занялся специально изучением говора молиских славян и посетил не только Круч, Монтемитро и С. Феличе, но и те селения, в которых славянская речь уже вымерла" [8, 56].

#### И. А. Б о д у э н д е К у р т е н э (1895 - 1911)

Это пожелание В.В.Макушева как эстафета было подхвачено выдающимся языковедом и славистом И.А.Бодуэном де Куртенэ, совершившим с 1872 по 1912 гг. девять диалектологических экспедиций к южным славянам, в том числе и к славянам Италии. До своей первой поездки в 1895 г. к "южно-италийским 'славянам'", или "молиским сербо-хорватам" (оба термина - И.А.Бодуэна де Куртенэ), И.А.Бодуэн де Куртенэ знал о них лишь по работам других авторов. В 1882 г. в варшавском ежегоднике "Ogńieko" он публикует специальную статью "О славянах в Италии" [12, 325-344]<sup>ж</sup>, в которой при описании молиских сла-

<sup>ж</sup> Эта статья, как указывал сам И.А.Бодэн де Куртенэ, была переведена на чешский язык и напечатана в изд.: Slovanský sborník. Red. Edvard Jelínek. V Praze, 1884 [2, 44].

вян (с. 328-334), как он сам признается, опирается исключительно на работы В.В.Макушева и Г.И.Асколи (опубликованные и рукописные, которые итальянский лингвист предоставил ему, вероятно, во время поездки в Италию в 1873 г.). Вслед за В.В.Макушевым, И.А.Бодуэн де Куртенэ почти склоняется к объяснению "сербско-болгарского" происхождения молиско-славянского острова [ "kolonija serbeka (а може serbekeo-buġgaraka)", "szczęść Serbów, а може także Buġgarów, с. 328, 329], однако его лингвистическое чутье противится этому, и, несколько страниц спустя, он определяет молиско-славянский диалект как сербско-хорватский, однако сильно измененный под иноязычным воздействием: "Język Słowian w hrabstwie Molise jeat językiem serbo-chorwackim, silnie zmodyfikowanym przez wpływ cudzoziemski" [12, 332]. Тревога В.В.Макушева по поводу того, что молиские славяне сильно итальянизируются и что необходимо как можно быстрее записать молиско-славянскую речь, передается и И.А.Бодуэну де Куртенэ: "Język ten zniknie zapewne w krótkim czasie ...", - пишет он (с. 333). Он неоднократно ли-бо упоминает, либо сообщает об этих славянах наиболее общие сведения в ряде последующих работ\*, в том числе и в двух лекциях, прочитанных в стенах Дерптского (Тартуского) университета. Именно в Дерпте (Тарту), как можно полагать, и созрела у И.А.Бодуэна де Куртенэ мысль поближе заняться языком молиских славян. Однако намеченная им ранее широкая программа исследования резьянского, терского и некоторых др. южнославянских (преимущественно словенских) диалектов несколько отодвигала реализацию этой мысли на более отдаленное время.

Уже в своей первой вступительной лекции "Обзор славянского языкового мира в связи с арио-европейскими (индогерманскими) языками", прочитанной 6/18 сентября 1883 г., И.А. Бодуэн де Куртенэ не забывает среди прочих славянских групп упомянуть и молиских славян. Правда, следуя за В.В. Макушевым, он называет их здесь остатками сербских и болгарских колоний: "...einzelne Überreste von den früheren serbischen und bulgarischen Colonien" [15, 7].

В публичной лекции, читанной в пользу голодающих 14 марта 1892 г. в актовом зале Дерптского университета [2, 24 - 46], И.А.Бодуэн де Куртенэ фактически реферировал свою ранее

\* Даже в работах, сжатых рамками и требованиями, предъявляемыми к статьям в энциклопедических изданиях, см., напр.: [13, 94, 95].

изданную статью из сборника "Ognisko", однако дополняет ее некоторыми новыми данными и с большей уверенностью пишет теперь, что "по славянскому материалу своего языка теперешние славяне Южной Италии принадлежат к западной области сербо-хорватских говоров" [2, 26]. И в этой лекции И.А.Бодуэн де Куртенэ с нескрываемой тревогой говорил об интенсивном процессе италянизации молизских славян, несколько поспешно называя их "полуславянским населением" и несколько преувеличенно полагая, что язык молизских славян уже можно считать "продуктом взаимного смешения" (с итальянским) [2, 26].

Мысль И.А.Бодуэна де Куртенэ посетить "молизских сербо-хорватов" и провести их всестороннее лингвистическое обследование осуществилась в сентябре (по новому стилю) 1895 г. Его первая диалектологическая экспедиция продолжалась пять дней: "работая почти непрерывно с 4 часов утра до II-12 часов вечера, [он] собрал очень много материала: цельных рассказов, песен (весьма много), пословиц, поговорок, отрывочных выражений, слов" [3, 20]. К нашему сожалению, основная часть этих материалов так и не была обнародована; не было у И.А.Бодуэна де Куртенэ и времени для обработки собранного материала и реализации интересных планов, как, напр., составление "большого молизско-славянского словаря" ("Я начал было обрабатывать этот материал, между прочим составлять большой словарь, но, за неимением свободного времени, дающего возможность сосредоточиться исключительно на этом труде, до сих пор его не окончил", - пишет он в отчете за 1911 год, см.: [3, 20-21]). Занимаясь вопросами общего языковедения и поставив задачу опубликовать прежде всего собранный им богатый материал по словенским (особенно резьянскому) говорам (это многоготовое предприятие под общим названием "Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии" стало выходить с 1895 г.), И.А.Бодуэн де Куртенэ понял, что до молизских славян его руки так и не доходят. Поэтому в 1903 г. он решает сдать в Рукописный отдел АН, в числе прочих материалов (прежде всего резьянских), и молизско-славянский. В "Известиях имп. АН" за 1903 г. указано, что в числе 9 тетрадей под общим названием "Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии" сданы "Тексты на славянских (сербо-хорватских) говорах Южной Италии, записанные в 1895 г. На 88 лл." и лексикографический материал "Молизские славяне в Южной Италии (Slavi del Molise). Словарный материал на карточках. На 3981 карточке" [1, 84-86].



Можно полагать, что И.А.Бодуэн де Куртенэ неоднократно возвращался к мысли заняться обработкой молиско-славянских материалов. Н.И.Толстой, разыскавший неопубликованные словенские диалектные материалы И.А.Бодуэна де Куртенэ, интересовался также судьбой и бодуэновского собрания по языку "молиских сербо-хорватов". Сверяя опись сданных И.А.Бодуэном де Куртенэ в 1903 г. в архив АН материалов с их фактическим наличием, Н.И.Толстой установил, что молиско-славянские материалы "были позже взяты обратно Бодуэном из Рукописного отдела АН, о чем свидетельствует запись в книге библиотеки" [10, 807]. Судьба большей части материалов так и остается до настоящего времени невыясненной\*.

Лишь незначительную часть из единицы хранения под названием "Тексты..." И.А.Бодуэн де Куртенэ передал в распоряжение М.Решетара, побывавшего в диалектологической экспедиции у молиских славян осенью 1907 г. и подготовившего к печати фундаментальный труд о молиских славянах и их языке, который был издан в 1911 г. Академией наук в Вене в широко известной серии "Трудов балканской комиссии" (большую практическую помощь в этом М.Решетару оказал руководитель Балканской комиссии В.Ягич) [18]. М.Решетар поместил в своей монографии 16 текстов (№ 41-56) И.А.Бодуэна де Куртенэ (раздел УШ: "Texte Professor Baudouine", S.299-322). При этом он отметил высокое качество диалектных записей, сохранив бодуэновскую акцентуацию, которая, как он признавался, счастливо совпадала с его ("meine Aufzeichnungen des Moliseaner Dialektes mit derjenigen Baudouine vollkommen übereinstimmt").

Без преувеличения можно сказать, что тексты И.А. Бодуэна де Куртенэ выгодно отличаются от всех остальных, в том числе и от записанных самим М.Решетаром. Дело в том, что М.Решетар записывал преимущественно различные связанные жанровые тексты - в основном это легенды о святых (напр., "Făt di Sânt Lăz", т.е. "Притча о св. Алексии", "Făt di Sânta Katarîn" и под.), значение которых нельзя недооценивать, однако это все же в некоем роде "полулитературные" тексты. Настоящих образцов повседневной (живой) речи, имеющих исключительное значение для диалектологических целей, М.Решетар фактически не

---

\* Говорит ли что-либо И.А.Бодуэн де Куртенэ об этом в статье "Славяне в Италии", опубликованной в петербургском польском издании "Kraj" в 1899 г. ([14]; на эту статью указывают составители одной из новейших библиографий трудов И.А.Бодуэна де Куртенэ)? Или же эта статья является переложением ранее изданного - в 1882 и 1892 гг.? К сожалению, эта работа оказалась для нас недоступной.

дал, поскольку ограничился лишь помещением неакцентированных записей молизанки Кончеттины Джорджетти (Concettina Giorgetti), лишь частично изменив принятую ею графику (раздел "Aus dem Volksleben", тексты № 17-22). Большинство же текстов И.А. Бодуэна де Куртенэ - это образцы живой молизско-славянской речи (№ 43-49: "In meiner Wohnung", "Bei Domenicangelo Mancini", "Auf dem Wege nach San Felice", "In der Apotheke und sonst", "Im Gespräche mit Rafael Dantonio", "In San Felice Slavo", "Kreuzzeichen und englischen Grus"). Текст № 45 ("Auf dem Wege nach San Felice"), напр., начинается рассказом проводника И.А.Бодуэна де Куртенэ в Сан Феличе:

U grād je tēpl, òvde - dōl balōnič - je zīm, kē je fōs,  
 ā je ka je fōs. - Mōn Dimītr je na nō<sup>u</sup> bān. - Ōno se<sup>a</sup>  
 zōve<sup>a</sup> Filīč. - Jīmam sedīč ān. - S Krūca je.

В переводе на литературный хорватско-сербский язык:

U mjestu je toplo, ovdje - kod (?) potocića - je zima,  
 jer je jama; stoga što je jama. - Mundimītar je s  
 one strane. - Ōno se zōve Filīč. - Imām sedici anni. -  
 S Krūca je [18,309-310].

В распоряжение М.Решетара И.А.Бодуэн де Куртенэ предоставил и несколько текстов иного характера. Так, 1) тексты № 41-42 ("Ein Doppelmord" и "Die Revolution von den Jahren 1860/61")<sup>\*</sup> являются перепиской с рукописи аптекаря из Аквивы Джузеппе Кьяваро (Giuseppe Chiavaro), при этом И.А.Бодуэн де Куртенэ акцентировал эти тексты; 2) тексты № 51, 53 и 56 - это народные песни ("Karlovic-Lied", "Scherzlied (aus San Felice)", "Mailied"), а текст № 52 является записью ставшего народной песней стихотворения Дж. де Рубертиса "Vlahinja zljubljena"; 3) текст № 50 состоит из 5 пословиц; далее представлены списки 4) числительных (№ 54 "Zahlwörter") и 5) топонимов и антропонимов (№ 55 "Orts- und Personennamen").

<sup>\*</sup> Пользуясь случаем сделать здесь одно уточнение: фрагмент текста "Die Revolution von den Jahren 1860/61" дан в приложении к нашему опубликованному очерку "Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии", однако не в передаче И.А.Бодуэна де Куртенэ (этому воспрепятствовала проведенная Бодуэном "фонетизация" рукописного текста), а в той форме, в какой этот текст представлен в загребском ежегоднике "Iseljenicki kalendar 1966", но при наборе сноски, разъясняющей именно такой мотив помещения текста, выпала [6, 86].

В 1911 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ отправляется в свою вторую диалектологическую экспедицию к молиским славянам. "Побуждением к настоящей моей поездке, - писал он, - было желание проверить и пополнить собранное раньше, уяснить много сомнительных мест и вообще продолжать начатое дело" [3, 21]. В отличие от поездки 1895 г., И.А.Бодуэн де Куртенэ пробыл у молиских славян уже 8 дней (с 19 по 27 июля или с 1 по 9 августа по новому стилю); в 1895 г. он работал лишь в Аквиве и посетил Сан Феличе Славо, "не дерзая отправиться в Montemitro. На этот раз (в 1911 г.) я решил не пропустить ни одной местности и, живя главным образом в Acquaviva, уделил по одному дню (т.е. по целым суткам) и Montemitro, и San Felice" [3, 21]. Дело в том, что Монтемитро является самым отдаленным селом, доступ к которому преграждают горы и затрудняет отсутствие дорог. Это селение не решился посетить даже М.Решетар, пробывший в 1907 г. среди молиских славян почти месяц; до И.А.Бодуэна де Куртенэ там побывали в 1904 г. лишь деятели далматинской культуры (Й.Барац, Й.Смодлака и др.). И.А.Бодуэн де Куртенэ можно считать первым лингвистом, который обследовал Монтемитро и установил "в нем диалектические отличия от двух прочих [т.е. Аквива и Сан Феличе] местностей" [3, 22].

В экспедиции 1911 г. И.А.Бодуэн де Куртенэ работал менее интенсивно, чем в 1895 г., однако и в этот раз он "собрал довольно значительное количество новых рассказов, разговоров, фраз, отдельных слов и т.п., являющихся далеко не лишним дополнением собранного в 1895 г." [3, 22]. К сожалению, материалы экспедиции 1911 г. И.А.Бодуэном де Куртенэ не были опубликованы вовсе и судьба их остается пока неизвестной\*.

Архаичность отдельных языковых черт в молиско-славянском и нехарактерные для славянского языкового строя особенности, приобретенные позже под иноязычным давлением, поражали воображение И.А.Бодуэна де Куртенэ. Но он так и не успел использовать собранный материал "для обобщений и выводов по общему языкознанию". В его отчете о поездке в Италию в 1911 г. "с общелингвистической точки зрения" сделаны лишь некото-

---

\* К сожалению, нам не удалось ознакомиться со статьей И.А.Бодуэна де Куртенэ "Из воспоминаний и размышлений о словенцах и славянах в Италии", опубликованной в 1929 г. в варшавском издании "Wiedza i życie" [16]. Содержатся ли в ней какие-либо сведения относительно молиско-славянского диалектного собрания?

рые наметки [3, с. 22 и далее]. Так, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, большую ценность для общего языковедения (семасиологии) представляет тот материал, который показывает, как, с одной стороны, "в цельных выражениях замирает значение", а с другой стороны — значение "недоразвивается"; важным представляется для И.А.Бодуэна де Куртенэ проявившееся под иноязычным (итальянским) влиянием весьма сильное разрушение "прежнего распределения различных типов фонетического построения слов, равно как и различных морфологических типов" (исследователь имел здесь в виду смещения и нарушения в области акцентуации и, видимо, явление отсечения вокалического конца слова и связываемое с этим родовое смешение имен существительных и др.); молиско-славянский языковой материал представлялся И.А.Бодуэну де Куртенэ весьма благодатным и в плане изучения актуального для языковедения той поры вопроса о так наз. языковом смешении (или "смешении языков") и т.д. Сознавая высокую степень итальянского языкового воздействия на молиско-славянский, И.А.Бодуэн де Куртенэ в то же время пытался определить архаический пласт, который молиские славяне сохранили в своем языке и пронесли сквозь века. Он устанавливает, что "названия птиц и вообще животных, названия растений, названия частей тела, названия землепашеских и т.п. орудий и т.д. — по преимуществу чисто славянского происхождения". Приходится только сожалеть, что И.А.Бодуэн де Куртенэ не подкрепил свои наблюдения тем богатым материалом, который он привез из экспедиций 1895 и 1911 гг.

Судя по тем сведениям, которыми мы располагаем, объем собранного И.А.Бодуэном де Куртенэ лингвистического материала не уступает тому, что собрал у молиских славян М.Решетар. И только потому, что большую часть своего материала И.А.Бодуэн де Куртенэ так и не опубликовал (и материал этот, следовательно, остался не известным науке), "пальму первенства" во всестороннем лингвистическом описании молиских славян Италии следует все же отдать М.Решетару. При этом важно подчеркнуть, что предоставленный М.Решетару диалектный материал И.А.Бодуэна де Куртенэ достаточно ощутимо отразился на фундаментальности монографического исследования "Сербско-хорватские колонии Южной Италии" хорватского слависта.

Как эстафету передавали русские слависты разных поколений (Бодянский → Макушев → Бодуэн де Куртенэ) свое внимание и интерес к небольшому славянскому островку, заброшенному среди итальянцев, но стойко сохраняющему свое славянское

этническое и языковое сознание. В.В.Макушев был первым славистом, который посетил молизских славян; И.А.Бодуэн де Куртенэ оказался первым славянским языковедом-славистом, который на месте всесторонне обследовал этот диалектный островок. В этом и заключается лидирующая роль русской славистики XIX – начала XX вв. в открытии для мировой общественности и науки переселенцев Южной Италии, называющих себя весьма символическим именем "славяне".

## Л и т е р а т у р а

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Диалектологические материалы И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Известия Имп. АН. Спб., 1903, т. XIX, № I, июнь.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. О славянах в Италии. – Русская мысль, 1892, кн. 6, июнь.
3. Бодуэн де Куртенэ И. Отчет И.А.Бодуэна де Куртенэ о поездке за границу с научной целью летом 1911 г. – В кн.: Котляревский Н.А. Отчет о деятельности ОРЯС Имп. АН. за 1911 г. Спб., 1911 (Приложения).
4. Бокарева Л.Е., Леонтьев А.А. Список трудов И.А.Бодуэна де Куртенэ (1845–1920). – И.А.Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., 1960.
5. Дуличенко А.Д. Забытая страничка из истории создания молизско-славянского (молизско-хорватского) литературного языка в Италии в XIX в. – Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж (в печати).
6. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). I. Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии. – Проблемы описания системы языка и ее функционирования. (Ученые записки Тарт. ГУ. Вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. XXX). Тарту, 1979.
7. Макушев В. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. II. Неаполь и Палермо. (Приложение к XIX тому "Записок Имп. АН", № 3). Спб., 1871.
8. Макушев В. О славянах Молизского графства в Южной Италии. – Записки Имп. АН. Спб., 1870, т. 18, кн. I.
9. Рубертис И. де. Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. Письма тамошнего учителя И. де Рубертис. Перев. с итал. – Чтения в Имп. Обществе истории и

- древностей российских при Московском университете.  
Повременное издание. М., 1858, январь-март, кн. I.
10. Толстой И.И. О работах И.А.Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку. - И.А.Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., 1960.
  11. Ягич И.В. История славянской филологии. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. I). Спб., 1910.
  12. Baudouin de Courtenay J. O Słowianach we Włoszech. - In: Ognisko. Książka zbiorowa wydana dla uczczenia 25 letniej pracy T.T. Jeża. 1882. Warszawa, 1882.
  13. Baudouin de Courtenay J. Slaves. III. Linguistique. - In: La Grande Encyclopédie. Vol. XXX. Paris, 1900.
  14. Baudouin de Courtenay J. Słowianie we Włoszech. - In: Kraj, Pb., 1899, II полугодие, №45,46.
  15. Baudouin de Courtenay J. Übersicht der slavischen Sprachwelt im Zusammenhange mit den andern arioeuropäischen (indogermanischen) Sprachen. Antrittsvorlesung gehalten an der Universität Dorpat am 6/18 September 1883 von Dr J. B. de C. Leipzig, 1884.
  16. Baudouin de Courtenay J. Ze wspomnień i rozmyślań o Słowenach i Słowianach w Italii. - In: Wiedza i życie, Warszawa, 1929, N 6.
  17. Rešetar M. Die serbo-kroatischen Kolonien Südtaliens. - In: Anzeiger der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jhrg. XIV. Wien, 1908, N II.
  18. Rešetar M. Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens. (Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung. I. Südslawische Dialektstudien. Heft V). Wien, 1911.
  19. Vegezzi-Ruscalla G. Le colonie serbo-dalmate del circondario di Larino, provincia di Molise. Studio etnografico di G. V.-R. Torino, 1864.

## СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г.О.ВИНОКУРА И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Ю.И. Минералов

### I

Общие контуры деятельности Григория Осиповича Винокура как филолога уже очерчены его биографами /I; I7/. Практически все основные компоненты сформулированных им концепций так или иначе использованы в науке. Трудно сегодня ожидать каких-либо сенсационных находок и в рукописях Г.О.Винокура, доступных современным исследователям, и, тем более, в его опубликованных работах. Всякого рода разыскания архивного и текстологического плана, разумеется, возможны, но они имели бы ныне, скорее всего, лишь значение более или менее частных уточнений. Однако, как это закономерно на историческом пути науки, само идущее время по-новому высвечивает ряд уже известных положений исследователя, заставляя вновь задумываться над их семантикой, и делает в научной биографии Г.О.Винокура поучительными те черты, которые ранее могли казаться малозначащими.

В упомянутых выше биографических очерках дана преимущественно имманентная характеристика идей и личности Г.О.Винокура. Так, в основе брошюры /I7/, написанной увлеченно и насыщенной конкретным материалом, лежит изложение цепочки определенных фактов, комментируемых попутно и несистематически. Такой подход вытекает из общего характера данного очерка и сам по себе не вызывает возражений. Его автор преследует цель ознакомления читателей с этапами жизни и деятельности ученого. Потому естественно, что, например, отмечая удивительно кратковременное участие молодого Винокура в деятельности такого яркого и шумного течения в филологии 20-х гг., как "формальная школа", биограф ограничивается комментариями такого рода: "Он (Винокур - Ю.М.) переживал тогда острое разочарование в "формализме и футуризме" и даже в мае 1924 г. специально ездил в Ленинград с намерением "выяснить отношения" с ленинградской формалистской школой" (см. набросок статьи "Несколько слов памяти Ю.Н. Тынянова").

Увлечение футуризмом у Винокура никогда не было глубоким и скоро прошло" /I7, 21/.

Действительно, нет никаких оснований пытаться оспаривать ф а к т ы творческой биографии Винокура, подобные вышеприведенным. Однако представляется несомненным чисто условный, "житийный" характер их интерпретации биографом. По сути дела, подобная интерпретация лишь провоцирует на недоуменные вопросы. Почему, собственно, в период расцвета упомянутой "школы" (т.е. в середине 20-х гг.), в период наиболее обостренного интереса к работам ОПОЯЗА и его московского адепта со стороны публики Винокур разочаровался в "школе"? Почему, аналогичным образом, в эти же годы заняли периферийное положение по отношению к формализму такие в будущем крупнейшие советские филологи, как В.В.Виноградов и В.М.Жирмунский, а М.М.Бахтин с самого начала вступил с ним в резкую полемику? Почему, далее, разочарования, аналогичного пережитому Винокуром, не испытал ряд иных деятелей "формальной школы"?

Анализируя данную ситуацию, автор настоящей статьи пришел к выводу, что попыткам выяснения сути мотивов, которыми руководствовались перечисленные ученые, отдаляясь от формализма, необходимо предпослать постановку более широкой проблемы. Вполне очевидно, что такой отход, свидетельствуя о человеческой внутренней независимости и самостоятельности молодых исследователей, весьма показателен. Известно, что именно в подобного рода "узловых" ситуациях наиболее наглядно проявляют себя особенности личности человека (и, как итог, личностные особенности исследователя). Однако изучение психологической специфики данного индивидуума никак не входит в задачи истории языкознания. Поэтому к поведению Винокура в момент, описанный его биографом, надо суметь подойти чисто филологически. В данном случае это значит: предварить рассмотрение научных взглядов Винокура и их эволюции рассмотрением того, что представлял покинутый им в середине 20-х гг. формализм как внутринаучный феномен. Как понимались формалистами цели и задачи науки, специфика научного познания и т.п. Каков, иными словами, специфический с т а т у с, занимаемый в системе филологических течений и школ разного времени формализмом и однотипными ему образованиями.

Сегодняшний день филологии неожиданно дает свежий материал для прояснения данного статуса. На протяжении последних лет наша наука в обеих своих автономных разновидностях - лингвистике и литературоведении - пережила один из наиболее оригинальных и поучительных эпизодов своей истории, дающий исследователю богатые возможности для наблюдения над законо-



мерностями научного развития. Этот эпизод, характеризуется, в частности, возникновением, чрезвычайно быстрым расцветом и последующим скорым самопроизвольным затуханием очередного экстремального течения в филологии. Речь идет о нескольких творческих группировках, связавших излишне широкомаштабные надежды со структурным подходом к анализу филологического материала. Они известны в международном научном обиходе под обобщенным наименованием "структурализм". Говоря об "экстремальности" последнего, автор отнюдь не вкладывает в данное понятие как таковое отрицательно-оценочный смысл. Однако, предполагая дать по возможности объективную характеристику некоторых его черт, он не может не отметить, в первую очередь, специфический максимализм. Именно данное качество вынуждает автора в дальнейшем использовать в рабочем порядке понятие "экстремальное течение" (ниже ЭТ).

Деятельность всякого ЭТ в филологии естественно воспринимать строго дифференцированно. Автор считает принципиально неуместным рассматривать ее в духе антиномии "позитивное - негативное" (уже потому, что такого рода оценки были бы неизбежно в той или иной мере субъективны). Вполне понимает он и то обстоятельство, что лидерами ЭТ нередко полагают себя в высшей степени незаурядные люди, вносящие крупный творческий вклад в различные сферы общественного сознания - в том числе и в науку. Даже те их идеи, которые отвергаются последующим ходом объективного научного развития, обычно не утрачивают ценности, хотя, бесспорно, и меняют свою функцию, - сохранив определенный интерес как прихотливая оригинальная "игра ума" или "научная мифология" своего рода. Экстравагантный облик ЭТ привлекает одаренных молодых исследователей. Кратковременная вовлеченность в сферу ЭТ будущих выдающихся деятелей науки на раннем этапе их работы, как это было с Винокуром, - весьма распространенное явление. Наконец, сами ЭТ иногда претерпевают некоторую идейную эволюцию, и их концепции, относящиеся к разным периодам, в дальнейшем обретают во многом разное значение для науки как таковой.

Филологические ЭТ, при всей внешней несхожести, обнаруживают ряд общих черт, позволяющих говорить об их типологической однородности.

Каждый исследователь-филолог составляет свою оригинальную точку зрения на вопросы, дискутируемые в современной ему науке, и глубоко естественно, если он не удовлетворен теми или иными конкретными работами, творческой деятельностью тех или

иных своих коллег и предшественников. Однако для представителей ЭТ характерно нечто принципиально иное: неудовлетворенность наличествующим состоянием данной науки в о о б щ е. Именно облик современной науки, а не просто отдельные дурные и дилетантские "исследования" ЭТ избирает объектом своей критики. Иногда в намекающей форме, а иногда и прямо объявляются устарелыми и недостаточными существующие филологические понятия, приемы и аналитические методики. При этом в той или иной формулировке нередко подается и затем муссируется широковещательная идея, суть которой в том, что данную отрасль филологии необходимо наконец-то "сделать наукой". Конкретные "рецепты", предлагаемые ЭТ, бывают весьма разнообразны. Они обычно находятся в непосредственной зависимости от того, какая из наук н е ф и л о л о г и ч е с к о г о цикла имеет в современном обществе репутацию "вырвавшейся вперед". В зависимости от этого ЭТ "взывает к варягам", роль которых в различные эпохи играют то психология, то философия, то математика, то кибернетика и т.д. Во всех предлагаемых ЭТ программах "обновления" филологии, несомненно, обнаруживается, однако, общее содержание. Это — призыв к "агрессии" нефилологических методов в область филологии.

Именно такова суть имевших место в свое время попыток опереться на "достижения" психологии (например, в литературоведении — на фрейдистские теории); значительной части попыток "математизировать" филологию или привнести в нее идеи кибернетики. Характерно, что математика обычно воспринимается при этом чисто "гуманитарно" и наделяется неким фантазийно-романтическим ореолом. Категории же кибернетики используются не строго терминологически, а операционально, что также свойственно г у м а н и т а р н о м у типу мышления. В итоге предполагаемый "новый метод" и "новая точка зрения на материал" оказываются просто затемняющим суть дела экзотическим словоупотреблением, которое не обновляет существующих представлений об объекте исследования. (Автор сознательно избегает конкретных примеров, во-первых, полагая их известными читателю-филологу, и, во-вторых, желая уклониться от сведения общей проблемы на уровень полемики с конкретными лицами по частным вопросам).

По всей вероятности, излишне тратить силы на доказательство того, что всякая проповедь немедленного коренного реформирования филологической науки в целом или ее отраслей по сути своей целиком утопична. История многократно демонстри-

ровала, что субъективные попытки заставить филологию "быть наукой" (т.е. быть ею в понимании тех или иных "реформаторов"), — в конечном итоге отменяются естественным ходом научного развития. Наука всегда по-своему "консервативна" и нередко отторгает даже весьма оригинальные и внешне привлекательные "новаторские" приемы и методики, если не ощущает органической внутренней необходимости в их применении. "Сетовать" на это объективное явление, по-видимому, бессмысленно (хотя, с другой стороны, и можно по-человечески понять болезненное к нему отношение со стороны авторов подобных искусственно привносимых методик).

Стремясь насильственно деформировать филологическую традицию, ЭТ преследует недостижимую цель. В свете этого вполне закономерно, что ЭТ крайне редко удается стать на какой-то момент доминирующим в филологии направлением. Временный успех, например, "учения" Н.Я.Марра — явное исключение из общего правила, которое, впрочем, имеет конкретные объяснения.

Читатель-специалист разносторонне и глубоко информирован о положении внутри своей науки и о закономерностях ее развития. Далее, он имеет четкие представления о принципах собственно научного познания. Свое отношение к работе ЭТ специалист определяет не на основе тех или иных тактических высказываний представителей течения, а на основе конкретного анализа их практики. В итоге он воспринимает ЭТ не таким, каким последнее стремится казаться, а таким, каково оно есть на самом деле. Трудно удивляться, что идея о волевым "форсаже" развития филологии неизбежно кажется специалисту в той или иной мере безответственной. И вполне естественно, что она воспринимается филологом с чувствами, диапазон которых колеблется (в зависимости от индивидуальных особенностей данного человека) от осторожного интереса и спокойного скепсиса до более или менее сильного раздражения. Эти обстоятельства напоминают, что специфическая "поза новаторов", которую в силу известных причин обычно принимают представители ЭТ, адресуется по преимуществу не их коллегам по филологии. На кого же тогда она рассчитана?

Здесь необходимо учесть, что тезис, согласно которому данная отрасль научного знания в силу якобы внутренней рутинности фактически не является наукой, может выглядеть привлекательно и "бунтарски" в глазах определенного типа читателей. В первую очередь это круги дополнительно упрощающей

его научной молодежи, а также те широкие "околонаучные" читательские круги, которые исполнены своеобразного "филологического энтузиазма", но поверхностно знакомы как с предметом данной науки, так и с истинным положением дел внутри нее. Именно обостряющийся интерес со стороны такого типа читателей обеспечивает ЭТ то быстрое и шумное "паблисити", которое всегда крайне отрицательно влияет на деятельность научного коллектива обчного, "не экстремального" типа, но в котором всегда кровно заинтересовано ЭТ (последнее - еще одно свидетельство того, что ЭТ присущи черты не собственно научной природы). Не рассчитывая на успех у "косной" профессиональной среды, ЭТ логически в ы н у ж д е н о искать для продуктов своего творчества достаточно благодарную читательскую аудиторию. И оно обретает ее путем "завоевания" читателя-не-специалиста.

Представители ЭТ незаметным для себя образом все более вовлекаются в своего рода "культуртрегерство", ведя наряду с исследовательской работой систематическую пропаганду своих идей. Нет сомнения, что побочное увлечение популяризаторским или эссеистическим творчеством вполне естественно для деятеля науки. Однако энергия и целеустремленность, с которыми отдаются пропагандистской работе представители ЭТ, порою поистине уникальны. Письменные формы их пропаганды сводятся к созданию текстов, носящих преимущественно не исследовательский, а м а н и ф е с т а т и в н ы й характер. Здесь не излагают новые итоги своей научной работы, а формулируют "новое учение" (или о литературе, или о языке); не сообщают ход и результаты анализа, а дают его фрагментарные "образцы". Во имя же дидактической наглядности и броскости обычно пропорционально жертвуют доказательностью.

ЭТ склонны к продуцированию "манифестов" двух основных типов.

Первый из них многогранно отразился в лингвистическом и литературоведческом творчестве формалистов. Вспомним, что большинство своих ранних работ по вопросам стилистики и поэтики Г.О.Винокур опубликовал на страницах не специально филологических, а литературно-художественных изданий /см. "Библиографию печатных трудов Г.О.Винокура" - I7, 85-92/. Внимание всякого читателя обращает на себя и характерная беллетризованность слога, которым эти работы написаны, - та "художественность изложения", которую автор работы /I/ считает проявлением "особого дара" Винокура /I, 7/. Мы имеем дело,

однако, по всей вероятности, не просто с проявлением индивидуального стиля. Показательно, что позднейшие труды исследователя свободны от аналогичного демонстративного эссеизма. С другой стороны, неосомненно, что "дар", подобный проявленному молодым Винокуром, отразился в 10-20-е гг. также в трудах Р.О.Якобсона, Б.М.Эйхенбаума, Л.П.Якубинского, В.Б.Шкловского и других представителей формализма. Как и Г.О.Винокур, они опубликовали свои наиболее известные работы этого времени на страницах журналов "Леф", "Новый Леф", "Печать и революция" и других периодических изданий, ориентированных на "широкого читателя". Иными словами, почти все формалисты охотно излагали свои ученые идеи и наблюдения перед нефилологической аудиторией, действительно обнаруживая зачастую незаурядное стилистическое дарование (в этом смысле неслучайно последующее превращение В.Б.Шкловского или Д.Н.Тынянова в профессиональных писателей). Как и между всеми родственными сферами объективной реальности, между "академическим" литературоведением, с одной стороны, и критикой и эссеистикой, с другой, нет и не может быть четкой границы. Но в работах Тынянова, Шкловского и молодого Винокура нередко вообще невозможно дифференцировать, когда они выступают в качестве литературоведов, исследователей поэтики, а когда - в качестве литературных критиков.

Если "манифесты" формализма строятся по принципу свободного сочетания "ученой" логической аргументации с "литературно-художественными" образными и ассоциативными пассажами, то некоторые другие ЭТ склонны к созданию текстов иного типа, также выглядящих весьма своеобразно на фоне филологической традиции. Это "манифесты", внешне как бы противоположные формалистским. В их стиле культивируются гипертрофированные черты "научности". Сюда можно отнести применение громоздкого понятийно-методического аппарата, частично привнесенного из других наук (например, теории информации или математики), а частично сконструированного самим ЭТ. Применение это редко вызывается непосредственными нуждами проводимого анализа и носит обычно показательно-демонстрационный характер. Далее, текстам разбираемого второго типа свойственно некое обостренное переживание и самоутвержденческое подчеркивание факта собственной принадлежности к науке (а не какой-либо иной!) сфере. Эта любопытная особенность проявляется исключительно многообразно. Сюда относится своеобразное тяготение к непрестанной формализации и таблич-

но-схематическому свертыванию вводимого материала; регулярное проговаривание довольно монотонных напоминаний о недопустимости смешения метаязыка и языка объекта или, скажем, о том, что история данной науки сама тоже есть часть этой науки; введение в текст и подача "с нажимом" деталей явно необязательных, но сигнализирующих читателю о широте авторской эрудиции... (Перечисленное — лишь отдельные, случайно взятые примеры, ни в коей мере не исчерпывающие характеризующей особенностями).

Деятели тех ЭТ, к которым можно отнести такие наблюдения, нередко относятся ко всякого рода эссеистике с выраженным скептицизмом — выводя эту форму привлечения внимания "широкого читателя", во всяком случае, за рамки науки. Однако преувеличенное нагнетание черт "научности" парадоксальным образом функционально тождественно вышеописанным приемам формалистов! И то и другое по сути своей есть именно интригующая "игра" с читателем. Точно так же лишь внешне противоположен практике выступлений в популярных периодических изданиях тактический прием, в соответствии с которым отдельные ЭТ сознательно концентрируют свои публикации на страницах малодоступного и узкоспециального издания с небольшим тиражом, избегая "покидать его пределы", даже если такая возможность имеется. Поведение это вряд ли полностью вызывается нежеланием иметь дело с "отсталыми" редакторами, которые, будучи не в состоянии постичь всю глубину идей ЭТ, способны кощунственно посягнуть на те или иные фрагменты текста. Играет свою роль, по-видимому, и то обстоятельство, что малодоступность издания эффективно способствует созданию вокруг творчества деятелей ЭТ атмосферы легенды, таинственности или даже драматического "подвижничества".

Все вышерассмотренное заставляет полагать, если вернуться к вопросу о статусе ЭТ, что последние представляют собой своеобразные художественные инфраструктуры, в силу объективных причин спорадически возникающие в инородной им сфере — сфере научного познания. Их "новаторский пафос", максимализм их идей, специфика их взаимоотношений с филологической традицией, их претенциозная методология, несомненная театральность их поведения перед лицом основного адресата своего творчества, читателя-неспециалиста, — во всем этом проявляется ярко выраженный артистизм.

Под словом "артистизм", которое не имеет в повседневном его употреблении четко очерченных семантических контуров, ав-

тор понимает нечто вполне конкретное: подчиненность в ЭТ исследовательской работы и г р о м у началу и утрату ощущения грани между "будничной" филологической реальностью и изящным, но субъективным домыслом, экстравагантной фантазией (и, как итог, грани между действительным и желаемым). Это явление художественный феномен.

## II

Автор еще раз подчеркивает, что не относится н е г а - т и в н о к ЭТ, полагая их закономерным явлением внутринаучной действительности. Однако он считает, что при написании тех или иных фрагментов истории филологической науки было бы неверным замалчивать вопрос о специфической природе ЭТ. В отношении формализма данный вопрос, вероятно, наиболее ясен. Так, глубоко неслучайно, что это течение, пропагандировавшее себя как сугубо н а у ч н у ю школу, работало в тесном контакте со "школой" чисто художественной (т.е. русским футуризмом) – причем "школой", творческий экстремизм которой не нуждается в доказательстве. Формализм непосредственно позависимствовал у футуризма очень многое – и в самых разных планах. Как футуризм, саморекламируясь, усиленно внушал публике, что до него не было в России "настоящего искусства", так формализм всей своей практикой намекал, что до него тут не было "настоящей науки"... Но все же односторонне связывать "художественность" притязаний формализма с футуристическим воздействием было бы очевидным упрощением. Ведь другие ЭТ обнаруживают подобные же тенденции. И литературоведам и лингвистам хорошо известно, как трудно (при наличии самых добрых намерений) выделить "в чистом виде" элементы, непреходяще ценные для науки, из трудов Н.Я.Марра, из некоторых ранних работ Р.О.Якобсона, В.М.Эйхенбаума и иных представителей различных ЭТ, – хотя такие элементы здесь, безусловно, имеются, а нередко составляют и весьма основательный пласт. Трудности этого рода вызваны сложной переплетенностью в подобных сочинениях тезисов собственно научных с художественно-романтическими идеями (иногда, как указывалось, переодетыми в оболочку подчеркнутой "учености", артистически и м и т и р у ю щ у ю научную объективность).

Как итог, приходится сделать вывод, что ЭТ порождают оригинальный тип автора – тип творческой личности, в научной сфере занимающейся художественным самовыражением, то есть

творчеством сублимационного характера. То, что создаваемые ею произведения будут всякий раз представлять исключительно противоречивый семантический конгломерат, — по существу, фатально "запрограммировано" последним обстоятельством.

Первая книга Г.О.Винокура "Культура языка" (1925) обнаруживает ряд черт, обычных для ЭТ. Дело не в беллетризме ее слога, который может, в принципе, наличествовать и в "классически" научной работе. Дело, в соответствии с вышесказанным, в самой структуре некоторых содержащихся здесь идей. Впрочем, необходимо оговориться, что данная книга Винокура (как и ранние работы В.В.Виноградова или В.М.Жирмунского) не может считаться сколько-нибудь показательной при анализе творчества "формальной школы". Сущность взаимоотношений с данным ЭТ В.М.Жирмунского уже охарактеризована автором настоящей статьи в специальной публикации /см. 13/. Говоря же о "Культуре языка", уместно подчеркнуть, что объективное научное содержание в ней, бесспорно, преобладает. Так, вопрос об облике стилистики как науки поставлен молодым ученым в ракурсе, во многом типичном для его времени, но неожиданно послужившем основой для оригинальных и вполне свободных от влияния формалистской "платформы" выводов.

"Современная практическая стилистика, — пишет Г.О. Винокур, — не может уже быть только пособием для поэтики и ретирики, содержание ее, сфера ее приложения должны быть шире и правила искусственного красноречия должны уступить в ней место учению о говорении в самом широком смысле этого де-соссюрровского термина, т.е. учению об индивидуальном использовании традиционной языковой схемы в самой различной обстановке социального быта <...> ... Стил ь ест ь сознательная надстройка говорящего индивидуума над канонами языка" (разрядка автора — Д.М.) /3, 21 и 50/.

Последняя дефиниция, переводящая лингвистическое явление на язык прямолинейно понимаемых молодым автором философских категорий, однотипна, например, "кибернетическим" и "теоретико-информационным" определениям литературоведческих явлений, которыми будут увлекаться отдельные позднейшие ЭТ. В контексте работы Винокура подобные опыты "философских" применений лишь затемняют проблематику. Так, понятие "надстрой-



ка над канонами языка" представляет собою ничто иное, как ситуативный синоним ранее употребленного автором выражения "индивидуальное использование традиционной языковой схемы". Мог бы быть проделан специальный семантический анализ ряда аналогичных попыток Винокура привнести в лингвистическую сферу те или иные категории диалектического материализма, имеющий целью показать, что попытки эти имеют мнимо диалектический характер и что порожденные ими формулировки представляют собой просто "философоподобные" метафоры. Однако анализ этот вынудил бы нас слишком уклониться в сторону. Отметим лишь попутно, что склонность к "игре в диалектику" типична для самых разных ЭТ. Она проявляется, например, "в стремлении сводить сущность всякого явления к поверхностной антиномии или к ряду антиномий" /9, 82/, в изобретении особых графических символов для "формализованной" записи этих антиномий и т.п.

Но сделанные выше критические наблюдения не отменяют того, что предпринятая Винокуром социолингвистическая интерпретация одной из основных категорий теории де Соссюра (*la parole*) имела немалую филологическую ценность. Именно своим социолингвистическим аспектом постановки и рассмотрения проблем стилистики "Культура языка" особенно интересна языковеду конца XX в. Весьма любопытно и то, что Винокур говорит о связи между центральным термином стилистики (стиль) и одним из основных понятий лингвистики де Соссюра. Структурализм — как известно, оперировавший идеями швейцарского лингвиста чрезвычайно широко, — в силу понятных причин не обратил, однако, внимания ни на данную связь, ни на возможность "социолингвистического" применения этих идей вообще. Стилистика и сегодня не принадлежит к числу наиболее разработанных разделов лингвистики. Не исключено, что ее, как еще в 20-е гг. полагал Г.О. Винокур, действительно могли бы обогатить идеи де Соссюра, которые лингвистика использовала пока в основном в разработке системно-структурных аспектов теории языка. Плодотворность многих других идей Винокура, связанных с проблемами стилистики (например, о различности понятий "стиль" для литературоведения и лингвистики, о содержании термина "стиль писателя", о понятии "поэтического языка" и т.д.), подтверждена самим развитием филологической науки. Их широкая известность делает специальное рассмотрение таких идей в рамках данной статьи необязательным. Кроме того, к важнейшим из них автор обращался ранее (см., напр., II, 12/.

Самобытная точка зрения на учение де Соссюра получила развитие в ряде позднейших работ Г.О.Винокура /напр., 5; 6/. Характерен параллельный интерес исследователя к трудам другого выдающегося филолога, который совершенно не похож на де Соссюра как концептуалист, — к работам А.А.Потебни. Интерес этот заявлен уже в "Культуре языка". Последнее также показательно, ибо именно критика потебнианства занимала существенное место в теоретических штудиях формалистов, и попытка Винокура трезво разобраться в наследии Потебни до известной степени диссонировала с позициями "школы". Проявляя очевидную внутреннюю независимость, молодой исследователь говорит: "Ясной становится необходимость реабилитации понятия образа, на более научном языке — поэтической внутренней формы, столь незаслуженно забытого как лингвистикой нашей, так и поэтикой. <...> Психологизм Потебни, который отпугнул русскую науку от учения о внутренней форме, нетрудно устранить: сама попытка его остается... законной и безупречной" /3, 169-170/. Не случайно идея Винокура не снискала популярности в среде формалистов: осмысление им одной из проблем формы (в данном случае — "внутренней") не совпадало с тем уникальным ассоциативным ореолом, которым понятие "форма" наделено в концептуальной системе формализма. Оно было, в сопоставлении с толкованием его формалистами, "слишком традиционным". (Структурализм в недавнее время также прошел мимо этой идеи, но причиной на сей раз послужило, вероятно, нечто иное, а именно — специфическая для данного ЭТ аллергия на понятие "форма" вообще.)

Много позже Винокур писал: "... Правильное понимание этого вопроса было чуждо как формалистам, отрицавшим внутреннюю форму и вместе с тем полностью разобщавшим "язык поэтический" и "язык практический", так, например, и Потебне, который в с я к о е вообще слово считал поэтическим... <...>

Между тем поэтическое слово вырастает в реальном слове, как его особая функция... <...>

Нет поэтому никакой необходимости следовать наивно-этимологическому толкованию внутренней формы, для которого так часто дает повод Потебня" /6, 390-391/. Подобная интерпретация несколько "выпрямляет" контуры сложной концепции А.А.Потебни, но главным содержанием высказывания Г.О.Винокура является не критика своего предшественника, а идея приемственности определенной традиции в рассмотрении филологического материала. Подобный трезвый и терпимый подход

к Потебне действительно не был характерен для формализма, который в середине 20-х гг. все еще пытался по-футуристически кокетливо держаться "на глыбе слова "мы" и которому, вследствие этого, всюду в филологии чудились противники, соперники и всякого рода "антиформалисты".

И, однако, снова приходится указать на наличие в "Культуре языка" элементов мышления ЭТ, создающих в некоторых местах книги затейливые вкрапления. Один из слоев такого рода составляют высказывания Винокура по отдельным внешним относительно филологии, но связанным с ней вопросам. Сюда можно отнести, например, поверхностную и высокомерно-пренебрежительную оценку ведущейся в начале 20-х гг. огромной работы по созданию национальных алфавитов для бесписьменных народов России. Известно, что в силу ряда причин работа эта делалась довольно торопливо и что отечественная лингвистика не всегда была в состоянии выделить для нее достаточно квалифицированные кадры. Но нужно ли доказывать, что и Г.О. Винокур, иронически окрестив этот процесс "массовым производством туземных Кириллов и Мефодиев" /3, 73/, отнюдь не внес тем существенного вклада в дело его улучшения. Он лишь продемонстрировал, пожалуй, безответственность, характерную как для юношеского возраста, так и для психологии представителя ЭТ.

Нет оснований преувеличивать также степень объективности молодого исследователя в полемике с коллегами-филологами. Его прозорливое отношение к идеям А.А. Потебни не мешало ему легкомысленно третировать некоторых других авторов на основании личного убеждения в ошибочности их воззрений. Подобный стиль ведения полемики — также показательная черта ЭТ.

Излишне напомнить, что неотъемлемой органической особенностью научной личности не может не быть "презумпция" правоты оппонента. Включаясь в научную дискуссию, всякий отдельный ученый, всякая научная школа молчаливо предваряют изложение своей точки зрения искренним и убежденным самопризнанием такого рода: "Скорее всего, наши уважаемые оппоненты правы, а мы заблуждаемся. Но как ученые, прежде чем согласиться с ними, мы обязаны проверить их аргументацию".

Так приступают к объективной полемике между учеными и научными школами. Но подобная преамбула чаще всего отсутствует в спорах иного рода. Речь идет о субъективных творческих спорах художественных "школ". Здесь история литературы готова подсказать примеры и пренебрежительного высокомерия, и враждебности по отношению к оппонентам,

и нарциссического убеждения в заведомой своей правоте, и сознательного искажения мысли "противников" во имя иллюзорной "победы" над ними в глазах читающей публики, и как итог, заспинной дискредитации личности и творчества своих оппонентов различными неблагородными средствами.

История филологии знает немало творческих объединений чисто научного типа. Говоря о женевской, ленинградской или московской школах (именно к последней принадлежал до конца жизни Винокур), мы употребляем слово "школа" в строго терминологическом смысле. Однако вряд ли есть достаточные основания зачислять, например, понятие "формальная школа" в тот же семантический ряд. По нашему мнению, ЭТ, нередко нарекающие себя "научными школами", фактически образуют группы особой природы. Деятели ЭТ чаще всего не ограничиваются во взаимных творческих и личностных контактах осознанием характерного для представителей одной научной школы единства своих теоретических воззрений по определенному кругу вопросов. Они идут гораздо далее, создавая более или менее закрытую для "непосвященных" группу кружкового типа по своей "программой", с особого рода "дисциплиной" и с распределением между участниками группы ролевых функций. Участники группы, будучи профессиональными филологами, обычно сознают при этом, что подобная форма "единения" не может быть вызвана к жизни никакой собственно научной необходимостью. И более того — что всякого рода самоизолированность и сектоподобная замкнутость суть лучший способ сделать невозможным нормальное функционирование научного коллектива; что они противоречат его специфике и самой его этике.

Поскольку явно отрицательные стороны такого "единения" понятны и самим членам группы, постольку в их самооценке создание группы объясняется, естественно, как вынужденное средство коллективной самозащиты немногочисленной кучки носителей "передовых научных идей" от критических посягательств со стороны все тех же "ретроградов" (в которых — или в мифе о которых — ЭТ весьма заинтересовано). При этом мнительно преувеличиваются критические амбиции "противников" группы и вообще их интерес к делам последней, а всякое полемическое выступление со стороны того или иного оппонента начинает изображаться — нередко вполне искренне — как сламированное гонение и ущемление.

Каждая строчка, написанная Г.О.Винокуром в годы творческой зрелости, множество фактов его биографии, воспоминания

его учеников – все характеризует его как человека, по особенностям интеллектуальной организации всецело призванного быть работником науки. Привнесение в эту работу черт артистизма (в предложенном выше истолковании данного слова) оказалось органически чуждо ему, едва он сложился как творческий деятель. Именно с этим следует связывать, по нашему мнению, его последовавшую острую реакцию на формализм и с этим же – прочие факты, изложенные в первых абзацах настоящей статьи. Неоднократно критикуя позднее "формальную школу", Г.О.Винокур всегда выступал с конструктивных и подлинно научных позиций, не опускаясь до навешивания на ее деятелей примитивных политических ярлыков и не преследуя цели "открытаться" от факта своих юношеских контактов с дискредитированным ЭТ. В ходе полемики он, как правило, указывал именно на не чисто научный характер тех или иных формалистских тезисов и притязаний.

Критические наблюдения Г.О.Винокура над различными опытами подхода к проблемам стилистики и поэтики представляют самостоятельный интерес. Их анализ убеждает, что первоочередные возражения ученого вызывали как раз художественно-игровые тенденции в филологии. В данной связи Г.О.Винокур упоминал: "1) замену анализа риторикой; 2) подмену прямого объекта исследования текстов так называемыми "высказываниями" писателей; 3) фиксирование внимания на диковинных, раритетных фактах...", "исследование курьезов, а не системы..." (цит по работе: I7, 55). Цитированное высказывание содержится в рукописной статье, находящейся на хранении в ЦГАЛИ, и потому, к сожалению, не слишком широко известно в филологической среде. Это делает его особенно интересным.

Не все слова должны быть отнесены здесь непосредственно к ЭТ. Так, разумеется, подмена анализа риторикой – о б щ е е свойство всякого рода некачественных, дилетантских "исследований". Однако второе – применение в роли а р г у м е н т о в для научной концепции тех или иных заведомо субъективных ("писательских") высказываний, в особенности цитат из художественных произведений – для ЭТ вполне специфично. Например, так неоднократно поступал структурализм.

Далее, гипертрофированный интерес к р а р и т е т а м (во французской огласовке *une rareté* – то есть ко всякого рода экстравагантным, диковинным фактам следует признать одной из показательнейших черт ЭТ. В частности, совсем недавно лингвистический и литературоведческий структурализм, едва

возникнув в науке, немедленно и почти абсолютно сосредоточился на описании раритетных фактов. В дальнейшем становилось все более ясно, что этот странный интерес к экстравагантностям не случаен, что методики, предложенные структурализмом, "работают", по существу, лишь на материале раритетов и не могут эффективно применяться для "будничного" филологического анализа — то есть анализа подавляющего большинства филологических объектов. Исследователи-структуралисты, в зависимости от широты индивидуально-авторской эрудиции, с большей или меньшей быстротой исчерпали раритетный материал, например, в сфере русской поэзии. После этого пришлось вовлекать в оборот тексты, анализ которых по "уровням" и "оппозициям" выглядел уже довольно натянутым, что, разумеется, ощущали в душе и сами проводившие его исследователи. Кризис структурализма, экстремального течения, на которое его оппоненты уже "махнули рукой" и к которому уже "все привыкли", начался внутри самого течения и не был обусловлен, как известно, никакими внешними причинами. В настоящее время данное ЭТ уже фактически сошло с научной арены, а его "активисты" успешно работают в иных, в основном более традиционных, сферах филологии. Предложенные же им идеи наука на наших глазах продолжает подвергать жестокому, но естественному отбору. И отечественный и зарубежный структурализм порою вовлекал в свое русло исключительно ярких мыслителей. Естественно, что сила авторского интеллекта и широта эрудиции импонирует читателю. Но подобные симпатичные качества, по всей вероятности, не могут служить заменой соответствия тем неизбежным требованиям, которые филологическая традиция предъявляет ко всякой идее, претендующей на собственно научный статус.

Развитие современной филологии, таким образом, лишний раз свидетельствует, что вышеупомянутое критическое высказывание Г.О.Винокура относится не только к тому моменту, когда оно было сформулировано, а имеет черты общезначимости. Глубоко не случайно, что течение, в области теории прокламировавшее всестороннее изучение языка и литературы как системы, в практике своей ступило на путь описания отдельных элементов системы и курьезов. Нечто подобное происходит, видимо, со всяким ЭТ, берущим на себя непосильную, фантастичную (и, тем самым, художественную) задачу коренного "реформирования" филологической науки.

### III

Особое место в ряду стилистических штудий Г.О.Винокура, несомненно, принадлежит книге "Маяковский - новатор языка" (1943). Небезынтересно напомнить, что в этой, казалось бы, узкоспециальной работе преломились многие значительные вопросы, волновавшие советскую интеллигенцию в военные годы. Книга Г.О.Винокура неотделима от специфической духовной атмосферы периода Великой Отечественной войны. Дело, разумеется, не в тех или иных внешних по отношению к ее проблематике выражениях авторского патриотизма, а в том, что тема языкового новаторства Маяковского поставлена здесь во взаимосвязь с другой, несравненно более широкой темой. По словам автора, вопрос в том, "что же такое язык Маяковского <...> как объективное явление русского языка <...> становится особенно законным в обстановке той исключительно напряженной концентрации духовных сил русского народа, утверждающего свое право на руководящую роль в мировом историческом процессе, какую представляет в культурном плане Отечественная война с фашистским варварством. Исследователи русского языка и его истории с глубоким чувством удовлетворения наблюдают, что признание непреходящей духовной ценности русского языка, как лучшего выражения русской национальной самобытности, стало прочным и неотъемлемым достоянием нашего культурного обихода" /4, 4/.

Данное высказывание интересно не только как "документ времени". Оно составляет в книге фрагмент целостной культурологической концепции. Исследование языкового новаторства одного из русских поэтов - основа для идеи о новаторском характере русской поэзии в отношении к мировому литературному процессу и далее - о новаторском характере русской национальной культуры вообще; со всем, что вытекает из этого последнего обстоятельства.

Языковое новаторство Маяковского изучается Г.О.Винокуром прежде всего в лексическом и в синтаксическом плане. Соответственно особенностям индивидуального стиля этого поэта, внимание исследователя сосредоточено, с одной стороны, на неологизмах Маяковского и, с другой, на специфических модификациях стандартных моделей синтаксиса письменной речи, в изобилии представленных в творчестве Маяковского.

Как известно, неологизмы описаны Г.О.Винокуром преимущественно в аспекте словообразования, и, кроме того, "не в многообразии и полноте их художественных функций, а сами по се-

бе, именно как факты русской речи" /4, 5/. В частности, мало интересовали Г.О.Винокура в данном случае вопросы, связанные с необычной семантикой поэтического неологизма. Авторский неологизм – слово, которому присуще особое образное начало, так как в нем живо ощущается то, что Потебня назвал "внутренней формой". Для исследователя поэтики авторский неологизм – своеобразная "свернутая" метафора. Для лингвиста это лексема, способная функционировать как семантический адекват некоторого аналитического именованного, сочетания лексем. Что представляет собой, например, ряд изблюбленных Игорем Северянином глагольных образований от "вещественных" существительных? Всюду здесь одно слово заменило группу слов. Ср.:

- "Корабли оякорили бухты" (стали на якоря в бухтах).
- "Царь... разлепесточил апельсин" (разделил на дольки, напоминающие лепестки).
- "Каблучком молоточа паркет" (стуча по паркету каблучком, точно молоточком).

Аналогично у Маяковского:

- "Грудь испешеходили" (истоптали ногами пешеходы).
- "Воздух цветы рассиропили" (воздух от цветов пахнет, как сироп) и т.д.

Художественно нейтральное нормативное словосочетание везде заменено сконструированной на его основе лексемой. Читательское сознание невольно проецирует звуковой и морфо-семантический облик неологизма на это словосочетание, улавливая наличие между ними смысловой общности. Но такая дешифровка нового слова одновременно семантически противопоставляет последнее общезыковому словосочетанию. Называемое неологизмом ощущается как действие или состояние, обладающее какими-то качественно новыми чертами, – поскольку для обозначения данного действия-состояния использована непривычная, стилистически отмеченная словоформа, а не ожидаемая группа слов. Внутренняя форма глагола-неологизма сразу и похожа и непохожа на соответствующее ей аналитическое именование.

Авторский неологизм в семантическом отношении весьма напоминает каламбур. Двучленная структура последнего (напр., общеизвестное "Человек – чело века"), где один компонент – сочетание слов ("чело века"), а другой – свертываю-



щая его лексема ("человек"), использует тот же принцип проекции слова на аналитическое именование. Возникающая "игра слов" аналогична "игре" между внутренней формой авторского неологизма и соответствующим ей в языке словосочетанием. (Более подробные наблюдения над каламбуром в данной связи сделаны автором работы /2/).

По словам Г.О.Винокура, "Маяковский в своих стихах ищет новых языковых форм не потому, что его собственный язык представляется ему самоудовлетворяющей ценностью, а потому, что обычный язык не удовлетворяет его как стилистическое средство его поэзии" /4, 22/. Все это, несомненно, справедливо. Но в значительной мере надуманной представляется проводимая автором идея противоположности Маяковскому как новатору Велимира Хлебникова. "...Хлебникова, - утверждает исследователь, - тяготила не логика, а самая материя слова, его плоть и кровь" /4, 18/. Если учесть, что столь весомый монолог произнесен по поводу забавных, лингвистически наивных попыток Хлебникова создать так называемый "звездный язык", то "обличительный" пафос этого и иных подобных авторских высказываний о Хлебникове разделить сегодня трудно. Впрочем, суровые, зачастую априорные "приговоры" Хлебникову - вполне в духе критики 30-40-х гг. На фоне современных работ об этом поэте (напр., книги А.А.Урбана, Н.Л.Степанова и др.) они выглядят явно устаревшими.

Следует подчеркнуть, что Г.О.Винокур дает чрезвычайно интересную характеристику футуристического "заумного" языка: "Заумный язык не есть борьба формы со смыслом, а напротив - борьба смысла с формой, антиисторический, варварский бунт "содержания" против той материальной структуры, в которой оно роковым образом воплощается"; "...обозначение такой системы взглядов как формалистической, на мой взгляд, не выражает ее существа с должной ясностью" /4, 17-18/. Если отбросить украшающие данное суждение эпитеты, нельзя не признать, что его концептуальная основа филологически вполне плодотворна. Вопрос лишь в том, в какой мере приведенная характеристика может быть трансполирована на поэтическую практику Хлебникова.

"Формальная школа" со специфичным для нее как для ЭТ вниманием к раритетам, действительно, особый интерес в ряду языковых опытов Хлебникова (и других футуристов) проявляла к экспериментам с "заумным" языком. Невольным образом в книге своей Г.О.Винокур продолжил (в случае с Хлебниковым) ту же линию (придав лишь своим наблюдениям не позитивный, а "осу-

дительный" оттенок). Но для науки, по-видимому, гораздо больший интерес представляют не курьезы, а абсолютно преобладающие среди неологизмов Хлебникова образования на основе норм и моделей, свойственных русскому языку. Такие неологизмы, разумеется, ничем принципиальным не отличны от новых слов Маяковского.

Там, где жили свиристели,  
Где качались тихо ели,  
Пролетели, улетели  
Стая легких в р е м и р е й.

Не вдаваясь в анализ семантики неологизма "времири", укажем лишь на очевидное: здесь по-фольклорному, "мифологически" персонифицировано и овеществлено понятие "летающего времени", то есть общеизвестная языковая метафора. "Времири" эти отчетливо ассоциируются со стаей птиц. Почва для такой ассоциации усилена предметной реальностью обстановки: рядом фигурируют птицы реальной породы (свиристели) и реальные деревья. Очевидна и словообразовательная аналогия с лексемами типа "снегирь". Другой пример:

С м е р т и р е й безыбких пляска,  
Времирей узывных сказка.

Далее тот же текст:

Иль вокруг чела бездумного  
Смертири в ь ю н о к свили?

"Смертири" - еще одна персонификация. Смерть, физиологический процесс, выступает как качество, разносчиками которого у Хлебникова являются своего рода сказочные существа - "смертири". "Времири" фигурируют в одном контексте с ними, причем в синтаксически параллельной конструкции. Естественно, такое параллельное положение усиливает ощущение семантической взаимоотношенности данных неологизмов. "Вьюнок" здесь, разумеется, отнюдь не декоративный цветок со вьющимся стеблем. Перед нами неологизм-омоним. Он ассоциативно и причинно-следственно связан с неологизмом "смертири" и представляет собой художественное переосмысление метафоры "смертный венец", известной и в общеязыковом употреблении и в сфере поэтической эмблематики. Избрав для обозначения венка звуковую форму, существующую в русском языке для называния разновидности цветка, Хлебников, однако, исключил возможность двусмысленного понимания благодаря контекстному окружению не-

логизма: "свить" можно лишь венки, а не отдельный цветок.

Различия между неологизмами Маяковского и Хлебникова следует искать, таким образом, не в методах словообразования, а в семантической сфере. Такие различия восходят к особенностям художественного мышления обоих поэтов. У первого оно уникально конкретно, у второго же — уникально мифологизовано. Образы типа "времирей", "смертирей" и т.д. — прямое порождение "художественного мира", возникающего на основе мышления второго типа. Отсюда же, с одной стороны, интерес Маяковского к новообразованиям в сфере глагола и, с другой стороны, интерес Хлебникова к новообразованиям в сфере имени.

Другой важной темой книги "Маяковский — новатор языка" автор сделал специфический синтаксис произведений поэта. По словам Г.О.Винокура, "... существует непрерывная связь между особенностями синтаксического построения стихотворной речи Маяковского и ее ритмикой, так что, в сущности, ритм и синтаксис Маяковского на каждом шагу объясняют друг друга" /4, 6/. Данное суждение оказало определенное влияние на такой раздел филологии, как стиховедение. Причем, не будучи профессиональными лингвистами, стиховеды впоследствии интерпретировали иногда эту идею, как представляется, несколько прямолинейно и расширительно.

Связь между ритмом и синтаксисом поэтического языка, разумеется, не носит жестко-однозначный характер. Достаточно сказать, что в такой же мере справедливо иное утверждение: что в поэтике Маяковского взаимно влияют и "на каждом шагу объясняют друг друга" ритм и метафорика. Необходимость "вмонтировать" в стих сложно построенную разветвленную метафору, несомненно, определяет в ряде случаев ритмический облик возникающего контекста.

Наконец, лингвист конца XX в не может не увидеть в материале, который представляет собой синтаксис Маяковского, еще одну корреляцию. Г.О.Винокур описывает языковое новаторство Маяковского, естественно, в категориях, принятых в лингвистике его времени. Отсюда — исключительно характерное общее определение синтаксических особенностей стиха поэта. Винокур называет их весьма интересно: "преодоление синтаксиса" /4, 85/. Иными словами, синтаксис Маяковского мыслится Г.О.Винокуром как деформация нормативного синтаксиса русского языка. Современное состояние лингвистики заставляет, однако, внести в идею "преодоления синтаксиса" Маяковским некоторые коррективы.

Для лингвистики последних лет характерен особый интерес к проблемам устной речи /см. 8; 10; 16; 18 и в особенности 14; 15/. Ныне уже совершенно ясно, что взгляд на ее синтаксические особенности как на хаотический набор случайных модификаций "правильного" синтаксиса — то есть синтаксиса письменного типа, — искажает реальную картину. Общим местом стало признание того факта, что устной речи присущ свой особый синтаксис, который мы, как правило, не замечаем, используя его совершенно автоматически. Он резко отличен от того синтаксиса, правила которого рационально нами осознаются (ибо именно ему много лет учит школа), но реально используются только при письме. Здесь нет возможности сколько-нибудь подробно вдаваться в систематическое описание синтаксиса устной речи (далее — УР). Перечислим лишь то, что непосредственно связано с нашей проблематикой. Так, в УР сняты всякие ограничения на словопорядок, в результате чего наблюдается поражающая неподготовленного человека (например, при чтении перенесенных с магнитофонной ленты на бумагу фонограмм) "чересполосица". Далее, здесь предельно упрощена падежная система: косвенные падежи употребляются крайне редко и гипертрофирована роль именительного-винительного. УР пронизана характернейшими перебивками, которые создаются введением специальных (на первый взгляд — семантически избыточных) словечек, а также системой пауз (последние приобретают в УР необычайно важную роль). Начинает играть роль ряд дополнительных факторов, вообще неизвестных письменной речи /см. 14/. Как все это связано с темой нашей статьи?

Дело в том, что используемые Г.О.Винокуром примеры "преодоленного синтаксиса" у Маяковского и его обобщающие характеристики в этой связи невольно заставляют вспомнить материал УР, изучаемый современной лингвистикой.

"Наиболее простой, притом очень распространенный у Маяковского, тип дробного построения речи из разобщенных слов или словосочетаний состоит из употребления изолированных именительных падежей, обычно нескольких подряд...", пишет Г.О. Винокур /4, 78/. Это наблюдение аналогично тому, что говорят лингвисты о синтаксисе УР. Показательно при этом, что подобное явление, видимо, наиболее последовательно наблюдается там, где поэт передает прямую (устную) речь. Ср.:

Пелагея,

что такое:

где еще кусок

ж а р к о е?

На месте родительного падежа — падеж, который правильнее всего интерпретировать как именительный. Показателен отмеченный "лесенкой" перебив-пауза, который в реальном произнесении сопровождался бы смыслообразующим интонационным движением. Видимо, нет нужды доказывать, что перед нами пример типа устных фраз "А столовая не ходи вчера жаркое кусок брал оказался прямо подошва плохо там", "Официантка она жаркое пока принесет кусок умираешь есть хочется" и т.п. "Икажение" падежа, таким образом, вовсе не субъективный футуристический произвол Маяковского (как не раз пытались объяснить подобные опыты у него, Хлебникова, Заболоцкого и др. литературные критики), а художественный прием, мотивированный объективными языковыми явлениями.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что подавляющее большинство людей в жизни совершенно не замечает этих явлений. Тем любопытнее, что поэтический слух Маяковского и некоторых других художников составляет очевидное исключение из правила. Маяковский, несомненно, улавливал особенности синтаксиса УР несмотря на их автоматизованность в повседневном общении. Были периоды, когда использование их в поэтическом творчестве становилось у него излюбленным приемом (по нашим наблюдениям, так было, например, в 1922–23 гг., когда писались "Про это" и "Рабочим Курска, добывшим первую руду"). Поэма "Про это" буквально пронизана стихией УР:

— Было — суббота...

под воскресенье...

Окорочек...

Хочу, чтоб дешево...

Как вдарит кто-то!...

Землетрясение...

Ноге горячо...

Ходун — подошва!...

Многоточия указывают в данном случае на характерные для УР перебивы. Аналогичную роль выполняет семантически излишнее, казалось бы, после упоминания субботы выражение "под воскресенье" — которое, однако, не воспринимается здесь как соз-

дающее тавтологию. Почти все существительные фигурируют в "неестественном" именительном падеже. Синтаксические связи между элементами предельно ослаблены.

Особенности синтаксиса УР используются Маяковским не только в целях имитации реальной прямой речи. Это утверждение могло бы также иллюстрироваться целым рядом мест из "Про это", как и из иных произведений Маяковского. Уместно оговориться, что он, разумеется, не стремился создать буквальные копии УР. Да этого и не могло произойти. Всякий художник воспринимает УР не аналитически, а целостно, нерасчлененно — так сказать, "на слух". Слух — фактор субъективный и у каждого поэта дает свои "показатели". Вводя затем услышанные особенности в произведение, художник подчиняет их собственному индивидуальному стилю. В итоге УР предстает неизбежно модифицированной, п а р а ф р а з и р о в а н н о й, причем в каждом случае — по-иному. Стихия УР вследствие всего этого, разумеется, отразилась в произведениях Маяковского иначе, чем в произведениях Хлебникова или Цветаевой, хотя последние также проявляли к ней очевидный интерес. Вероятно, интенсивное употребление специфических элементов УР (в качестве художественного приема, преследующего у разных поэтов различные цели), есть одна из тех причин, что затрудняют некоторым читателям эстетическое осмысление произведений "авангарда". Не случайно, с другой стороны, тяготение поэтов новаторского склада, увлекающихся в стихах трансформациями синтаксиса и падежеупотребления, к устному исполнению своих произведений. В записи на бумаге стихи, активно использующие нормы УР, отчасти подобны нотам: одним они понятны, для других же становятся "музыкой" только если к ним приступает артист. Чтец оживляет в тексте систему речевых перебивов, включает мелодико-интонационные средства, и поэтическая семантика проясняется.

Как видим, Г.О.Винокур подметил в своей книге много фактов, имеющих немалое значение как для современной лингвистики, так и для поэтики. В наши дни его работу следовало бы снова ввести в самый активный научный обиход, ибо наблюдения Г.О.Винокура, как предполагали мы показать, во многом созвучны новейшим филологическим исследованиям.

Характеризуя в настоящей статье некоторые стороны творческой деятельности Г.О.Винокура, мы всемерно желали уклониться от "житийной" апологетики. С другой стороны, хотелось бы со всей силой подчеркнуть, что в рамках данной статьи мы отнюдь не стремились противопоставить личность и творчество Винокура личности и творчеству какого бы то ни было филолога. "Портрет" Г.О.Винокура мыслился исключительно в противоположении групповому "портрету" характеризующих с максимальной степенью обобщения разнообразных филологических ЭТ. Хотя материалом при этом, в силу естественных причин, служили извлеченные из конкретных работ идеи многочисленных конкретных авторов разного времени, всякие прямые ассоциации будут заведомо ложны.

Пожалуй, никто так не вредит творчеству ученого, как его "восторженные почитатели". Как было удачно сказано недавно (в иной связи) в послесловии к работе /7/, "мы исходим не только из безусловного права исследователя на свое мнение по научному вопросу, но и из глубокого убеждения, что и средствами полемики можно иногда выразить уважение..." /7, II4/. Уместно оговориться, что идеи и структура работы /7/, являющей образчик остроумной "филологической публицистики", оказали определенное контрастирующее влияние на проблематику нашей статьи. Мы даже переняли некоторые черты использованной здесь методики, но в результате (правда, на ином материале) пришли к выводу, который противоположен отправному тезису работы /7/ - о естественности в науке "борьбы древних и новых" /7, III/. По нашему мнению, это отчасти художественная идея. В истории науки не встречается "конфликтов поколений". Истории науки известны, однако, конфликты между филологической традицией и разнообразными ЭТ (которые, впрочем, как уже говорилось, иногда временно "втягивают" в свою сферу выдающихся ученых, порою даже полагающих себя их лидерами). ЭТ, независимо от того, какие конкретные ипостаси они принимают - порождают ли они тип умствующего литератора, порождают ли "игровую" гипертрофию "исследовательской объективности", - всегда плохо ладят с современной наукой. А "неуживчивость" течения как целого иногда осложняет отношения с наукой попавшим в его сферу ярким исследователям. Пример Г.О.Винокура напоминает, что их подлинные творческие возможности раскрываются лишь за пределами этой

сферы. Иными словами, в русле филологической традиции.

## Л и т е р а т у р а

1. Бархударов С.Г. Г.О.Винокур. В кн.: Г.О.Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
2. Бирюсинов Д. Каламбур. - Литературная учеба, 1978, № 4.
3. Винокур Г.О. Культура языка. М., 1925.
4. Винокур Г.О. Маяковский - новатор языка. М., 1943.
5. Винокур Г.О. О задачах истории языка. - В кн.: Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку.
6. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка. - В кн.: Г.О.Винокур. Избранные работы по русскому языку.
7. Гаспаров М.Д. М.М.Бахтин и русская культура XX века. - В кн.: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.
8. Земская Е.А. Русская разговорная речь. М., 1968.
9. Кувакин В.А. Религиозная философия в России. М., 1980.
10. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
11. Минералов Ю. Фонологическое тождество в русском языке и типология русской рифмы. - Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 396. Тарту, 1976.
12. Минералов Ю. К теории поэтического языка. - Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 398. Тарту, 1977.
13. Минералов Ю. Исследователь и время. - Вопросы литературы, 1979, № 2.
14. Сб. Семантика номинации и семиотика устной речи. - Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 442. Тарту, 1978.
15. Сб. Семиотика устной речи. - Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 481. Тарту, 1979.
16. Сиротинина О.Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
17. Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур. М., 1965.
18. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.



## О ПОНЯТИЯХ "НАУЧНАЯ ШКОЛА" И "НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ" В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С.В. Смирнов

История лингвистических учений всегда привлекала в той или иной мере внимание исследователей. Но качественно новый этап в разработке истории русского и славянского языкознания начинается с 70-х гг. XX века. Он характеризуется прежде всего тем, что интерес к этой проблеме распространяется вширь и вглубь. Достаточно сказать, что только после 1975 года вышло свыше 10 монографий, сборников и учебных пособий по лингвистической историографии, два библиографических словаря. Многие журналы ("Вопросы языкознания", "Русская речь", "Русский язык в школе", "Советское славяноведение" и др.) более или менее регулярно публикуют статьи об отечественных языковедах. Притом работы по истории языкознания приобретают все более исследовательский характер. Это проявляется прежде всего в значительном расширении фактического материала, стремлении к обобщениям, к выявлению основных этапов развития лингвистической мысли и определению их места в общей эволюции науки о языке.

В связи с бурным развитием историко-лингвистических исследований одной из актуальных задач становится уточнение соответствующего понятийного аппарата, выделение особых единиц описания, их определение и создание тем самым теоретической основы данной области языкознания. С.Б.Бернштейн еще в 1972 г. писал: "А между тем многие опубликованные книги дают основание для серьезного разговора о задачах историографических монографий, о характере и принципах анализа научной деятельности крупнейших представителей дореволюционного языкознания, о приемах и методах изучения различных школ и направлений прошлого" /1/.

До сих пор изучение истории русского и славянского языкознания проводилось преимущественно в двух планах: а) в плане освещения деятельности того или иного ученого, б) реже в плане рассмотрения идей того или иного периода. Но научное творчество носит коллективный характер. Связи же между языковедами изучаются явно недостаточно, хотя эта сторона является также одной из важнейших в истории науки.

Среди объединений ученых особенно важное место занимает научная школа как одна из форм организации научного труда. Поэтому разработка данного понятия имеет не только историко-теоретическое, но и практическое значение. В истории философии и науковедении проблема научных школ живо обсуждается уже в течение ряда лет. В лингвистике же статья С.Б.Бернштейна "К вопросу о научных школах и направлениях в языкознании" является пока единственной.

В русском языкознании обычно говорится только о московской, казанской и иногда харьковской школах. Притом А.А.Леонтьев считает, что казанской школы не существовало, так как ученики И.А.Бодуэна де Куртенэ не полностью воспринимали идеи своего учителя и по ряду принципиальных пунктов расходились с ним. Но в таком случае любая школа будет носить эпигонский характер. С.Б.Бернштейн, справедливо возражая против такого понимания, писал: "О школе мы можем говорить в том случае, если группу ученых объединяет единство интересов в науке, некоторые общие взгляды на предмет исследования, пристрастие к некоторым специфическим сторонам предмета изучения, некоторые общие методические принципы, близость терминологии" /2/. Такой подход представляется более гибким и перспективным. Действительно, ведь в школе происходит не только овладение ее принципами и их применение, но и создаются предпосылки для дальнейшего развития имеющихся и выработки новых знаний. Этим объясняется стремление последователей не ограничиваться констатацией достижений основоположника школы, а идти дальше (с учетом достижений других школ и отдельных ученых). Иногда школа отождествляется то с понятием кафедры, то научного направления. Последнее нашло отражение и в Большой Советской Энциклопедии. Ср. Школа - "направление в науке, лит-ре, искусстве и т.п., связанное единством осн. взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов" (БСЭ, изд. 3, т. 29, 1978, с. 424). Некоторые ученые рассматривают школу как определенный тип связей различных форм исследовательской деятельности. Проблема окажется еще более сложной, если поставить вопрос, можно ли говорить о школе А.Х.Востокова, О.М.Бодянского, В.И.Ламанского и других славистов.

Все эти неясности происходят прежде всего оттого, что до сих пор понятие научной школы в языкознании еще не приобрело строгого терминологического значения, нигде четко не определено, а его дифференциальные признаки остаются невыясненными. В лучшем случае школы описываются с точки зрения их

вклада в развитие науки или в виде характеристики главы школы в окружении учеников. Более того, в "Очерках по истории лингвистики" Т.А.Амировой, Б.А. Ольховикова и Ю.В. Рождественского казанская школа дана в главе "Младограмматический этап в языкознании", а ее основоположник И.А.Бодуэн де Куртенэ - в главе "Критика младограмматизма и поиски нового подхода к языку в конце XIX и начале XX в.". Но научная школа это не сумма индивидов, а качественно новое образование. Характеристика взглядов каждого из деятелей школы и их суммирование не есть еще характеристика школы как целого, так как идеи школы глубже и разностороннее идей отдельного члена. При этом если член обычного коллектива имеет независимое научное существование и его вклад в науку может быть оценен индивидуально, то здесь примат школы преобладает над приматом отдельных ее представителей.

Разумеется, история языкознания не состоит из одних школ, но целые периоды в его развитии определяются не только внутренней логикой развития науки, социальными факторами, но и борьбой различных школ. Особенно показательно в этом отношении начало XX в., когда наряду с лейпцигской школой возникает лингвистическая география (Ж.Жильерон), школа слов и вещей (Г.Шухардт), эстетический идеализм (К.Фосслер), женеvская школа во главе с Ф. де Соссюром. Поэтому одна из задач лингвистической историографии состоит в том, чтобы эмпирически исследовать, о каких школах может идти речь, какова их сущность и характер. Однако для этого необходимо прежде всего теоретически осмыслить сущность данного понятия.

В термине "научная школа" слово "школа" предполагает учителя и учеников, а слово "научная" - выработку теории или поиски решения определенной проблемы. Поэтому для начала целесообразно разграничить два вида школ: научно-образовательную и научно-исследовательскую.

1. Научно-образовательная школа. Ее задача - перевод личного знания в групповое, т.е. подготовка людей, без которых невозможно сохранение научных традиций, передача знаний и тем самым существование самой науки. Для этой школы характерен один тип отношений: учитель - ученики. Учитель должен иметь определенный объем знаний, владеть методикой исследования, быть ученым (а не просто преподавателем), уметь донести свои знания до учащихся. Наличие своей лингвистической концепции (научно-исследовательской программы) для него необязательно. Ученикам нужно обладать лишь способностью понять и усвоить

идеи своего учителя. Таким образом, здесь происходит приобщение к науке, без которого невозможно стать человеком науки.

Из этого вытекают другие особенности научно-образовательной школы, а именно:

- Она всегда имеет локальный характер (университет, институт, кафедра, сектор, лаборатория). Эта черта обуславливает формальный, т.е. основанный на юридической базе характер объединения учителя и учеников.

- Прямой контакт учителя с учениками. В качестве примера того, насколько большую роль это играет в воспитании ученого и человека, приведем воспоминания А.Горнфельда о А.А.Потебне: "Нас охватывала та атмосфера мышления, это волнение творчества, это мучительное счастье стремления к истине, то й н а с т о я щ е й, б о л ь ш о й истине, нам общалась эта невысказанная горячая вера в будущее. В ответ на слова учителя наш внутренний мир вибрировал в том же тоне, том же тембре, в том же настроении. Мы не аплодировали - э т о было важнее рукоплесканий, - но каждый уносил домой сознание, что с ним произошло нечто хорошее, что сегодняшний день не потерял, что жить и работать еще можно - и должно" /3/.

- Широкая база объединения, не ограниченная одной дисциплиной или проблемой.

Очевидно, в этом смысле можно говорить о школах И.И.Срезневского, О.М.Бодянского, В.И.Григоровича, заслуга которых состоит не только в их научных разысканиях, но и ознакомлении слушателей с современным состоянием славистики, умении увлечь молодежь самостоятельной разработкой научных проблем в этой области.

2. Научно-исследовательская школа. Это объединение ученых вокруг лидера для выполнения определенной научно-исследовательской программы. Здесь к отношению "учитель-ученики" еще добавляется отношение "основоположник-последователи". При этом основоположник обязан иметь свою лингвистическую концепцию (научно-исследовательскую программу), обеспечить существование в науке своих последователей и их научный рост, заботиться о подготовке новых кадров. Для этого он должен обладать авторитетом, выходящим за рамки данной школы. Поскольку у одного ученого может быть несколько таких программ (одновременно или последовательно), то он выступает основоположником нескольких школ. (Ср. Ф.И.Буслаев создал свои школы в фольклористике и теории искусства). Последователи при-

держиваются основных принципов программы лидера, развивая и дополняя ее. Например, Ф.Ф.Фортунатов разработал свою формальную грамматическую систему применительно к индоевропейскому языку, а его ученики и последователи (В.К.Поржезинский, Д.Н.Ушаков, М.Н.Петерсон) применили ее к языку русскому. С другой стороны, И.И.Срезневский в "Мыслях об истории русского языка" (1849) создал программу исторического изучения русского языка, но из всех его учеников только П.А. Лавровский принял участие в ее реализации ("О языке северных русских летописей", 1852). Поэтому вряд ли можно говорить о научно-исследовательской школе И.И.Срезневского в истории русского языка.

Из других особенностей научно-исследовательской школы необходимо отметить следующие.

- Она также имеет локальный характер, что нашло отражение во многих названиях (ср. московская, казанская, пражская, копенгагенская, женеvская и другие школы).

- В отличие от научно-образовательной эта школа обычно представляет собой неформальную организацию, предполагающую добровольное объединение ученых без каких-либо юридических прав. Поэтому здесь гораздо большую роль играет личное обаяние основоположника. Для наглядности сравним характеристику И.И.Срезневского и А.А.Потебни. О первом из них П.Н. Полевой писал в своих воспоминаниях: "За немногими блестящими высокохудожественными лекциями наступал целый ряд лекций вялых, скучных, никому ненужных, которые читались по каким-то старым тетрадкам и которые записывать (даже в виде конспекта) было невозможно. До очевидности ясно было для нас, что к этим лекциям профессор не готовился...> Была и еще одна очень дурная замашка у Срезневского, как профессора - мы эту замашку терпеть не могли. И по натуре своей - замкнутой, недоверчивой, крайне неподатливой на искренность - и потому времени, к которому относились его первые шаги на поприще науки, Срезневский был скептиком, в самом полном значении этого слова. И этот скептицизм (столь не свойственный юнoшескому сознанию) страшно коробил нас, когда профессор, посвятив более половины лекции на всестороннее обследование какого-нибудь вопроса и подходя к неизбежному выводу, вдруг изображал на своем лице недоумение...> Он искал оправдания себе и своей узкой научно-литературной деятельности, все более и более склоняясь на сторону сухого, педантически обследованного факта и утверждая, что в науке важны только отдель-

ные факты, а связь, последовательность изложения и постановка, освещение факта с известной стороны – не имеют значения. К сожалению, Исмаил Иванович внушал свое воззрение на научное исследование и той молодежи, которая его постоянно окружала и, тем самым, многих запугал и отбил от науки, а других в течение известного времени заставил идти таким путем, к которому они, собственно говоря, вовсе не были способны. В результате получалось разочарование, отвращение от научной карьеры, и очень часто – разрыв с Исмаилом Ивановичем, который для многих, не успевших в него поближе взглядеться, из обожаемого наставника и руководителя обращался потом в лютого врага" /4/. Такое мнение можно было бы считать субъективным, если бы оно не повторялось в еще более резкой форме в воспоминаниях А.М.Скабичевского, В.П.Острогорского и других.

Совсем иным предстает перед нами А.А.Потебня. Ср. отрывок из воспоминаний Р.И.Каширенинова: "Вдруг речь коснулась какого-нибудь вопроса, близкого его уму и чувству ученого. Выпрямился стан, молодым огнем заблистали из-под нависших бровей чудные, светящиеся умом глаза; таинственно, страстно зазвучал глубокий бархатный голос; кипящим ключом, душу обновляющей струей забила живая вода этого неиссякаемого источника глубокой мысли, необъятных познаний, тончайших наблюдений. Трепещут сердца слушателей, души их рвутся за могучим полетом орлиной мысли, а горящие глаза не отрываются от этого озаренного вдохновеньем и бесконечно дорогого им лица обожаемого Александра Афанасьевича <...> Наконец он кончил, взял шляпу <...>, порывисто поклонился и своею широкою походкой, усталый, вышел из аудитории. А очарованные слушатели, не понимая, как могло так скоро пронестись время, медленно встают с своих мест и нехотя покидают аудиторию, где они только что пережили счастливейшие минуты, быть может, всей своей жизни" /5/.

– Прямой контакт лидера с последователями. Без учета этой особенности иногда возникают явные недоразумения. Например, в уже упоминавшихся "Очерках по истории лингвистики" к ученикам А.Х.Востокова отнесены Б.Копитар, П.Шафарик и Ф.Миклошич.

– Платформа научно-исследовательской школы ограничена научно-исследовательской программой.

– Школа существует как автономное объединение, она не признается всеми, находится в состоянии конкуренции, даже антагонизма и взаимного игнорирования с другими школами из-за несовместимости точек зрения. Довольно показательным в этом

отношении является восприятие младограмматизма и казанской школы в конце XIX века. Младограмматизм рассматривался как последующий этап в развитии сравнительно-исторического языкознания. Как писал К.Ю.Аппель, "новограмматики не создали новых, неизвестных дотоле научных приемов, но требуют более строгого и последовательного применения приемов уже установленных. К Шлейхеровой школе они относятся почти так же, как Шлейхер сам относится к Воппу и его сподвижникам: значит, на новограмматическое направление следует смотреть просто как на дальнейший фазис (естественного) развития науки о языке" /6/. И.А.Бодуэн де Куртенэ противопоставил историзму и атомизму младограмматиков стремление к обобщениям, более усложненное понимание сущности языка и его функционирования, разграничение на этой основе языка и речи, статики и динамики, внутренней и внешней лингвистики. Поэтому его концепция воспринималась не как продолжение линии Ф.Боппа, Я. Гримма, А.Шлейхера, а как нечто отличное, призванное ниспровергнуть установившиеся традиции. Этому в определенной степени способствовало то обстоятельство, что у И.А.Бодуэна де Куртенэ стремление к самоутверждению нередко принимало форму безжалостной критики других ученых, форму отлучения от науки всего предшествующего языкознания.

- Понятие школы трудно поддается количественной характеристике. Иногда высказывается мнение, что минимальную школу составляют три поколения: учитель - ученик учителя - ученики. Г.Штейнер считает, что школа включает в себя по крайней мере два поколения ученых.

Разумеется, разграничение этих двух типов школ имеет относительный характер. Об этом говорит и тот факт, что их дифференциальные признаки оказываются перекрещивающимися. Научно-образовательная школа может быть одновременно и научно-исследовательской. Типичным примером являются казанская и харьковская школы.

Кроме того, важно разграничивать общую и частную историю языкознания. Если первая из них должна изучать общие тенденции и закономерности развития науки о языке, то вторая рассматривает историю изучения отдельного языка или групп родственных языков. При таком подходе набор авторов и концепций в каждой из историй окажется различным. Например, если Ф.Ф.Фортунатов, И.А.Бодуэн де Куртенэ войдут в историю общего, индоевропейского, славянского и русского языкознания, В.И.Григоревич и О.М.Бодянский - в историю славянского и русского

языкознания, то Н.И.Греч и В.И.Даль - только в историю русского языкознания. Это создает возможность наследие отдельных ученых не "подтягивать" до уровня мирового языкознания и не показывать их значение в поступательном развитии лингвистической мысли в целом. Поэтому и научные школы также имеют различный характер. Одни из них могут быть общелингвистическими (ср. школа Ф.де Соссюра или Пражский лингвистический кружок), другие - частнолингвистическими (ср. московская и ленинградская фонологические школы).

Отсюда возникает еще одна важная проблема, а именно национальное и интернациональное в научной школе. Как нам представляется, научная школа, как правило, носит национальный характер, поскольку в каждой стране имеются свои особенности общественно-исторического развития. Это вытекает также из таких признаков школы, как локальный характер и прямой контакт лидера с учениками и последователями. Но из этого нельзя делать вывод об узости и национальной ограниченности школы. Ее связь с мировой наукой может выражаться двояко. Во-первых, ни одна сколько-нибудь серьезная школа не может возникнуть иначе, как на основе достижений мировой науки. Во-вторых, при известных условиях национальная школа может приобрести интернациональный характер, если ее лидер получает настолько широкую известность, что к нему приезжают учиться из других стран. Таковой является московская школа, поскольку учениками Ф.Ф.Фортунатова были не только русские ученые, но и О.Брок (Норвегия), Торбьернсон (Швеция), Педерсен (Дания), Сольмсен и Вернекер (Германия), Белич (Югославия) и др. Более того, значимость школы определяется отчасти тем, насколько велико ее влияние за пределами страны. Интернациональное питается за счет национального, ибо науку создают люди, выросшие на почве определенной национальной культуры и вобравшие в себя ее традиции.

До сих пор мы говорили о разных видах школ и их особенностях, но не дали общего определения этого понятия. В качестве такого определения можно предложить следующее: школа - это группа людей, объединившихся для порождения, распространения или усвоения знаний и находящихся в соотношении "учитель-ученики" или "основоположник-последователи". Тем самым подчеркивается, что школа представляет собой некую системную организацию, для которой характерны два типа связей: генетические (учитель-ученик) и субординативные (лидер-члены школы).



Научная школа представляет собой историческую категорию. Она может возникать и распадаться. Причины возникновения школ могут быть различными. Т.Кун полагал, что школа это признак незрелости науки, симптом кризиса – распада единого сообщества на группировки. Такое утверждение заслуживает внимания, если рассматривать его достаточно широко, т.е. понимать под кризисом (или отклонением от "нормальной" науки) возникновение новых гипотез, концепций, предмета и метода исследования. Распад школы связан с прекращением совместных исследований в виду реализации программы или отказа от ее реализации, изменения интересов, устранения или смерти лидера, перехода лидера в организаторы (администраторы), перехода школы в научное направление.

Историческим является также характер школ. С.Ф. Ольденбург в свое время писал: "Если XVIII в. был веком академий, XIX – веком высшей школы, XX начинается тем, что становится веком исследовательских институтов" /7/. В соответствии с этим С.Д.Хайтун /8/ выделяет три исторических типа научных школ: "классическую", дисциплинарную и проблемную.

В период академий преобладал индивидуальный труд. При переходе от индивидуальных форм труда к коллективным появляется "классическая" научная школа, формирующаяся на базе университетов. Время ее существования определяется продолжительностью творческой активности лидера. В начале XX века происходит дифференциация науки, создаются научно-исследовательские институты и лаборатории. Группировка ученых идет больше вокруг предмета исследования (дисциплины), а не лидера, который уже не в состоянии вникать во все тонкости работы своих учеников и последователей. Отсюда школа приобретает дисциплинарный характер. Дисциплинарные школы существуют кратковременно (по американским данным, их продолжительность не должна превышать десяти лет, так как после этого они уже не в состоянии вырабатывать новые идеи). В следующий период возникают проблемные школы, которые представляют собой формальный коллектив, объединяющийся вокруг лидера для разработки той или иной проблемы. Длительность ее определяется временем жизни самой проблемы.

Эта концепция сформулирована на основе истории естественных и точных наук, но в общем виде она применима и к гуманитарным наукам.

Что касается вопроса о том, какие школы существовали в истории славяноведения, то сейчас ответить на него довольно

трудно, так как история и русского, и славянского языкознания изучена пока лишь в ее главных чертах и главных представителях.

Научное направление. Понятие "научного направления" значительно шире понятия "научная школа". Оно характеризуется следующими особенностями.

- Научное направление обычно возникает тогда, когда принципы и идеи, выдвинутые научной школой или отдельным ученым, получают широкое распространение, выходят за рамки данной школы, даже становятся общенаучным фондом. Лейпцигская школа взяла за основу своей концепции психологический индивидуализм, атомизм, последовательный историзм и признание безысключительного действия звуковых законов. Вскоре эти идеи были восприняты в других странах: Франции (М. Бреаль), Италии (Г. Асколи), США (В. Уитни), России (А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов). Так сформировался младограмматизм - ведущее направление в языкознании конца XIX века. Принципы пражской школы положили начало функциональной лингвистике.

- Научное направление может иметь несколько лидеров (последовательно или одновременно). Притом лидером можно стать, не имея учеников. А. Х. Востоков является основоположником славянского сравнительно-исторического языкознания в России, хотя и не создал своей научной школы. Такую же роль сыграл В. Гумбольдт, положивший начало гумбольдтианству.

- Научное направление является неформальным объединением и не имеет локального характера. Оно может быть как национальным (потемнинство), так и интернациональным (соссюрианство). В первом случае оно получает распространение только внутри одного народа (страны), во втором - среди ряда народов (стран).

- Для научного направления характерен опосредованный контакт (через тексты) в пространстве и времени лидера с последователями. Это значит, что оно непосредственно не связано с периодом продуктивной деятельности одного лидера, а может продолжаться и дальше. Казанская школа прекращает свое существование с отъездом И. А. Бодуэна де Куртенэ в Дерпт, но принципы заложенного им направления продолжали существовать до середины XX века. Идеи потемнинства нашли свое продолжение в трудах не только его учеников, но и последователей (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Кудрявский, отчасти А. М. Пешковский, А. А. Шахматов и др.). Таким образом, преемственность во времени создает традиции в науке.

- В научном направлении в связи с его протяженностью во времени и пространстве перестают играть какую-либо роль личные качества лидера, существенным остается только его талант и способность выдвигать новые идеи, т.е. идти все время впереди своих последователей.

- Научно-исследовательская программа научного направления носит сравнительно общий характер. Она включает в себя лишь принципы исследования, через которые реализуются различные подходы, принятые в отдельных научных школах и отдельными учеными. В научном направлении объединение ученых происходит вокруг этих принципов исследования, а не вокруг лидера.

- Научные направления могут иметь более и менее общий характер, т.е. быть междисциплинарными и внутридисциплинарными. В первом случае в истории языкознания можно выделить три основных направления: описательное, сравнительно-историческое и структуральное. Примером вторых могут служить логико-грамматическое, психологическое и формальное направления в русской грамматике.

- Научное направление может состоять из нескольких школ, но может не включать и ни одной школы. Например, логические грамматики у нас вначале создавались под влиянием грамматики Пор-Рояль и ее переделок, а затем на основе трудов К.Беккера. Но это не две самостоятельных школы, а только два течения внутри одного направления.

Таким образом, изучение научных школ и направлений создает еще один аспект в освещении истории лингвистической мысли.

## Л и т е р а т у р а

1. Бернштейн С.Б. К вопросу о научных школах и направлениях в языкознании. - Сб.: Общее и романское языкознание. - М.: Изд-во МГУ, 1972, с. 137.
2. Там же, с. 142.
3. Горнфельд А. О лекциях А.А.Потебни (из воспоминаний бывшего слушателя). - В кн.: Русское и славянское языкознание в России середины XVIII-XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). - Л.: Изд-во ЛГУ, 1980, с. 197.
4. Полевой П.Н. Три типа русских ученых. - Там же, с. 88-91.
5. Ветухов А. Из воспоминаний об А.А.Потебне (29 ноября 1891 г.) одного из последних его слушателей Р.И.Каширенинова. - Там же, с. 188.
6. Аппель К.Ю. Некоторые общие вопросы языкознания. - Русский филологический вестник, 1886, № 4, с. 354.
7. Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972, с. 557.
8. Хайтун С.Д. Об историческом развитии понятия научной школы. - Сб.: Школы в науке. М., 1977.

## СОДЕРЖАНИЕ

<u>П.А.Дмитриев.</u> В.И.Ленин, славянские языки и славянское языкознание .....	3
<u>Н.И.Толстой.</u> И.И.Срезневский - диалектолог .....	27
<u>Г.К.Венедиктов.</u> И.И.Срезневский и начало болгарской лексикографии .... ..	46
<u>М.В.Никулина.</u> Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) .....	75
<u>А.Д.Дуличенко.</u> Диалект молдавских славян Италии и русская славистика XIX - начала XX вв. ....	95
<u>Ю.И.Минералов.</u> Стилистические взгляды Г.О.Винокура и филологическая традиция .....	110
<u>С.В.Смирнов.</u> О понятиях "научная школа" и "научное направление" в истории языкознания .....	136